

ВЕСТНИК АНАЛИТИКИ

№ 1(39)

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ГЕОПОЛИТИКА
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ
ЭКОНОМИКА И ФИНАНСЫ
ДЕБЮТ
«КРУГЛЫЙ СТОЛ»
ПУБЛИКАЦИИ
ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ КНИГИ**

**PRESSING TOPICS
GEOPOLITICS
FOREIGN AFFAIRS
NATIONAL SECURITY
ECONOMICS & FINANCE
DEBUT
«ROUND TABLE»
PUBLICATIONS
NOTES ON A BOOK'S MARGINS**

ВЕСТНИК АНАЛИТИКИ

Журнал аналитических материалов

Учрежден Институтом стратегических оценок и анализа

Издается при поддержке ГК «Н-транс»

и Бюро социально-экономической информации

Выходит один раз в квартал

Главный редактор,
Председатель Совета –

Вагиф Гусейнов,
директор Института стратегических оценок и анализа

Первый заместитель
главного редактора –

Юрий Поройков, *к. филос. н.*

Редакционный совет:

Михаил Делягин, *д.э.н., академик РАЕН, председатель президиума, научный руководитель Института проблем глобализации*
Владимир Егоров, *д. филос. н., президент-ректор Российской академии государственной службы при Президенте РФ*
Сергей Караганов, *д.и.н., председатель президиума Совета по внешней и оборонной политике, заместитель директора Института Европы РАН*

Андрей Кокошин, *академик РАН, первый заместитель председателя к-та Государственной Думы РФ по науке и наукоемким технологиям*

Сергей КОРТУНОВ, *д. полит. н., зам. декана факультета мировой экономики и мировой политики ГУ ВШЭ*

Николай Михайлов, *д.э.н., советник председателя Совета директоров АФК «Система»*

Александр Назарчук, *д. филос. н., проф. кафедры социальной философии философского факультета МГУ им. М.В.Ломоносова*

Алексей Пушкин, *к.и.н., профессор МГИМО, автор и ведущий программы «Постскриптум»*

Александр Рар, *директор программ России и стран СНГ Германского совета по внешней политике (Германия)*

Владимир Рыжков, *к.и.н., председатель общественного движения «Выбор России», профессор ГУ ВШЭ. Автор и ведущий программы «Дым Отечества» на радиостанции «Эхо Москвы».*

Леонид Слуцкий, *д.э.н., первый заместитель председателя к-та Государственной Думы РФ по международным делам*

Андрей Федоров, *директор Фонда «Центр политических исследований и консалтинга»*

Александр Ципко, *д. филос. н., главный научный сотрудник Института международных экономических и политических исследований РАН*

Ответственные
за выпуск:

Константин Радовицкий, *к. соц. н.*
Мария КОРТУНОВА

© Институт стратегических оценок и анализа

Точка зрения авторов не всегда совпадает с позицией редакции

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Сергей Картунов. Войдет ли Россия в пятерку мировых лидеров?	5
Валерий Паульман (Эстония). Атака на топ-менеджеров?	18
Александр Свечников. О возможных последствиях глобального изменения климата	23

ГЕОПОЛИТИКА

Владимир Дергачев (Украина). Геополитическая трансформация Северо-Восточной Азии	31
---	----

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Петер Шульце (Германия). Политика кооперативной безопасности в Европе: сценарии и шансы	44
Ганс-Иоахим Шпангер (Германия). И снова о «холодной войне»: уроки прошлые и нынешние	54
Дмитрий Борисов, Эрнест Султанов. Ближневосточная шахматная доска: партия Вашингтона и Москвы	63
Георгий Мирский. Израильско-палестинский узел Большого Ближнего Востока	72
Арне Зайферт (Германия). Диалог с исламским миром как элемент евростратегии	77

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Анатолий Цыганок. Российское противостояние в Арктике. Сможет ли Россия отстоять Север?	83
--	----

ЭКОНОМИКА И ФИНАНСЫ

Эли Исаев, Абрар Ярлыкапов. Факторы долгосрочной модернизации финансов регионов	90
--	----

ДЕБЮТ

Павел Комаров. Возвышение Китая в контексте международной безопасности	99
---	----

«КРУГЛЫЙ СТОЛ»

Имидж России в современном мире	108
---------------------------------------	-----

ПУБЛИКАЦИИ

К 65-летию Великой Победы

Александр Урбан. «Выжили только мы: один из десяти угнанных»	133
---	-----

Как это было

Владимир Рощупкин. Провал операции «Орлиный коготь»	141
---	-----

Из истории советской дипломатии

Всеволод Олеандров. Как русский язык стал рабочим языком ООН	146
---	-----

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ КНИГИ

Эльвира Спирова. Может ли выжить капитализм? О книге Фридриха фон Хайека «Судьбы либерализма в XX веке»	150
Расим Агаев (Азербайджан). «Оттепель» в национальном интерьере. О книге азербайджанского историка Джамиля Гасанлы «Хрущевская «оттепель» и национальный вопрос в Азербайджане (1954–1959)»	154

Рецензия

Сергей Ознобищев. Международные отношения вступают на инновационный путь. О книге «Инновационные направления современных международных отношений»	159
--	-----

Тезисы статей на английском	162
-----------------------------------	-----

Об авторах	172
------------------	-----

CONTENTS

PRESSING TOPICS

Sergey Kortunov. Will Russia join the world leaders five?	5
Valery Paulman (Estonia). Are top managers under attack?	18
Alexander Svechnikov. On possible consequences of the climate's global change	23

GEOPOLITICS

Vladimir Dergachev (Ukraine). Geopolitical transformation of the North-East Asia	31
---	----

FOREIGN AFFAIRS

Peter Schultze (Germany). Policy of co-operative safety in Europe: scenarios and chances	44
Hans-Joachim Spanger (Germany). The Cold War revisited — past and present lessons	54
Dmitry Borisov, Ernest Sultanov. Washington and Moscow at the Mid-Eastern chessboard	63
Georgy Mirsky. The Israeli Palestinian the greater Middle East knot	72
Arne Seifert (Germany). Dialogue with the Islamic world as an element of the European strategy	77

NATIONAL SECURITY

Anatoly Tsyganok. The Russian opposition in the Arctic. Is Russia capable to defend the North?	83
---	----

ECONOMICS AND FINANCE

Abrahr Yarlykapov, Ahly Isaev. Factors of long-term modernizing the regions finances	90
---	----

DEBUT

Pavel Komarov. China's rise in the context of the international security	99
---	----

«ROUND TABLE»

Russia's image in the modern world	108
--	-----

PUBLICATIONS

Towards the 65th Anniversary of the Great Victory

Alexander Uhrban. «We are the only ones to have survived — One out of ten driven to captivity»	133
---	-----

The way it were

Vladimir Roschupkin. The operation Eagle Claw failure	141
---	-----

From history of the Soviet diplomacy

Vsevolod Oleandrov. How Russian became the UN working language	146
---	-----

NOTES ON A BOOK'S MARGINS

Elvira Spirova. Can the capitalism survive? <i>On Friedrich von Hayek «The Destinies of Liberalism in the 20th Century»</i>	150
Rasim Agaev (Azerbaijan). «The Thaw» in the national interior. <i>On Jamil Gasanly. The «Khrushchev's Thaw» and the Nationalities Issue in Azerbaijan (1954–1959)</i>	154

Review

Sergey Oznobishchev. The international relations take the innovative path. <i>On The Innovative Trends of Modern International Relations</i>	159
---	-----

SUMMARY	162
---------------	-----

OUR AUTHORS	177
-------------------	-----

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Сергей КОРТУНОВ

ВОЙДЕТ ЛИ РОССИЯ В ПЯТЕРКУ МИРОВЫХ ЛИДЕРОВ?¹

В июле 2008 года президент России Д.Медведев утвердил новую Концепцию внешней политики Российской Федерации. В октябре 2008 года правительство РФ утвердило Концепцию долгосрочного социально-экономического развития РФ до 2020 года, получившую название Стратегия-2020. В мае 2009 года президент РФ утвердил новую Стратегию национальной безопасности. В этих документах Россия ставит задачу вернуть себе статус великой державы и войти в пятерку наиболее богатых стран мира (по валовому ВВП), определяющих мировое развитие. Эти цели подтверждаются в выступлениях высшего политического руководства РФ даже в условиях кризиса.

Тем самым оно отвечает на запрос российской политической элиты, которая не удовлетворена нынешним положением России в современном мире. Во многом такая задача совпадает с чаяниями русского народа, в национальном самосознании которого глубоко укоренено представление о России как о великой стране, на протяжении многих веков игравшей ключевую роль в мировой истории. Очевидно, однако, что у страны пока нет реалистичной стратегии развития, которая позволяла бы рассчитывать на решение этой задачи. Таковой не может быть Стратегия-2020, поскольку она не подкреплена ни потенциалом «жесткой», ни потенциалом «мягкой» силы современной России.

Стратегия-2020

Похоже, однако, что до недавнего времени российское политическое руководство было убеждено, что такой потенциал у России есть. Во всяком случае, до начала мирового экономического кризиса наши руководители исходили из того, что дела в российской экономике идут весьма успешно.

В опубликованной на сайте Минэкономразвития 15 октября 2008 года, т.е. в самый разгар кризиса, Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 года, в частности, подводились следующие итоги развития России в 1991–2008-х годах, рассчитанные по паритету покупательной способности (ППС): объем ВВП РФ в 2008 году к уровню 1991 года — 110%, или 2 трлн. долл., в результате Россия по объему

¹ Индивидуальный исследовательский проект № 09-01-0010 «Россия в мировой политике после кризиса», выполнен при поддержке Программы «Научный Фонд ГУ ВШЭ».

ВВП стала «шестой экономикой мира»; золотовалютные резервы РФ — \$500 млрд.; внешний долг — \$460 млрд. (36% ВВП); доля в мировом производстве энергии — 10,3%.

На основании этих цифр в документе правительства РФ делался вывод о том, что «Россия восстановила статус мощной экономической державы, подтверждая свое право находиться в группе крупнейших стран — мировых лидеров».

Многие серьезные экономисты сочли данный вывод шапкозакидательским. В частности, они обратили внимание на некорректность подсчета ВВП РФ лишь по ППС. Если же считать ВВП по номинальному потенциалу (который является более объективным, чем ППС), то экономика России в 2008 году была не шестой, а всего лишь одиннадцатой². Таким образом, Россия не входила даже в «золотую десятку» наиболее развитых стран мира. По номинальному потенциалу ВВП мы в 10 раз уступаем США, почти в 5 раз отстали от Китая, вдвое — от Германии и Индии, оказавшись отброшенными во вторую десятку государств мира.

Самое же главное заблуждение правительства состояло в том, что оно полагало: до 2020 года в мировой экономике ничего похожего на кризис не произойдет, цены на энергоносители будут продолжать расти (глава Газпрома Миллер заявил в июле 2008 года, что в 2009 году нефть будет стоить \$200 за баррель), а с ними будет, как на дрожжах, расти и российская экономика, автоматически обеспечивая стране повышение ее политического статуса. И даже разразившийся мировой кризис не отрезвил наше руководство: в октябре 2008 года, уже в условиях кризиса, кто-то вписал в Стратегию-2020: «Мировой финансовый кризис продлится 3–4 квартала и к концу 2009 года будет преодолен. Россия выйдет из него с минимальными потерями и даже окрепшей».

Все эти заблуждения дали нашему правительству основания для того, чтобы наметить прямо-таки фантастические планы на следующие 10–15 лет. Так, в 2015–2020 годах Россия должна была войти в пятерку мировых лидеров по объему ВВП (по ППС), а к 2030 году ВВП должен был возрасти в 3,8 раза. При этом производительность труда должна была возрасти в 3–5 раз, а доля России в мировой экономике в целом — 4,3% (2008 год — 3,2%) по ППС.

Планировалось также резкое увеличение уровня жизни граждан России. В 2020 году ВВП на душу населения составил бы 30 тыс. долл. (2007 год — 14 тыс. долл.), а в 2030 году — 50 тыс. долл. В 2025 году средняя продолжительность жизни составила бы 75 лет; при этом уровень смертности от насильственных причин снизился бы вдвое. Высшим образованием в эти сроки планировалось охватить 70% населения. Уровень обеспеченности жильем — до 30 кв. м на человека (или приблизительно 100 кв. м на одну семью). При запланированных инфляции в 3% в год (в 2008 году она составила 13,5%) и темпах роста ВВП в 6–7% в год рост потребительских цен в 2020 году должен был составить всего 3%.

К 2020 году намечалась серьезная реструктуризация национальной экономики в сторону инновационного развития: доля инновационных предприятий должна была составить 40–50% (2008 год — 8,5%); доля инновационной продукции в национальной экономике — 25–35% (2008 год — 5,5%); затраты

² CIA World Factbook 2008.

в федеральном бюджете на НИОКР — 2,5–3% (2008 год — 1%); сектор экономики знаний — 19% (2008 год — 10%); удельный вес инновационной продукции — 35% (2008 год — 0,5%). При этом доля нефтегазового комплекса должна была упасть до 10–12% (2008 год — 19%).

За счет такой реструктуризации к 2020 г. планировалось существенно потеснить мировых конкурентов на рынках высоких технологий и инновационной продукции: место России на рынках высоких технологий должно было составить 5–10%; доля России в мировом технологическом рынке — 5–10%; удельный вес экспорта инновационных товаров в мировом инновационном экспорте — 2% (2008 год — 0,3%); доля гражданской авиационной техники на мировом рынке продаж такой техники — 10–15%; доля на рынке космических услуг — 30%. Намечалось увеличение экспорта национальной машиностроительной продукции в 6 раз. В эти же сроки Россия должна была организовать серийное производство истребителя «пятого поколения» и выйти с ним на мировой рынок торговли оружием, т.е. обеспечить способность конкуренции на этом рынке с США.

В Стратегии-2020 записано, что Россия станет одним из глобальных центров мирохозяйственных связей, что, по планам правительства РФ, должно обеспечить России к 2020 году ведущие позиции в основных международных институтах — «Группе восьми», ООН, МВФ, ВТО, ОЭСР и т.д.

Такая задача должна была решаться в три этапа:

- 2008–2012 годы — обеспечиваются реализация и расширение имеющихся конкурентных преимуществ: энергетика, транспорт, аграрный сектор, переработка природных ресурсов;
- 2013–2020 годы — осуществляется переход на новую технологическую базу: информационные, био- и нанотехнологии, улучшение качества человеческого капитала и социальной среды, происходит структурная диверсификация экономики;
- после 2020 года — достигается закрепление лидирующих позиций России в мировом хозяйстве и превращение инноваций в ведущий сектор экономического роста, формирование сбалансированной социальной структуры общества.

Стратегия-2020 уже в конце октября 2008 года бесследно исчезла с сайта Минэкономразвития. Тем не менее, члены правительства РФ, включая министра экономического развития, с тех пор неоднократно подтверждали, что эта Стратегия полностью сохраняет свою силу³. В конце 2008 года была опубликована новая редакция Стратегии-2020, правда, уже без вышеупомянутых амбициозных цифр. При этом политическое руководство Российской Федерации по-прежнему следует поставленной ранее задаче: вывести к 2020 году страну в «пятерку» мировых лидеров. При этом МИД РФ развивает концепцию «коллективного лидерства», имея в виду лидерство нескольких наиболее влиятельных в экономическом, военном и политическом отношении стран, в число которых якобы войдет (или уже даже вошла) Россия.

Попробуем разобраться, насколько эти планы реалистичны.

³ См. выступления министра экономического развития РФ: на заседании правительства РФ 1.10.08; на заседании Совета Федерации Федерального Собрания РФ 15.10.08; на конференции «Формирование инновационного класса в России и мире в XXI веке». Официальный сайт минэкономразвития РФ; Газета, 27.03.09.

Экономическое положение России и показатели ее конкурентоспособности

Экономическое положение Российской Федерации в современном мире просто несопоставимо с положением, например, СССР. До 1989 года Советский Союз по объему ВВП (но, конечно, не по эффективности) был второй экономикой мира. Его ВВП составлял не менее 60% от ВВП США (а объем промышленного производства — 80%) и в четыре раза (!) превосходил ВВП КНР. В 2008 году, несмотря на экономический рост в среднем на 7% в год после дефолта в 1998 году, ВВП РФ по номинальному потенциалу составил 6% от ВВП США (по паритету покупательной способности — 10%) и 18% от ВВП КНР (по ППС — 24%). В отличие от РФ, внешний долг которой в 2008 году, по данным Минэкономразвития, составлял 460 млрд. долл. (36% ВВП), в 1985 году внешний долг СССР составлял всего 20 млрд. долл. (4,6 % от ВВП)⁴.

К этому следует добавить, что, по мнению ряда отечественных экономистов, например, Е.Гайдара, Е.Ясина, Я.Кузьмина и др., экономический рост РФ в 1999–2008 годах был во многом *восстановительным*⁵, а кроме того, определялся ростом мировых цен на энергоносители, который не ведет к увеличению их производства в тоннах (нефть) и в кубометрах (газ), но увеличивает их стоимость, что, соответственно, увеличивает показатель номинального ВВП. К тому же он был связан с процессом виртуализации экономики США. Вот публичное заявление одного из архитекторов путинской России В.Суркова: «Я хочу напомнить, что наш экономический рост — производная от того пузыря, который американцы надували. Мы ведь не заслужили этот рост»⁶.

Таким образом, наш хваленый экономический рост, не будучи ростом качественным, в значительной степени представлял собой самообман. Конечно доля России в мировой энергетике весьма значительна — 10,3%. Однако наша доля в инновационной экономике мира, в которую мы хотим интегрироваться, катастрофически ничтожна — 0,3% (!).

По данным ЦРУ, в 2008 году ВВП РФ достиг лишь 77% ВВП РСФСР и 47% ВВП СССР в 1989 году, а на душу населения, соответственно, 94,4% и 80%. При восстановлении докризисных темпов роста российской экономики в 2010 году (что, конечно, крайне маловероятно) только через пять лет ВВП РФ превзойдет уровень ВВП РСФСР в 1989 году⁷.

Данные же МВФ, приводимые известным российским экономистом В.Кудровым, показывают и другую весьма неблагоприятную для России реальность — значительное снижение ее доли в мировом ВВП: по сравнению с 1950 годом — на 56,2% и по сравнению с 1990 годом — на 44,8%⁸.

По критическому уровню некоторых жизненно важных показателей Россия также по-прежнему находится в весьма плачевном положении: по продовольственной безопасности она зависит от импортной продукции на 50% (критический уровень — 30%), при этом Москва и Санкт-Петербург зависят от импортного продовольствия на 90%, а другие крупные города России — на

⁴ Россия в новом веке: внешнеполитическое измерение. Сб. материалов заседаний Экспертного совета Комитета Совета Федерации по международным делам. — М. 2006. С. 302–303.

⁵ Размышления о посткризисных временах. Новостная служба портала ГУ ВШЭ. 8.04.09.

⁶ Независимая газета. 3.03.2009 г.

⁷ CIA World Factbook 1990 and CIA World Factbook 2008.

⁸ Кудров В. Место Европы в мировой экономике // Современная Европа, 2000, № 2.

70%; потребление чистого алкоголя составляет в России 18 литров в год на каждого человека (критический уровень — 8 литров); разрыв уровня жизни в различных регионах в России достигает 25 раз (критический уровень — 5)⁹.

В рейтинге Всемирного экономического форума в 2009 г. из 131 страны мира Россия заняла лишь 58-е место. В первую десятку вошли США, Швейцария, Дания, Швеция, Германия, Финляндия, Сингапур, Япония, Великобритания и Нидерланды. При этом страны постсоветского пространства заняли следующие места: Эстония — 27; Литва — 38, Латвия — 45, Казахстан — 61, Узбекистан — 62, Азербайджан — 66, Украина — 73, Грузия — 90, Армения — 93, Молдова — 97, Таджикистан — 117, Кыргызстан — 119.

Индекс глобальной конкурентоспособности составляет 12 слагаемых: качество институтов, инфраструктура, макроэкономическая стабильность, здоровье и начальное образование, высшее образование и профессиональная подготовка, эффективность рынка товаров и услуг, эффективность рынка труда, развитость финансового рынка, технологический уровень, размер рынка, конкурентоспособность компаний, инновационный потенциал. Конкурентные преимущества России были определены ВЭФ в следующих сферах: макроэкономическая стабильность, высшее образование, гибкость рынка труда, размер рынка, инновационный потенциал, а основные проблемы определены в таких областях, как здоровье и начальное образование, инфраструктура, качество институтов и услуг, эффективность рынка товаров и услуг, конкурентоспособность компаний. При этом в индексе конкурентоспособности для бизнеса (конкурентоспособность компаний и качество бизнес-климата) Россия заняла 71-е место.

Так, в управлении предприятиями низка общая квалификация менеджеров, особенно финансовых; плохие школы бизнеса и недостаточное знание иностранных языков. Слабыми конкурентными преимуществами являются маркетинг, эффективность производственных процессов, контроль за издержками, управление человеческими ресурсами, общее управление компаниями. В сфере технологий низка способность к восприятию инноваций, практически отсутствует защита интеллектуальной собственности, не налажен технологический трансферт посредством прямых иностранных инвестиций и лицензирования иностранных технологий. Инфраструктура отличается слабым развитием современной связи и недостаточными инвестициями в телекоммуникации, в то время как последние, наряду с информационными технологиями, представляют собой магистральные направления технологического развития. Деятельность правительства страдает от воздействия на нее групп влияния, от неэффективности государственных расходов. Налоговая политика требует кардинального совершенствования, так как широкие масштабы приобрела практика уклонения от уплаты налогов. По величине ВВП на душу населения мы оказались на 46-м месте в мире.

По всем этим показателям Россия сегодня, таким образом, проигрывает не только ведущим промышленно развитым державам мира, но и многим бывшим советским республикам. Так что вывод нашего правительства о том, что «Россия восстановила статус мощной экономической державы, подтверждая свое право находиться в группе крупнейших стран-мировых лидеров» был, мягко говоря, сильно преувеличен.

⁹ Россия в новом веке: внешнеполитическое измерение. Сб. материалов заседаний Экспертного совета Комитета Совета Федерации по международным делам. — М. 2006. С. 304–305.

Оценка инновационного потенциала

Вопреки устоявшемуся стереотипу российского мышления, инновационный потенциал России невелик, что ставит под вопрос не только возможность ее выхода в ближайшие 10–20 лет в лигу мировых лидеров, но и реалистичность озвученных Д.Медведевым в Послании Федеральному Собранию (12 ноября 2009 года) планов скорейшей национальной модернизации.

Вклад высокотехнологичных отраслей в добавленную стоимость промышленности остается в России на уровне 10%, а уровень производительности труда в этих отраслях «ровно в десять раз ниже, чем в добывающих отраслях». Иными словами, ясно, что высокотехнологичные отрасли промышленности в России «остаются таковыми только по определению» и не оказывают никакого решающего влияния на реструктуризацию экономики и переход к новой модели экономического роста. И если взять соотношение между объемами инновационной продукции и затратами на инновации, то в России эта пропорция самая низкая среди всех европейских стран. Весьма важно и качество этих инноваций. Здесь также имеются проблемы: из 5,5% объема инновационной продукции в общем объеме продаж лишь 0,5% относится к «принципиально новой продукции, новой не только для самих предприятий, но и для мирового рынка». В настоящее время к числу инновационных можно отнести 2,5 тысячи российских промышленных предприятий, что составляет примерно 10% крупных и средних предприятий России. Если раньше доля России на мировом рынке высокотехнологичной продукции составляла 0,33%, то сегодня речь уже идет о 0,28%. У Гонконга, для сравнения, этот показатель составляет 5,5%¹⁰.

В последние годы с подачи властей граждане РФ чуть ли не поголовно уверовали в миф об обильности и совершенстве отечественных технологий. Несмотря на то, что наши граждане лечатся на 68% импортными лекарствами и покупают все больше иностранных автомобилей, они уверены в том, что высокие технологии в России имеются чуть ли не в избытке.

Если количество организаций, выполнявших исследования и разработки, с 1992 г. сократилось незначительно (на 20,3%), то проектных и проектно-исследовательских организаций — в 8,5 раза, а численность исследователей упала более чем вдвое. Если в 1992 г. по числу исследователей США опережали Россию в два раза, то в 2006 г. — в 6 раз, что с учетом превосходства по численности населения дает американцам трехкратную фору. Если в начале 1992 г. федеральные ассигнования на науку составляли 2,43% от всех расходов, то в «тучном» 2006 г. — 2,27%¹¹.

Еще одна беспочвенная мечта связана с близкими успехами государственных корпораций. Утверждается, что любые промышленные прорывы в разных странах обеспечивались именно с участием государства в программах развития, и Россия должна идти по этому пути. Отчасти это верно, но страны, прошедшие через этап быстрой модернизации, создавали госкорпорации, прежде всего, для вывода своей продукции на мировой рынок. В России же псевдогосударственные корпорации создаются для установления монополии на внутреннем рынке, закачки государственных средств и последующего акционирования (приватизации).

¹⁰ Время новостей. 10.04.2009 г.

¹¹ Иноземцев В., Кричевский Н. Конец русской народной сказки // Московский комсомолец. 5.11.2008 г.

Сегодня в российских госкорпорациях консолидируются неконкурентоспособные активы — обанкротившиеся авиаперевозчики, нерентабельные автозаводы, военные производства, в планах которых внешняя экспансия вообще не стоит. Это дискредитирует саму идею участия государства в процессе модернизации и ставит под сомнение возможность нашей страны встать в один ряд с промышленно развитыми державами¹².

Флагманами экономики, например, Германии, являются такие крупнейшие высокотехнологичные компании, как «Даймлер-Крайслер» и «Сименс». Однако 70% немецкой промышленности — это малые и средние фирмы. Они и производят основную массу новых инженерных решений и инноваций. Именно малый и средний бизнес, таким образом, является локомотивом всего инновационного процесса в Германии. Эти компании находятся в состоянии постоянной конкуренции и вынуждены предлагать на рынке новые, более эффективные и дешевые инновации, продукты лучшего качества. Поэтому именно развитие малого предпринимательства является стратегически важной областью для тех стран, которые сегодня хотят занимать первые места в международной конкурентной борьбе.

В России примерно 12% ученых мира (имея в виду не только технические, но и гуманитарные дисциплины) и, вместе с тем, ее доля в мировом инновационном рынке составляет 0,3%. Это чудовищный разрыв. И он говорит о том, что в России нет того механизма (который существует в развитых странах, в Америке, в Европе, в частности, в Германии) преобразования идей, высоких технологий, инноваций в рыночный продукт. Т.е. отсутствуют эффективные центры инновационного развития. Еще один фактор — подготовка кадров, которые в состоянии осуществить трансферт технологий. На сегодняшний день в России, по сути дела, нет менеджеров, которые способны заниматься инновационной деятельностью как в составе вузов и НИИ, так и на производстве.

Ведущим социально-экономическим укладом России продолжает оставаться индустриальный уклад с доминированием сырьевых производств, занимающих самые низкие уровни мировых технико-экономических цепочек. Проблема заключается, однако, не только в сырьевой специализации России, но и в проявившейся неспособности добывающих отраслей породить инновационную волну для перехода к новому укладу. Воспроизводящаяся в рамках устаревшего уклада сырьевая элита не может стать творцом инновационного проекта для России, так как не имеет объективных потребностей и стимулов связывать свое будущее с технологической модернизацией. По этой причине проведение национальной модернизации сопряжено с необходимостью изменений в социально-политической структуре общества. При растущем значении инновационного уклада общество должно быть соответствующим образом организовано, а силы модернизации — иметь в нем большой политический вес и создавать вдохновляющий общество образ будущего.

В сложившейся ситуации нет ясности, откуда в обозримую перспективу могут появиться в России социальные силы инновационного уклада. Нет «инновационного лобби» и в российских органах власти. Научно-исследовательская деятельность оторвана от государственных и корпоративных задач, а академическая, инженерная и образовательная элиты занимают консерва-

¹² *Иноземцев В., Кричевский Н.* Конец русской народной сказки // Московский комсомолец. 5.11.2008 г.

тивные позиции. Гуманитарные технологии неразвиты, а технократически понимаемая инновационная деятельность часто не выходит за пределы лабораторий. Политическая и технократическая элита России практически не взаимодействуют между собой.

Для изменения ситуации необходимо изменение стереотипа поведения людей, их менталитета и личностных качеств как главных характеристик современного производства, без которых инновационный сценарий для России не сможет быть реализован. Вряд ли требуемая переориентация сложится естественным путем. Для этого нужна системная поддержка усилий корпораций и частных лиц со стороны государства, которое должно сосредоточить свои усилия не в традиционных отраслях, а в инновационном секторе. Но нынешняя экономическая философия правительства РФ признает только институциональное развитие, полностью отвергая необходимость промышленной политики и концентрации усилий на перспективных направлениях повышения национальной конкурентоспособности.

Позиция государства как главного предьявителя спроса на высокие технологии и единственного социального института, способного изменить положение дел с развитием научно-технической сферы страны, имеет особое значение в решении проблемы технологической модернизации и эффективного встраивания российского ОПК как источника научно-технологических разработок в нынешнюю социально-экономическую реальность. Но этого пока не происходит. Доминирующая в нынешнем политическом пространстве бюрократическая среда не в состоянии сформировать постиндустриальную реальность.

Условием возникновения и развития созидательно-творческих сил может быть только гражданское общество, конструктивно взаимодействующее с государством по формированию и реализации идеи технологической модернизации страны. Отсюда вытекают политические задачи государства как субъекта технологической модернизации: обеспечение свободы СМИ и развитие демократических институтов.

Государство может достойно выступить в роли субъекта технологической модернизации только в случае, если проявит себя как духовная сущность, а не как бюрократический механизм. Иными словами, для выполнения своей миссии само государство должно измениться и стать адекватным тенденциям постиндустриальной трансформации общества. Развитие демократии и политическая поддержка созидательно-творческих сил должны способствовать реализации их главных функций — восприятию мировой культуры и национальному самовыражению в мировом сообществе.

Данная духовная тенденция требует идеологического оформления и политического выражения в государственной деятельности партийном строительстве. Незавершенность процесса формирования партий и партийных идеологий в России не позволяет определить общественно-политического субъекта национальной модернизации. Более того, в рамках «право-левой» системы координат невозможно адекватно и в концентрированном виде выразить потребность России в постиндустриальном развитии.

В сложившихся условиях и при нынешнем состоянии партийно-политического пространства идея национальной модернизации может и должна приобрести самостоятельное смысло- и системообразующее значение. Но это произойдет не раньше, чем в России появится ее субъект.

Место России в глобальной финансовой архитектуре

Вопрос о новой глобальной финансовой архитектуре стал активно обсуждаться международным сообществом уже в октябре-ноябре 2008 года. 15–16 ноября 2008 года в Вашингтоне проходит саммит «Группы двадцати», в ходе которого была принята Декларация по финансовым рынкам и мировой экономике. В ней дан крайне слабый анализ коренных причин кризиса и сформулированы весьма расплывчатые рекомендации по реформированию мировой финансовой системы: повышение транспарентности и подотчетности, укрепление качественного регулирования, обеспечение согласованности финансовых рынков, укрепление международного сотрудничества, реформирование международных финансовых организаций, приверженность открытой глобальной экономике, пруденциальный надзор, управление рисками и т.д. Уже тогда стало очевидным, что никто всерьез менять сложившуюся мировую финансовую систему не хочет. По оценке М.Гилмана, этот саммит не стал «новым Бреттон-Вудсом», он, скорее, отразил желание европейских политиков показать, что они что-то делают, чтобы противостоять рецессии в своих странах, да еще запоздалую попытку уходящего президента США оставить после себя хоть какое-то позитивное наследство¹³.

На фоне продолжающегося невнятного бормотания о международном сотрудничестве в марте 2009 года на сайте президента РФ появился анонимный (никем не подписанный) документ — «Предложения Российской Федерации к саммиту «Группы двадцати» в Лондоне (апрель 2009 года)».

В нем предлагалось принять решение о созыве международной конференции, по результатам которой будут согласованы основные параметры мировой финансовой архитектуры. В этом контексте, в частности, говорилось о необходимости расширения (диверсификации) перечня валют, используемых в качестве резервных, на основе принятия согласованных мер по стимулированию развития крупных региональных финансовых центров, а также о необходимости создания наднациональной резервной валюты, эмиссия которой будет осуществляться международными финансовыми институтами.

В этом и состояла ахиллесова пята кремлевского документа: ведь не может быть мощной глобальной альтернативной валюты без мощного мирового государства. А государства такого не может быть без мощного глобального властного субъекта. Международные финансовые институты могут печатать лишь ничем не подкрепленные и ничего не стоящие бумажки.

Возможно, творцы кремлевского документа хотели стать закоперщиками в деле радикальной перестройки всей глобальной архитектуры, тем более, что с аналогичными предложениями выступили Казахстан и Китай. Однако 24 марта 2009 года президент США Барак Хусейн Обама на пресс-конференции в Белом доме резко осадил всех «реформаторов»: «Доллар сейчас имеет небывалую силу. Я не вижу оснований для появления новой резервной валюты». Он указал при этом на тот спрос, который ныне существует на доллар. А также на то, что инвесторы считают США самой сильной экономикой мира с наиболее стабильной политической системой.

Кроме Барака Обамы, с резкой критикой идеи введения альтернативной мировой валюты выступили сразу две ключевые фигуры — министр финансов США Т.Гайтнер и председатель Федеральной резервной системы США

¹³ Время новостей. 11.11.2009 г.

Б.Бернанке. В поддержку же идеи альтернативной мировой валюты выступил Дж.Сорос и лауреат Нобелевской премии по экономике Р.Манделл (интеллектуальный творец евро).

На наш взгляд, если большая часть элиты России и президент Д.Медведев хотят «перезагрузить» российско-американские отношения, ничего более разрушительного в плане реализации этой задачи, нежели предложение о создании глобальной валюты, альтернативной американскому доллару, быть не может. Присоединившись к этому предложению, Россия моментально оказалась в фокусе недовольства и раздражения США. От Китая они предложение по поводу «смерти доллара» стерпели. Казахстан они просто не заметили. Но России они этого, скорее всего, не простили.

Таким образом, документ Кремля можно охарактеризовать как не только крайне противоречивый и невнятный, но и в целом ряде пунктов просто не отвечающий российским национальным интересам. К счастью, их даже никто всерьез (кроме экспертов) не обсуждал, что само по себе говорит о реальном месте России в мировой финансовой архитектуре. Тем не менее от идей создания наднациональной резервной валюты, а также создания в Москве национального финансового центра, наше руководство не отказалось, что подтверждается в самых последних публичных выступлениях и президента, и премьер-министра РФ.

Эти же идеи, которые в серьезных финансовых кругах мира даже не обсуждаются, остаются в поле дискуссии отечественных экспертов. Например, на взгляд специалистов близкого к Кремлю Института развития фондового рынка, наиболее целесообразный в нынешних условиях путь — это формирование и развитие в России самостоятельного национального финансового центра. Основой в данном случае должно стать формирование именно в России цены на экспортное российское стратегическое сырье. Причем ценообразование должно осуществляться исключительно в национальной валюте — в рублях¹⁴.

Однако после лондонского саммита развитие событий пошло по другому варианту. Принятые в Лондоне совместные документы — «План действий по выходу из глобального финансового кризиса», «Заявление об укреплении финансовой системы», «Заявление о направлении ресурсов через международные финансовые учреждения» — вновь подтвердили полное нежелание властителей мира сего чего-либо менять в сложившейся мировой финансовой системе, а тем более — создавать некую «новую мировую финансовую архитектуру»¹⁵. «Большая двадцатка» подтвердила, что от нее можно ждать лишь косметического ремонта существующей системы управления мировыми финансами. Даже Б.Обама, который пришел к власти в Америке чуть ли не с лозунгами революции, не предлагал на саммите ничего революционного и выглядел весьма осторожным реформатором. Да и никто другой — из тех стран, которые обладают реальным экономическим весом (Германия, Франция, Япония, Китай, Индия, Бразилия, ЮАР) — никаких новых механизмов управления миром создавать не собирався и не собирается. Не надо строить иллюзии: все остальные государства присутствуют в «двадцатке», скорее, по

¹⁴ Что ждет Россию в кризисе. Сегодня.Ру. 31.03.2009 г.

¹⁵ Единственным важным решением было выделение более одного триллиона долларов в качестве ресурсов Международного валютного фонда, Всемирного банка, региональных банков развития, экспортных агентств — для поддержки стран, которые наиболее сильно пострадали от кризиса, для поддержки торгового финансирования.

принципу представительства. Голос же России является далеко не решающим. И те решения, которые были приняты на саммите в Лондоне, вполне могли быть приняты и в формате «большой восьмерки».

Объем помощи мировой финансовой системе, реализованный ФРС и ЕЦБ, уже превысил 3 трлн. долл. В эту сумму входят кредитные линии более чем на \$120 млрд., открытые Федеральной резервной системой США для развивающихся стран: Бразилии, Мексики, Сингапура, Южной Кореи. Цель проста — не допустить спада производства в этих странах вследствие нехватки оборотных средств. Можно быть уверенным в том, что центральные банки развитых государств будут эмитировать столько денег, сколько потребуется для преодоления кризиса. Россия же, вместо того чтобы заняться собственными проблемами, все больше хочет поучаствовать в глобальной игре, не имея ни устойчивой валюты, ни значительных резервов, ни определяющего влияния.

Поэтому пока нет ощущения, что происходит какое-то прорывное изменение в управлении миром. Скорее, то, что происходит — это попытки закамуфлировать сохранение старой системы управления с помощью некоторых косметических мер. Политическое лидерство Америки в мировом масштабе сохраняется, сохраняется и ее экономическое лидерство. Для того, чтобы произошло революционное изменение, должен появиться субъект этого изменения, то есть некая сила, которая будет стоять за революцией. Но такой силы пока нет. Ею не готов стать Китай, у которого существуют собственные экономические проблемы. Ею не может стать Европейский союз, который пока децентрализован и не имеет консолидированной внешней и военной политики. А больше никто на то, чтобы столкнуть Соединенные Штаты с вершины мировой экономической и финансовой пирамиды, даже не может претендовать.

США занимают первое место в мире по размерам ВВП — 14,4 трлн. долл., около 22% мирового ВВП (по ППС); третье место по размерам ВВП на душу населения — после Норвегии и Люксембурга; одно из ведущих мест в мире по обеспеченности природными ресурсами. Они — научно-технический лидер современного мира: расходы на науку составили в 2006 году 342 млрд. долл. (более 30% общемировых расходов); на долю США приходится 44% всех полученных в мире Нобелевских премий в области науки. Америку характеризуют высокие показатели развития человеческого потенциала: 29% рабочей силы имеют законченное высшее образование, расходы на образование составляют 7,7% ВВП, на здравоохранение — 14% ВВП. США занимают первое место в мире по уровню производительности труда, по глобальным индексам конкурентоспособности, одно из первых мест по показателям качества жизни, по объему внешней торговли — 3,9 трлн. долл.; в их экспорте и импорте доминирует продукция обрабатывающей промышленности: в экспорте она достигает 90%; их доля в экспорте мировой высокотехнологической продукции составляет 40%. США являются как крупнейшим международным инвестором, так и кредитором, притом, что ввоз капитала в страну значительно превосходит его вывоз. Стоимость американских активов за рубежом — 17,6 трлн. долл., иностранных в США — 20,1 трлн. долл. В США насчитывается 2369 американских ТНК: 25 из 100 крупнейших ТНК — американские¹⁶.

¹⁶ Стенограмма выступления д.э.н. В.Б.Супяна на заседании Ученого Совета факультета мировой экономики и мировой политики ГУ ВШЭ. 26.03.2009 г.

Совокупность всех этих факторов, которые не изменит кризис, позволяет сделать твердый вывод о том, что мировой резервной валютой на обозримый период останется доллар, подкрепленный не только самой мощной экономикой мира, но и сильнейшими в мире вооруженными силами (половина всех мировых военных расходов — американские). И эту реальность придется учитывать России, оставив нелепые и смешные фантазии по поводу своих возможностей (они — нулевые) стать «проектировщиком мировой финансовой архитектуры».

Столь же нелепо и смешно мечтать о том, что Москва в обозримом будущем станет «международным финансовым центром». Важно отдавать себе отчет в том, что общий объем валютных операций в день, которые проходят большей частью через Нью-Йорк, Вашингтон, Берлин, Париж, Лондон и Токио, составляет \$4 трлн. Доля Москвы в этом обороте составляет 0,1%¹⁷. О каком центре может идти речь? Кому он нужен? Единственное место, где он может возникнуть — это Пекин, но китайцы делают все, чтобы он там не возник.

Инновационная стратегия — императив развития

Можно согласиться, что главный вектор Стратегии-2020 задан правильно: ключевым компонентом модернизационного сценария для России является твердая ориентация на переход к инновационному типу развития, к «экономике знаний». В то же время переход к инновационной стратегии, разумеется, не может быть простым повторением Стратегии-2020, разработанной правительством до кризиса, который показал, что инновационная экономика не может быть построена на основе прежней порочной экономической политики. Формирование инновационной экономики означает превращение интеллекта, творческого потенциала человека в ведущий фактор экономического роста и национальной конкурентоспособности, наряду со значительным повышением эффективности использования природных ресурсов и производственного капитала. Источником высоких доходов становится не только возможность получения ренты от использования природных ресурсов и высокой мировой конъюнктуры, но и производство новых идей, технологий и социальных инноваций. Это позволит России выдержать конкуренцию как с дешевой рабочей силой экономик Китая и Индии, так и с высококачественной и инновационной продукцией развитых стран Европы, США и Азии. И это, похоже, сегодня понимает наше политическое руководство, высшие представители которого, включая президента РФ, в последнее время только и говорят о переходе к инновационному типу развития¹⁸. В таком же духе в последнее время выступает и В.Путин.

Что ж, намерения нашего политического руководства весьма похвальны. Только ему надо понять простую вещь: последние десять лет прошли под их руководством под лозунгом стабилизации. Но никто в мире не мог быть одновременно стабилизатором и модернизатором. Таких примеров история не знает. Наши руководители стабилизировали ситуацию и, как известно, этим гордились, как своим главным достижением. При этом, однако, они отказа-

¹⁷ Сценарии посткризисного развития России. Лекция Владислава Иноземцева. Полит.РУ. 29.01.2009 г.

¹⁸ См., например: *Медведев Д.* Интервью телекомпании Би-би-си 29.03.2009 г.; выступление на встрече с программистами 6.05.2009 г.; Послание Президента РФ Федеральному Собранию 12.11.2009 г. // Официальный сайт Президента РФ.

лись от модернизации. Теперь же они заговорили вдруг про инновационную модернизацию. Но для того чтобы приступить к ней, надо реформировать созданную систему, которая путь к такой модернизации закрывает. И чем больше правительство РФ будет говорить об инновациях, тем больше оно будет подрывать устои системы, которую оно создало и частью которой оно является.

Хорошо бы понять и другое: сырьевая элита, которая доминирует в России и которая сознательно создавалась и пестовалась, по определению, не может быть субъектом инновационного типа развития. Она — носитель индустриального уклада с доминированием сырьевых производств, занимающих самые низкие уровни мировых технологических цепочек. Этот уклад в принципе не способен породить инновационную волну и перейти к постиндустриальному укладу. Сырьевая элита, которая воспроизводится в рамках устаревшего уклада, не может стать носителем инновационного проекта, так как не имеет стимула связывать свое будущее с модернизацией.

Что же касается элиты инновационной, то это люди другой мотивации, другой морали и других личностных качеств; для них главный стимул — не материальное обогащение, а творческая самореализация. Эти люди и должны занять доминирующие позиции в обществе и во власти, если мы всерьез хотим перейти к инновационному типу развития. Но такая элита не может сложиться естественным путем: государство должно предъявить спрос на высокие технологии. Для этого на государство должно оказывать давление зрелое гражданское общество, которое складывается в условиях зрелой, а не имитационной демократии. Гражданское общество вырастает снизу, и государство должно как минимум этому процессу не мешать.

В России есть интеллектуальный потенциал. Он существует в виде квалификации, репутации и знаний. Но на инновационном рынке ценится не это. Необходимо этот потенциал трансформировать в капитализированные активы. То есть, квалификация на рынке реализуется в виде сертификатов и лицензий, репутация — в виде брэндов, а знания — в виде прав интеллектуальной собственности. Иначе на рынок выходить не с чем. Поэтому надо создать механизм, который бы преобразовывал потенциал в капитал. Этого механизма в России нет, а в развитых странах — есть. Для перехода к экономике знаний России не хватает ключевых фигур, которые являются инновационными менеджерами. И механизма в виде технологического брокера, который смог бы продвигать новые разработки на рынок. Первоочередные шаги, которые необходимо сделать: внести поправки в законодательство; обеспечить всемерную поддержку инновационного менеджмента; развить систему технологического брокерства.

Главная проблема перехода к инновационному типу развития — сами люди и характер их производственной деятельности. Поэтому от российских реформ не следует ждать чудес до тех пор, пока верхние ступени социальной иерархии не займут созидательно-творческие силы, способные сформировать инновационный вектор развития страны и увлечь за собой остальную часть общества. Отсутствие дееспособной национальной элиты в качестве субъекта такой модернизации, субъекта развития в целом, является основной проблемой национальной модернизации.

Валерий ПАУЛЬМАН (Эстония)

АТАКА НА ТОП-МЕНЕДЖЕРОВ?

В народе верно говорят: *«Нет худа без добра, а добра без худа»*. Вот и нынешний кризис показал свою противоречивую сущность. Он не только лишил работы миллионы людей, безмерно увеличил число нищих и голодных, но и основательно подчистил авгиевы конюшни банковского капитала, сдул пузыри, образовавшиеся в результате спекулятивных, мошеннических махинаций. А некоторых «гениев» бизнеса власти даже отправил за решетку, как, например, Б.Мэдоффа, финансовую пирамиду которого мировые СМИ уже называли «аферой века» (убытки обманутых клиентов составили свыше 60 млрд. долл.).

Компания мошенника L.Bernard Investment Securitie входила в число наиболее влиятельных инвестиционных, консалтинговых и брокерских компаний США, оперирующих на международном рынке. В числе обманутых оказались крупнейшие банки мира BNP Paribas, HSBC, Credit Agricole, Societe Generale, Natixis, Nomura, Royal Bank of Scotland, UniCredit и другие. А такое наглое мошенничество в мире бизнеса не прощается. Б.Мэдоффу суд назначил 150-летний срок заключения, однако он вряд ли протянет в тюрьме долго (недавно его госпитализировали с травмами, свидетельствующими о жестоком физическом насилии — разбита челюсть, сломаны ребра и травмировано легкое).

Кризис обнажил язвы капиталистического рая, его антигуманную природу, разозлив людей до такой степени, что некоторые главы государств под давлением возмущенной общественности были вынуждены начать показательное наступление на баснословные бонусы топ-менеджеров. Оно было открыто выступлением опытного политического бойца Барака Обамы в адрес акул Уолл-стрита, которые, получив из федерального бюджета деньги для сохранения на плаву системообразующих банков Соединенных Штатов, решили выплатить себе огромные бонусы по итогам кризисного 2008 года. Вот что сказал президент США в адрес «жирных котов» с Уолл-стрита: «Вы, парни, хотите получить премии в размере 10 млн. или 20 млн. долл. после того, как американская экономика пережила свой худший год <...> за десятилетия, и вы, парни, создали эту проблему».

Эстафету критики в адрес зарвавшихся банкиров подхватила и Франция в лице ее президента Николя Саркози, а также министра экономики госпожи Кристин Лагард, которые настаивали на включении этого деликатного для политиков вопроса в повестку дня совещания глав «двадцатки», состоявшегося в Лондоне весной 2009 года. Как заявила Кристин Лагард, «обществен-

ное мнение в большинстве европейских стран, включая мою страну, здесь в Великобритании и в США поражено и приведено в ужас объемами произведенных компенсационных выплат...».

После продолжительной дискуссии главы «двадцатки» все-таки нашли компромиссное решение, которое поражает своим фарисейством. Вынужденные каким-то образом реагировать на волну недовольства граждан своих стран, они на словах осудили решения советов банков и корпораций о выплате огромных бонусов топ-менеджерам и даже наметили кое-какие меры по их ограничению. Однако в их решении налицо мораль двойных стандартов. Главы государств не решились отменить бонусы, которые выплачиваются в дополнение к высокой зарплате, поручив Совету финансовой стабильности (СФС) разработать новые правила их выплаты, связав денежное вознаграждение с долговременными результатами работы банков и компаний. На совещании была также озвучена мысль, что необходимо избежать такой ситуации, когда банки, чтобы не ограничивать величину бонусов, имели бы возможность выбирать, в какой стране им удобнее вести деятельность. Ведь все боятся утечки капитала за пределы своих стран. Кроме того, следует иметь в виду, что бунт солдат еще можно усмирить, а вот заговор генералов представляет собой реальную опасность для политической элиты, целиком зависимой от спонсоров.

Как же обстоят дела с премиями топ-менеджерам в реальной жизни?

В США в июне 2009 года Барак Обама назначил Кеннета Фейнберга, как выразилась газета *The Wall Street Journal*, «зарплатным царем», который должен отныне определять величину заработной платы и бонусов топ-менеджерам. Однако руководителям далеко не всех компаний, а только тех, которые не успели вернуть позаимствованные по программе государственной помощи TARP средства. Таких оказалось семь (в их числе такие гиганты, как General Motors и Chrysler), которые получили из государственной казны 317,3 млрд. долл. а вернули бюджету только 72,9 млрд. долл. Пока К.Фейнберг урезал бонусы вдвое только 25 самым высокоплачиваемым топ-менеджерам в этих компаниях-должниках. А в среднем после такой «регуляции» бонусы топ-менеджеров этих же семи компаний возросли (!) на 14 %, составив 437896 долл. Что же касается не проштрафившихся корпораций, то, например, как сообщило агентство Bloomberg, банк Goldman Sachs планирует выплатить бонусы на сумму 16,7 млрд. долл. 30 топ-менеджерам в форме акций. Полагаю, что комментарии излишни.

В России также началась «борьба» с выплатой бонусов. В интернете опубликована таблица зарплат и бонусов топ-менеджеров государственных корпораций и государственных ОАО по итогам 2008 года (articles/comments.php?ID=22087412). Привожу некоторые данные из этой обширной таблицы только по трем чиновникам. Годовая зарплата президента НК «Роснефть» Сергея Богданчикова составила 66,9 млн. руб. У генерального директора «Связьинвест» Александра Киселева при годовой зарплате 9,79 млн. руб. общий размер выплаченных бонусов составил 47,0 млн. руб. Генеральный директор «Совкомфлота» Сергей Франк получил бонусов на сумму 26,1 млн. руб. при годовой зарплате 7,56 млн. руб.

В Великобритании и Франции принято решение обложить бонусы 50% налогом, несмотря на то, что глава Европейского Центробанка господин Жан-Клод Трише обратился с призывом к правительствам «еврозоны» вообще не выплачивать премиальных за истекший год. Возможно, правительства

этих ведущих стран Евросоюза проигнорировали рекомендации Жан-Клода Трише в силу того, что само руководство Европейского Центробанка небезгрешно (фонд оплаты труда шести членов директората Европейского Центробанка в 2007 году достиг 1,6 млн. евро, причем эта сумма не включает оплаты медицинских страховок руководству банка).

В Германии под давлением общественного мнения также обозначились какие-то скромные подвижки в регулировании непомерно больших доходов топ-менеджеров. Так, в концерне BMW принято решение о том, чтобы поставить оклады топ-менеджмента в прямо пропорциональную зависимость от зарплат рабочих. Сегодня заработок члена совета директоров составляет миллион евро в год, что в 25 раз больше, чем средний оклад рабочего. Что на это сказать? Как в народе говорят, *«уху сладко, глазам падко, а съешь — гадко»*. А второе, все познается в сравнении. Барак Обама в своей книге *«Держать надежды»* (Издательский дом «Азбука-классика», СПб., 2008) сообщает о том, что «в 1980 году среднестатистический исполнительный директор получал в сорок два раза больше, чем среднестатистический работник. К 2005 году это соотношение достигло двухсот шестидесяти двух к одному» (с. 73). Речь, разумеется, идет о США.

Постараемся разобраться в существе вопроса. Спрашивается, чем отличается прибыль владельца частного капитала от дохода обычного топ-менеджера (зарплата + бонусы), который принимает участие в руководстве акционерным капиталом? По существу, абсолютно ничем. Доходы топ-менеджеров никак нельзя приравнять к такой форме распределения вновь созданной стоимости, как заработная плата, хотя формально они так именуются. В действительности доходы управляющих акционерными компаниями являются частью прибыли данного банка, фонда или корпорации, которая им перепадает. Другими словами, источником доходов (включая и бонусы) является прибавочная стоимость, и поэтому практически нет никакого различия между доходом владельца капитала и доходом топ-менеджера. При этом следует учитывать, что кроме так называемых зарплат и бонусов, многие топ-менеджеры получают еще и дивиденды, ибо они, как правило, являются владельцами определенной части (и, как правило, немалой) пакета акций. Приравнивать социальный статус топ-менеджеров к статусу обычных наемных работников — это то же самое, что приравнивать тигров к домашним кошкам.

В системе современного капитализма, где господствующие позиции занимает финансовый капитал, а совершенно типичными являются спекулятивные операции с капиталом, валютой, товарами, в том числе и путем элементарного мошенничества, существует огромное многообразие форм распределения прибыли, которая создается трудом наемных работников. Ученые-апологеты капиталистической системы, которую они называют демократическим рыночным хозяйством, убеждают простачков в том, что доходы капиталистов, топ-менеджеров, биржевых игроков и т.д. и т.п. являются формой оплаты их труда, платой за те риски, которые сопровождают их бурную деятельность. Конечно, если хочешь заработать прибыль (в той или иной форме), надо приложить определенные усилия. Не без этого. *Без труда не выловишь и рыбку из пруда*. Однако все эти затраты умственной энергии и нервов связаны с деятельностью, направленной на получение ими прибавочной стоимости.

Не секрет, что в мире бизнеса существует жесточайшая конкуренция и изобретаются тысячи способов того, каким образом утопить конкурента. И

чтобы поддерживать в этих джунглях какой-то относительный порядок, правительства и парламенты, обслуживающие интересы правящего класса, вводят некоторые ограничения или даже запреты на те или иные формы перераспределения прибыли. Например, строго наказываются те, кто пытается уклониться от уплаты налогов. Помимо регулирования правил в сфере распределения доходов, а также проведения политики смягчения социальных конфликтов, государство должно учитывать и свои потребности в немалых расходах на содержание армии, полиции, административного аппарата, осуществление тех или иных социальных программ. И одной из причин наступления на размер бонусов топ-менеджеров (причем никому и в голову из политиков не приходит идея их полной отмены) является естественное стремление государств обеспечить свои нужды в финансовых средствах.

Если же давать моральную оценку широко разрекламированной в СМИ кампании наступления на доходы топ-менеджеров с позиций общечеловеческих нравственных принципов, то они в данном случае совершенно не причем. В силе остаются все нормы буржуазной морали, точнее, антиморали. Ведь эксплуатация человека человеком, как бы красиво ее не сервировали, является аморальной, т.е. самым настоящим грабежом, узаконенным государством.

И не случайно так называемый легальный бизнес прочно сросся с нелегальным, преступным бизнесом (даже по меркам буржуазной юриспруденции). Глава Управления ООН по борьбе с преступностью и торговлей наркотиками Антонио Мария Коста недавно заявил, что деньги криминального происхождения были «единственным ликвидным инвестиционным капиталом», имеющимся в распоряжении некоторых банков в Европе и США, которые в 2008 году избежали краха. Через мировую финансовую систему было «отмыто» ни много ни мало, а 352 млрд. долл. прибыли торговцев наркотиками (а общая сумма наркобарышей в год превысила 400 млрд. долл.). Тем самым господин Коста поставил под сомнение мнение, что банки спаслись только благодаря финансовой помощи правительств.

Многие социологи оправдывают и даже восхваляют практику наемного труда, ссылаясь на принцип равенства партнеров на рынке. Однако, несмотря на формальное равенство капиталиста и наемного работника, фактически мы имеем дело с *неравенством социальным*, ибо происходит обогащение одних людей за счет прибавочной стоимости, создаваемой другими людьми. А неравенство в сфере производства товаров и услуг неизбежно сопровождается вопиющим неравенством в распределении общественного богатства. Что можно сказать о *совести* тех людей, которые владеют несметными богатствами (дворцами, яхтами, произведениями искусства, драгоценностями и т.п.), в то время, как половина человечества живет в бедности или в беспросветной, ужасающей нищете? Для человека, действительно разделяющего общечеловеческие моральные ценности, очевидно, что эти люди являются жертвами деформированной нравственности. Часто можно в оправдание их бессовестности слышать, что богачам просто повезло или что они являются законными наследниками богатства, которое их предками было накоплено (конечно же, благодаря эксплуатации или прямому грабежу). Словом, в данном случае все достойные уважения моральные нормы перевернуты с ног на голову. И ни одно правительство сегодня не смеет осуждать баснословные прибыли миллиардеров и миллионеров, нажитые за счет обнищания миллиардов людей.

В современном мире буржуазной морали господствует не мораль раннего христианства, а своекорыстие, многократно усиливаемое конкурентной борьбой. Успех в бизнесе воспринимается как счастье, а проигрыш вызывает враждебность и зависть к добившимся успеха.

В периоды же кризисов, которые происходят с завидной периодичностью, когда резко возрастает массовая безработица, когда фирмы и банки терпят крах, в обществе нарастает волна пессимизма и отчаяния, недовольства всех и всеми.

Сбывается пророческое предсказание П.Кропоткина, который писал: «...Мало-помалу разврат и разложение правящих классов — чиновников, судейских, духовенства и богатых людей вообще — становятся столь возмутительными, что в обществе начинается новое, обратное качание маятника. Молодежь освобождается от старых пут, выбрасывает за борт свои предрассудки, критика возрождается. Происходит пробуждение мысли — сперва у немногих, но постепенно оно захватывает все больший и больший круг людей. Начинается движение и проявляется революционное настроение» (*Кропоткин П. Этика.* — М.: Издательство политической литературы, 1991. С. 281).

Александр СВЕЧНИКОВ

О ВОЗМОЖНЫХ ПОСЛЕДСТВИЯХ ГЛОБАЛЬНОГО ИЗМЕНЕНИЯ КЛИМАТА

Внимание мирового сообщества к теме глобального потепления заметно обострилось во второй половине XX столетия. Одним из результатов этого стало учреждение в системе ООН в 1988 году Межправительственной группы экспертов по изменению климата (МГЭИК).

В настоящее время МГЭИК является международной организацией, в частности, занимающейся оценкой изменений глобального и регионального климата в прошлом, настоящем и будущем. Каждые 5–6 лет МГЭИК публикует доклады, основанные на результатах наблюдений за климатом. Согласно оценкам МГЭИК, факт глобального потепления климата не вызывает сомнений. В частности, 11 из последних 12 лет (включая 2006 год) являются самыми теплыми за весь период инструментальных наблюдений за глобальной температурой приземного воздуха (более 200 лет). В течение 1907–2006 годов изменение средней глобальной температуры воздуха составило более 0,7°C, причем линейный тренд температуры за последние 50 лет почти вдвое превышал соответствующее значение за столетие.

Следует отметить, что рост температуры воздуха фиксируется не только на глобальном, но и на региональном уровне. Например, согласно данным российских исследователей, в Восточной Европе «главной особенностью современных климатических изменений является ярко выраженный рост температуры в конце XX века. Начиная с 50-х годов XX века, среднегодовая температура в Москве, Санкт-Петербурге и Риге выросла в среднем на 1,7°C, и, по сути, весь рост температуры за истекшие два с половиной столетия достигнут именно в последние 60 лет»¹.

В природе последствия потепления климата можно наблюдать уже сегодня. Наиболее существенным из них является повышение уровня моря на протяжении XX столетия примерно на 17 см. Между тем результаты геологических исследований указывают на то, что на протяжении предыдущих 2000 лет уровень моря повышался на значительно меньшую величину.

В процессе исследования проблемы глобального потепления специалистами МГЭИК были сделаны выводы о том, что:

— крайне маловероятно (<5%), что изменения климата, наблюдавшиеся за последние 50 лет, происходили без внешнего воздействия;

¹ Газина Е.А., Клименко В.В. Изменения климата Восточной Европы за последние 250 лет по инструментальным данным // Вестник Московского университета. Сер. 5. География, 2008, № 3, с. 60–61.

— с высокой степенью вероятности (>90%) можно утверждать, что наблюдаемое увеличение концентраций антропогенных парниковых газов ответственно за большую часть глобального потепления, начиная с середины XX века.

Надо заметить, что подобную точку зрения разделяют не все исследователи. Некоторые из них не склонны отводить антропогенному фактору главную роль в глобальном потеплении. Порой на этой почве на страницах научной печати возникают бурные дискуссии².

Между тем вопрос установления иерархии причин глобального потепления имеет чрезвычайно важное значение: именно с ответом на него связан выбор путей преодоления негативных последствий климатических изменений. В случае если они в первую очередь вызваны активизацией хозяйственной деятельности, основные усилия мирового сообщества целесообразно направлять на сокращение выбросов парниковых газов. В ситуации, когда на глобальное потепление наиболее интенсивно воздействуют иные факторы, приоритетной сферой приложения усилий становятся мероприятия по адаптации, которые могут помочь человечеству противостоять вызовам природы.

Однако в настоящее время стратегия борьбы с глобальным потеплением в мировом масштабе строится преимущественно на развитии технологических методов снижения индустриальной эмиссии углекислого газа.

Начало этому было положено в феврале 1991 года, когда по инициативе ООН начались переговоры о принятии Рамочной конвенции об изменении климата (РКИК ООН). Конвенция была открыта к подписанию 4 июня 1992 года на состоявшейся в Рио-де-Жанейро Конференции ООН по окружающей среде и развитию и 21 марта 1994 года вступила в силу.

РКИК ООН была разработана как ключевой инструмент международного сотрудничества по смягчению негативных последствий изменения климата и снижения антропогенной нагрузки на атмосферу Земли. Конвенция стала первым международным соглашением, направленным на борьбу с глобальным изменением климата и его последствиями.

В дополнение к РКИК ООН на 3-й конференции сторон РКИК, проходившей в Киото в 1997 году, был разработан и принят Киотский протокол, который предусматривает принятие конкретных количественных обязательств по снижению или ограничению антропогенных выбросов парниковых газов или увеличению их стоков промышленно развитыми странами и странами с переходной экономикой.

Предполагалось, что идеи противодействия глобальному потеплению с помощью сокращения выброса парниковых газов в атмосферу получают свое развитие в ходе Климатической конференции в Копенгагене (декабрь 2009 года) путем принятия соответствующих документов. Этого, однако, не произошло.

Вместе с тем нельзя не отметить, что международным сообществом также разрабатываются подходы к организации адаптационных мероприятий в связи с глобальным потеплением. В частности, государства-члены, поддержавшие Рамочную конвенцию ООН об изменении климата, создали несколько возможностей для финансирования адаптационных проектов. Среди них — Глобальный экологический фонд (ГЭФ) и три специальных фонда: Фонд для наименее развитых стран, Специальный фонд для борьбы с изменением климата и Адаптационный фонд Киотского протокола. Более того, в мире уже реализован ряд адаптационных проектов. Так, в соответствии с прогнозом буду-

щих изменений климата, проектировщики учитывали повышение уровня моря при планировании такого элемента инфраструктуры, как Мост Конфедерации в Канаде, или при управлении прибрежной зоной в США и Нидерландах.

Возможные последствия глобального изменения климата в настоящее время являются важным предметом научных исследований.

При изучении проблемы на глобальном уровне экспертам МГЭИК, в частности, удалось установить, что повышение температур уже ускорило ход гидрологического цикла. Конечным результатом изменений в обороте воды станет снижение количества и качества запасов пресной воды во всех основных регионах. При этом изменениям также подвержены ветровые режимы и пути циклонов. Ожидается увеличение интенсивности (но не частоты) тропических циклонов с более сильными порывами ветра с максимальными показателями шкалы и ливневыми осадками.

На живую природу и биоразнообразие, и так находящиеся под угрозой нарушения среды обитания и других критических обстоятельств, вызванных деятельностью человека, климатические вызовы повлияют весьма серьезно. Прогнозируется, что некоторые виды не выживут в переходный период, а 20–30% из них, вероятно, столкнутся с увеличением риска исчезновения.

Наиболее точный показатель уровня моря в результате расширения океана и таяния льдов до конца XXI века (по сравнению с уровнем 1989–1999 годов) будет равен 28–58 см. Это приведет к затоплению прибрежных областей и размыванию почвы.

Прогнозируются также региональные особенности климатических изменений и их последствия. В этом вопросе оценки специалистов ООН, в частности, сводятся к следующему.

Африка весьма уязвима к изменению и колебаниям климата по причине значительной нищеты и серьезных социальных проблем. К 2020 году в регионе ожидается снижение урожая почти на 50%, и в некоторых крупных субрегионах, обладающих минимальными необходимыми природно-климатическими условиями для ведения сельского хозяйства, вероятен спад объемов производительности. К 2080-м годам площадь засушливых земель в регионе увеличится на 5–8%.

К 2050 году больше миллиарда людей, проживающих в Азии, могут пострадать от снижения доступности пресной воды. Таяние льдов в Гималаях, которое согласно прогнозам приведет к увеличению паводков и каменных лавин, в ближайшие 20–30 лет негативно скажется и на состоянии водных ресурсов.

Весьма тревожный прогноз существует в отношении Латинской Америки. Тропические леса восточной Амазонии, а также южная и центральная Мексика, будут постепенно замещены саванной. Из-за сочетания изменения климата и организации землепользования человеком климат в некоторых регионах северо-восточной Бразилии и большей части центральной и северной Мексики станет более засушливым.

За исключением Антарктического полуострова, на котором наблюдается скоротечное потепление, на континенте в целом за последние 50 лет показатели температур и количества выпавшего снега остаются относительно стабильными. Поскольку антарктический лед содержит в замороженном виде 90% пресной воды на планете, исследователи внимательно следят за всеми возможными признаками таяния ледников и ледяных щитов на этом материке.

За последние 100 лет средняя температура в Арктике увеличилась почти вдвое. Средний объем льда в арктических водах снижается на 2,7% в десятилетие; если глобальное потепление будет развиваться, к концу XXI века огромные территории Северного Ледовитого океана могут утратить годовой ледяной покров. Изменения в Арктике критически важны, так как они могут иметь крайне серьезные последствия на глобальном уровне.

Особенно уязвимы к изменению климата малые островные государства. По причине ограниченных размеров они в большей мере подвержены опасности возникновения стихийных бедствий и внешних разрушений, что выражается в повышении уровня моря и потенциальной угрозе сокращения ресурсов пресной воды.

В Северной Америке в результате изменения климата в дальнейшем прогнозируется значительное ограничение водных ресурсов, использование которых в регионе растет в связи с потребностями сельского хозяйства, промышленности и городов.

В течение XXI века вынужденная миграция биологических видов к северу и их размещение на более высоких позициях земной поверхности полностью преобразует экосистемы Северной Америки.

Исследователи убеждены в том, что в северных регионах Европы ожидаются более теплые зимы, рост количества осадков, расширение лесных зон. В южных регионах Средиземноморья повысится летняя температура воздуха, уменьшится количества осадков, увеличится интенсивность засухи, а также сокращения лесных площадей.

Для Российской Федерации особое значение имеют прогнозы, связанные с воздействием глобального потепления на вечную мерзлоту, занимающую 65% территории страны. Эта зона отличается не только особыми природными условиями, но и наличием крупнейших в мире месторождений полезных ископаемых и других природных ресурсов.

По данным российских исследователей, вероятно, что через 25–30 лет практически все объекты севера Западной Сибири, возведенные к настоящему времени с сохранением вечномерзлого состояния грунтов оснований на весь период строительства и эксплуатации, разрушатся. По их оценкам, в настоящее время деформировано почти 60% зданий и сооружений в Игарке, Диксоне, Виллюйске, фактически 100% — в национальных поселках Таймырского округа, около 40% — в Воркуте. Они подчеркивают, что деформации нефте-, газо-, продуктопроводов, а также различных производств (особенно химических и металлургических), могут привести к колоссальным выбросам техногенных загрязнителей в окружающую среду³.

В значительно меньшей степени разработаны прогнозы воздействия глобального потепления на мировую политику.

Представляется, что на межгосударственном уровне субъекты будут вынуждены повысить уровень способности к компромиссам, который пока явно не достаточен. Это продемонстрировала Климатическая конференция в Копенгагене, где «США заявили, что если Китай не возьмет на себя реальных обязательств, то достичь имеющих смысл сокращения выбросов, которые бы ограничили повышение температуры, будет невозможно. С другой стороны Китай заявил, что хотя он и так много делает по своей собственной

³ Гребенец В.И. Негативные последствия деградации мерзлоты // Вестник Московского университета. Сер. 5. География, 2007, № 3, с. 18–21.

инициативе в сфере ограничения выбросов, было бы неразумно придать этим мерам юридические обязательства, поскольку страна должна развивать свою экономику, чтобы вывести более 150 млн. людей из бедности. Европейский союз предложил наиболее масштабные сокращения выбросов, но заявил, что если США и Китай не предпримут более решительных мер, то и Европейскому союзу нет смысла стараться сделать больше»⁴.

Усилится внимание мирового сообщества к развивающимся странам, для которых изменение климата несет весьма серьезные угрозы в связи с тем, что они располагают наименьшими возможностями решать возникающие проблемы. Развивающиеся страны будут нуждаться в помощи, также и в решении возникающих задач адаптации. В частности, потребуется оказать содействие тем секторам и тем странам, которые уже испытывают сильную зависимость от внешней поддержки, например, сельскохозяйственному сектору и сектору здравоохранения в наименее развитых странах, или в создании прибрежной инфраструктуры в малых островных государствах и других развивающихся странах, где остро стоит проблема повышения уровня моря.

Пристальное внимание придется уделять растущему воздействию климатических изменений на экосистемы, а также опустыниванию, засухам и продовольственной безопасности, особенно в Африке.

Если сохранится тенденция борьбы с климатическими изменениями преимущественно путем сокращения антропогенных выбросов в атмосферу парниковых газов, вероятно учреждение международного контролирующего органа, который будет следить за соблюдением отдельными государствами достигнутых договоренностей, а также получит право применения штрафных санкций к нарушителям.

Открытым для нас остается вопрос о возможности использования мер принуждения на международном уровне к государствам, не выполняющим согласованно принятые решения. Однако, вероятно, что он встанет на повестку дня, если глобальное потепление будет происходить в темпах, превышающих расчетные, или их последствия окажутся более тяжелыми, чем предполагается⁵. В этом случае вероятно также усиление централизации при решении проблем глобального характера.

На региональном уровне возможна активизация взаимодействия государств в сферах промышленного производства, развития энергосберегающих технологий. Не исключено создание новых надгосударственных учреждений, работающих над совершенствованием региональной политики в области климата.

О возможных мероприятиях отдельных государств можно судить по содержанию принятых ими основополагающих документов (имеются во всех развитых странах), имеющих отношение к рассматриваемой теме. Например, недавно утвержденная Климатическая доктрина Российской Федерации основными направлениями политики в области климата называет:

⁴ Сайт ООН «Деятельность системы ООН в области изменения климата. Копенгагенское соглашение — начало пути». — www.un.org/ru/climatechange/copenhagen_accord.shtml

⁵ Предполагается, что резкое усиление парникового эффекта может произойти, в частности, по причине высвобождения метана и углекислого газа при таянии вечной мерзлоты, разрушения Западно-Антарктического ледяного щита (уровень моря при этом повысится на 5–6 метров) и изменения циркуляции в океанах (например, отклонение Гольфстрима от берегов Европы). — *Прим. авт.*

- развитие нормативно-правовой базы и организация государственного регулирования в области изменений климата;
- развитие экономических механизмов, связанных с реализацией мер по адаптации и смягчению антропогенного воздействия на климат;
- научное, информационное и кадровое обеспечение разработки и реализации мер по адаптации и смягчению антропогенного воздействия на климат;
- международное сотрудничество в области разработки и реализации мер по адаптации и смягчению антропогенного воздействия на климат⁶.

Что касается экономических последствий изменения климата, то здесь создание сценариев весьма затруднено ввиду неопределенности климатических прогнозов. Однако проведенная в этой связи работа позволяет определить хотя бы порядок затрат, которые мировое сообщество будет вынуждено сделать по причине глобального потепления.

В сельском хозяйстве возможный ущерб может возникнуть из-за уменьшения увлажнения почвы, увеличения количества вредителей растений, возрастания болезней растений и животных, а также из-за стрессовых воздействий жары. Кроме того, в одних регионах может возрасти эрозия почвы из-за увеличения дождей, тогда как в других увеличатся засухи. В ряде регионов средних широт (например, США) число засушливых лет может возрасти с 5% в настоящее время до 50% к 2050 году. Однако называются и возможные положительные эффекты для экономики. Так, возрастет период времени, благоприятный для роста растений. Кроме того, ожидается увеличение урожаев при росте концентрации углекислого газа, что объясняется его стимулирующим воздействием на фотосинтез растений. Об этом свидетельствуют результаты лабораторных экспериментов, по результатам которых удвоение концентрации углекислого газа может на 1/3 увеличить урожайность риса, сои и других культур.

При сравнительно небольшом падении валового продукта ожидаются существенные изменения на рынке продовольственных товаров. Так, даже при «очень неблагоприятных» сценариях, когда в большинстве развивающихся стран урожай уменьшится на 5–40%, валовой продукт может уменьшиться всего на 0,5%, но цены на продовольствие возрастут на 40%. По этой причине только в США потребители будут ежегодно тратить на продовольствие на 40 млрд. долл. больше. В этом сценарии наибольшие потери ожидаются для Китая (до 5% валового продукта).

В другом, более оптимистическом, сценарии воздействие изменения климата на мировое производство будет практически незначительным, причем некоторый негативный эффект в Канаде, Японии и Европе будет компенсироваться ростом производства продовольствия в Австралии, Китае и бывшем СССР. Также ожидается, что число людей, оказавшихся перед угрозой голода, возрастет с 640 млн. до 680–940 млн. человек. По некоторым оценкам, голод, косвенно связанный с потеплением климата, будет причиной смерти 900 млн. человек за 2010–2030 годы.

Прогнозируемое повышение уровня моря примерно на 1/2 м к 2100 году наиболее серьезно повлияет на прибрежные зоны и небольшие острова. Как правило, рассматриваются три вида ущерба от повышения уровня моря: дополнительные капитальные затраты на берегоохранные сооружения,

⁶ Климатическая доктрина Российской Федерации. Утверждена 17 декабря 2009 года. — <http://news.kremlin.ru/news/6365>

убытки, связанные с потерями прибрежных земель, и затраты из-за более частых наводнений. По оценкам, капитальные затраты в XXI столетии составят только для США от 73 млрд. до 111 млрд. долл. в расчете на повышение уровня в 1 м. Для всего мира повышение уровня моря на 0,5 м к концу этого столетия потребует примерно 1 млрд. долл. ежегодно.

В случае повышения уровня океана на 1 м ожидается, что только США лишатся (если не будут приняты защитные меры) 6650 кв. миль земли, что приведет к ежегодным экономическим потерям почти в 6 млрд. долл. Для всего мира при повышении уровня на 0,5 м ожидаемые экономические потери составят примерно 50 млрд. долл.

Согласно оценкам, в случае повышения уровня океана на 1 м примерно на 20% возрастет число людей, проживающих в зоне возможных наводнений. Ежегодный экономический ущерб вследствие этого будет измеряться сотнями миллионов долларов.

Прогнозируется некоторое увеличение лесных пожаров и сокращение лесов вследствие засух, компенсируемое более интенсивным ростом лесов благодаря увеличению концентрации углекислого газа в атмосфере. В целом оценки потерь в лесном хозяйстве из-за климатических изменений весьма неопределенны и оцениваются примерно 2 млрд. долл. в год.

Ожидается, что из-за засух и других эффектов, сопровождающих изменение климата, ежегодные экономические потери в водоснабжении составят примерно 50 млрд. долларов.

С одной стороны, потепление климата очевидным образом снижает затраты на обогрев жилищ, однако при этом возрастают затраты на кондиционирование. Учет этих обстоятельств приводит к оценке экономических потерь для мировой экономики в 20 млрд. долларов в год.

В сфере туризма наиболее существенные потери (примерно 1,7 млрд. долл. в год) ожидаются в горнолыжном бизнесе из-за сокращения горнолыжного сезона.

Существует много факторов, обусловленных изменением климата, как благоприятных, так и неблагоприятных, воздействующих на здоровье людей. Одни из них могут быть прямыми, например смертельные случаи из-за жары, другие сказываться опосредованно, например факторы, связанные с изменениями в экосистемах. Весьма приблизительные оценки показывают, что повышение среднегодовой температуры в мире на 2,5°C приведет к дополнительным 215 тыс. смертей в год, главным образом, в развивающихся странах. Кроме того, дополнительно заболеют малярией 200 млн. человек. Это обусловит экономический ущерб в размере примерно 50 млрд. долл.

Повышение температуры воздуха должно вызвать увеличение концентрации тропосферного озона и других вредных газов. Меры по восстановлению качества воздуха на прежнем уровне потребуют порядка 15 млрд. долл. в год. Аналогичные меры по восстановлению качества воды обойдутся в 15–67 млрд. долл. в год.

Изменения климата могут вызвать дополнительную миграцию населения из-за ухудшения условий жизни в одних регионах и улучшения в других. Предполагается, что миграция составит порядка 1,5% населения Земли, или примерно 150 млн. человек, что приведет к ежегодным экономическим потерям нескольких сотен миллионов долларов.

Весьма значительными могут быть затраты, связанные с ущербом в экосистеме. Например, сокращение мангровых лесов может привести к необходи-

мости финансирования дополнительных работ по защите побережья. Потепление также может вызвать гибель многих видов животных и растений как по физиологическим причинам, так и из-за изменений во взаимоотношениях различных видов, например в системах жертва-хищник. Для сохранения видов потребуется до нескольких десятков долларов на одну особь в год (например, 15 долл. для сохранения одного бурого медведя в Норвегии). По некоторым оценкам, это потребует порядка 30 млрд. долл. в год⁷.

В заключение необходимо отметить, что усилия мирового сообщества по смягчению последствий глобального потепления окажутся более продуктивными, если в расчет будут приниматься силы природы. Так, человеку давно известно о регулирующей роли естественных экологических систем в поддержании определенной концентрации углекислого газа. Ведущими среди них являются лесные экосистемы суши, а также мировой океан.

Именно поэтому стратегия борьбы с глобальным потеплением предполагает увеличение лесных насаждений. Однако при этом не принимается во внимание, что плантации в полной мере не являются регуляторами углекислого газа, такую роль способны выполнять только естественные лесные (сохранившиеся или слабонарушенные) экологические системы бореальных (таежных) лесов, в основном, в России и Канаде, и, в меньшей степени, тропические леса в Амазонии и Африке.

Возможно, что с учетом этого для достижения поставленной цели более целесообразным было бы сконцентрировать усилия на поддержании жизнеспособности естественных лесов, а не тратить их на разведение искусственных, а если шире — с должным вниманием относиться к проблеме регулирования концентрации углерода естественными экосистемами.

⁷ См. об этом подробнее: Житницкий Е., Фомин Б. Глобальное изменение климата и экономика. — <http://www.archipelag.ru/agenda/geoklimat/economic-aspect/climate/>

Владимир ДЕРГАЧЕВ (Украина)

ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Осенью 2009 года в Пекине была подписана программа российско-китайского сотрудничества на 2009–2018 годы по совместному освоению энергетических и других месторождений полезных ископаемых в Сибири и на Дальнем Востоке. Увеличатся поставки российского природного газа и нефти в Поднебесную. Очередное соглашение явилось логическим продолжением энергетической геополитики России, включая диверсификацию поставок энергетического сырья на Запад и Восток.

Можно ли расценивать это как очередную геополитическую победу Кремля? Мнения в российском аналитическом сообществе разделились¹. Одни аналитики считают привлечение китайцев к хозяйственному освоению восточных регионов как скрытую аннексию российских территорий, другие не видят опасений для целостности российского государства, считая, что без привлечения китайской рабочей силы Москва не сможет освоить ресурсы на востоке страны. При отрицании потенциальной китайской демографической экспансии обычно ссылаются на чайнатауны в Лондоне, Сан-Франциско и других западных городах. Однако здесь китайская диаспора не представляет угрозу территориальной безопасности для страны пребывания диаспоры. Другое дело — российский Дальний Восток. Поэтому рассмотрим проблему с позиций процессов геополитической трансформации в Евразии.

В мировой политике за последние полвека произошли тектонические сдвиги, связанные с формированием новых Больших геополитических пространств, включающих страны или их отдельные регионы. После геополитического самоубийства Советского Союза появился американский проект «демократизации» Евразии, который проявился в создании «Большого Ближнего Востока», «Большой Центральной Азии» и «Большой Южной Азии». Проект предусматривал внедрение в регионе американских демократических ценностей и защиту американских экономических интересов с позиций военно-политической

¹ См., например: «Китайская грамота» // Литературная газета, 21–27.10.2009 г.

мощи. Становится очевидным, что кроме успешного создания зон нестабильности на рубежах евразийских цивилизаций, это проект терпит фиаско. Пока в тени остается формирующееся Большое геополитическое пространство Северо-Восточной Азии.

Возвращение на мировую арену. Северо-Восточная Азия включает российский Дальний Восток от Байкала, северо-восточные провинции Китая, Японию и два корейских государства. Это геополитическое пространство превратилось за последние полвека в важный субъект мировой политики. Или точнее — возвращается после забвения на мировую арену.

Согласно геополитической теории Больших многомерных пространств² на рубежах евразийских цивилизаций (ЕВРАМАРе) самый восточный геополитический узел локализуется в пограничных регионах российского Дальнего Востока и Китая (историческая область Маньчжурия), а так же Кореи. Здесь, как и на Балканах и Афганистане, рождается рубежное энергоизбыточное напряжение с производительной или разрушительной силой коммуникации.

Этот геополитический узел расположен на рубежах пяти «Великих геосферных океанов» — Тихого (гидросфера), Великой Евразийской степи и Сибирской тайги (биосфера), Сибирского антициклона (атмосфера), китайского и российского суперэтнотосов (этносфера), Азиатско-Тихоокеанского социально-экономического пространства (социосфера). Эта уникальная рубежная коммуникативность создает высокую энергетику многомерного пространства, в котором с раннего средневековья неоднократно сталкивалась военно-политическая и экономическая мощь основных региональных геополитических игроков.

Тысячу лет тому назад местная «железная» империя киданей Ляо была «третьей геополитической силой» на арене мировой истории X века. В противовес Ляо тунгусские племена «непокорных» чжурчжэней образуют в 1115 году Золотую империю Цзинь. В XIII веке на лесостепных рубежах Евразийской степи (Ононский бор в Даурии) зарождается Монгольская империя. Но чтобы стать мировой силой, монголы ведут 25-летнюю войну (1210–1235) с государством чжурчжэней и только окончательная гибель Золотой империи Цзинь открывает путь к богатствам Китая. Роковым для чжурчжэней, создавших могущественную империю, явилось покорение Китая. Чжурчжэни «растворились» (ассимилировались) в океане китайского этноса. Особенно роковым для них был процесс китаизации в образе жизни и мировоззрении. Поэтому и очередная победа монголов над Китаем, как покажет время, стала пирровой.

² dergachev.ru/BMT.html

После падения империи Цзинь великий монгольский полководец Чингизхан (властитель океана) устремляет взор к бескрайним просторам Евразийской степи-океана. В год победы над чжурчжэнями монгольский курилтай принимает решение о западном походе, а уже к 1240 году пал Киев и завоевана Русь. Была создана мировая империя, равной которой не знала история человечества.

После распада Монгольской империи в Северо-Восточной Азии острая борьба за лидерство в регионе велась между Китайской, Японской и Российской империей. Только за последние сто лет неоднократно менялись геополитические и геоэкономические региональные векторы, которые нашли отражение в проектах, в том числе:

- российской экономической экспансии на Корейский полуостров,
- русский геополитический проект «Желтороссия» с КВЖД и русским Харбином,
- Дальневосточная «буферная» республика,
- контролируемая Японией марионеточная Великая маньчжурская империя (Маньчжоу-Го),
- японский проект создания марионеточного казачьего государства в Забайкалье,
- японский проект Гетманской Дальневосточной Украинской Республики,
- геополитический проект Великой Монголии,
- геополитический проект Японии «Великой Восточной Азии»,
- советский проект Японской народно-Демократической Республики на острове Хоккайдо.

Здесь особенно выделяется **геополитический проект «Великой Восточной Азии»**. В соответствии с этим курсом в 1931 году японцы создают марионеточное государство — Великую маньчжурскую империю (Маньчжоу-Го). По данным открытых архивов советских спецслужб³ японцы не планировали включение Сибири и Дальнего Востока в состав своей империи. Японская военная миссия в Маньчжурии стремится объединить российскую эмиграцию под руководством атамана Г.М.Семенова с последующим созданием марионеточного русского, преимущественно казачьего, государства в Забайкалье. Японцы планировали спровоцировать антисоветское восстание украинцев Приморья и с помощью диаспоры в Харбине создать буферную Гетманскую Дальневосточную Украинскую Республику⁴.

³ *Курас Л.В.* Харбинская белая эмиграция в освещении спецслужб СССР. — В сб.: Из истории спецслужб Бурятии. — Улан-Удэ, 1997. — vybory.org/articles/54.html

⁴ В 1934 году в Харбине на правах филиала берлинской организации гетмана Скоропадского была создана Украинская военная организация «Сич». И хотя в Маньчжоу-Го проживало немногим более 11 тыс. украинцев, местная Японская военная миссия придавала этому факту большое значение. Украинцы были вторыми после русских по численности в советском Приморье, где составляли треть населения (313 тыс.

После прихода к власти в Германии Адольфа Гитлера создается геополитическая ось Берлин — Токио. На границе с советским Дальним Востоком сосредоточена Квантунская армия, готовая начать боевые действия. Однако разгром немцев под Москвой остудил воинствующий пыл японцев. В результате войны с Японией, начатой Советским Союзом согласно союзническим обязательствам, осенью 1945 года Красная Армия освободила от японцев Маньчжурию.

В Северо-Восточной Азии впервые в мире было применено американское атомное оружие для устрашения императорской Японии. После Второй мировой войны были установлены проамериканские режимы в Японии и Южной Корее. Практически, после корейской войны регион, как и Европа, был разделен на два враждующих лагеря коммунистических и капиталистических стран.

Советско-китайский договор и соглашения по Маньчжурии от 14 августа 1945 года предусматривали восстановление всех имущественных прав Советского Союза в регионе, утраченных в результате японской агрессии, включая КВЖД и военные базы в Порт-Артуре и Дальнем. Но на переговорах с Мао Цзэдуном в декабре 1949 — феврале 1950 годов Иосиф Сталин отказался от имущественных прав в пользу коммунистического Китая. Беспрецедентная щедрость была обусловлена изменившейся международной обстановкой после окончания Второй мировой войны и евразийской геостратегией СССР. Для превращения Маньчжурии в надежный геополитический форпост в Северо-Восточной Азии ставка была сделана на китайских коммунистов, стоявших на позициях «вечной и нерушимой дружбы» со «старшим советским братом». Таким образом предполагалось предотвратить возможную американскую экспансию и «политику открытых дверей», широко используемую западными странами в отношении Китая.

Российский бросок к Тихому океану. На арену дальневосточной истории русский народ вышел во второй половине XVII века. Нерчинский договор 1689 года определил межгосударственные отношения Русского государства с маньчжурской империей Цинь. Переговоры велись у крепостных стен Нерчинска, осажденного маньчжурскими войсками. Русским были насильственно навязаны территориальные статьи, вынудившие оставить территорию Албазинского воеводства. Однако из-за слабой географической изученности Приамурья была установлена неопределенная государственная граница (кроме участка по Аргуни). И только Айгунский договор 1858 года, заключенный уже

человек). Японцы предполагали использовать движение украинцев «за самостийность» в Европе и создать буферное государство в советском Приморье, где существовал так называемый «зеленый клин», заселенный малороссами. Ожидалось, что восстание поддержат воины-украинцы, служащие в Особой Дальневосточной Армии, остро переживающие трагедию голодомора.

с позиций русской военной силы, положил начало крупномасштабной колонизации края, а Амур превратился в важнейшую широтную коммуникацию для выхода в Тихий океан. В 1860 году основан Владивосток и подписан Пекинский договор, создавший преференциальный режим беспошлинной российско-китайской торговли. Сибирское бездорожье сдерживало развитие региона, который начал успешно осваиваться морским путем после открытия Суэцкого канала.

В 1885 году в связи с ростом английской угрозы правитель Кореи обратился к царскому правительству с просьбой принять его страну под протекторат Российской империи. Царское правительство отклонило эту просьбу.

После разгрома Китая Японией в 1895 году по мирному Симоносекскому договору Китай признал независимость Кореи и уступил Японии южную часть Маньчжурии (Ляодунский полуостров). В результате нарушился статус-кво в регионе, что потребовало активизации российской политики на Дальнем Востоке. В результате были сформулированы «дружеские советы» трех держав (России, Германии и Франции) Японии отказаться от Ляодуна. «Советы» были подкреплены демонстрацией их военно-морских сил у берегов Японии. И Токио отказалось от полуострова за дополнительное денежное вознаграждение⁵.

В знак признательности со стороны Пекина за сохранение территориальной целостности Поднебесной в Петербург на коронацию Николая Второго был направлен главный сановник Китайской империи Ли Хун-чжан. С ним был подписано секретное соглашение о строительстве железной дороги из Забайкалья через Маньчжурию к Владивостоку частным обществом. Для этих целей было образовано Общество Восточно-Китайской железной дороги, а финансирование поручено частному Русско-Китайскому банку, созданному в 1895 году. В полосе отчуждения магистрали и портов Общество КВЖД являлось полноценным хозяином, здесь действовали законы Российской империи. Для большего реализма сделки в виде особого «протокола» была оформлена взятка китайским сановникам⁶. Китайским правительством Русско-Китайскому банку предоставляется концессия сроком на 80 лет. Построенная в короткие сроки магистраль имела два выхода к Тихому океану во Владивостоке и Дальнем. По аналогии с Новороссией Россия в начале двадцатого столетия в результате экономической экспансии создала на северо-востоке Китая протекторат — Желтороссию.

В результате реализации Евразийской программы создания торгового моста между Западом и Востоком осуществилось строительство Транссиба, портов и торгового флота. К 1913 году режим свободной торговли функционировал от Атлантического до Тихого океана.

Но одновременно с российской экономической экспансии на Дальнем Востоке усиливалась международная напряженность в регионе. Русско-японская война (1904–1905) стала роковой для России, породила революцию 1905 года и закат империи. Более слабая в военном отношении Япония одержала победу над Российской империей и первой из Азии вошла в число мировых держав. По Портсмутскому мирному договору Россия передала Японии права на Квантунскую область с Порт-Артуром, южную ветку КВЖД, южную часть Сахалина и признала Корею сферой японского влияния. Начался геополитический распад Российской империи, завершившийся в конце века падением Советского Союза.

⁵ Нарочницкий А.Л. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке. 1860–1895. — М., 1956.

⁶ Переписка о подкупе китайских сановников // Красный архив, т.2, 1922, с. 287–293.

При советской власти Дальний Восток являлся валютным цехом страны и военным форпостом на Тихом океане. Региональная политика проявлялась в смене постановлений об «ускоренном» и «комплексном» развитии, что на практике означало второстепенное внимание к местным проблемам. В условиях ограниченных местных трудовых ресурсов основой индустриализации становится рабский труд заключенных. Дальний Восток становится форпостом лагерной экономики, где были сосредоточены крупнейшие лагеря ГУЛАГа (БАМлаг и Севвостлаг), а число заключенных в 1939 году превышало 400 тыс. человек. В экстремальных условиях трест Дальстрой, где трудились заключенные, добыл свыше 10 тыс. т золота, 55 тыс. т олова, 2,1 тыс. т вольфрама, а так же кобальт и уран. Благодаря труду заключенных Советский Союз вышел в число мировых лидеров по добычи стратегических металлов. «Комсомольцы-добровольцы» трудились на строительстве Комсомольска-на-Амуре, Магадана, Советской Гавани, Находки и других дальневосточных городов. Заключенные проложили вторые пути Транссиба, начали строить БАМ и тоннель на Сахалин.

Но российская Калифорния не состоялась. По сравнению с Соединенными Штатами борьба за процветающий Дальний Восток была абсолютно проиграна. Америка с опорой на свободное предпринимательство превратила «Дикий Запад» в процветающую Калифорнию, ставшую мировым лидером высоких технологий. Кремль осваивал Дальний Восток с опорой на рабский труд заключенных и комсомольскую романтику. Началось отставание не только от заокеанской Америки, но и ближайших соседей по Северо-Восточной Азии. Это ведет к разрушению многомерного коммуникационного пространства России и создает угрозу для сохранения её целостности.

За весь период вхождения региона в Россию хронически росло превышение государственных расходов над доходами, усугубляемое крупными затратами на содержание армии, флота и администрации. Сложилась парадоксальная ситуация. Территория от Байкала до Тихого океана — историческое месторазвитие мировых империй (монгольской и маньчжурской) — превратилась в российском геополитическом пространстве в дотационный регион с низким качеством жизни населения.

Если оценивать российскую внешнюю политику на Дальнем Востоке, то, как сказал автору статьи в одной из встреч Лев Гумилев, главная заслуга России заключалась в том, что она не покорила Китай. Это было бы концом для российской цивилизации.

Советский Союз даже во времена лозунга «русский с китайцем братья навек» также не допускал проникновение китайцев на российский Дальний Восток. После распада СССР и ослаблении военно-политической и экономической мощи России стали отчетливо проявляться тенденции геополитической трансформации в регионе.

Изменение геополитического баланса сил. За последние десятилетия изменилась геополитическая и геоэкономическая архитектура Евразии. В результате бурного развития стран АТР возрастает значение морского пути в Европу, Ближний Восток, Индию и Африку. Сингапур стал крупнейшим транзитным центром Евразии, крупнейшим портом на этом морском транспортном коридоре. И российский Владивосток с Транссибом перестал быть конкурентом в создании главного моста между Западом и Востоком.

Изменился баланс геополитических сил в Северо-Восточной Азии, где теперь расположены вторая, третья и одиннадцатая экономики мира (Япония, Китай и Южная Корея). На фоне слабеющих США и России эти страны проводят более независимую внешнюю политику, исходя из региональных интересов. Южная Корея наращивает вне-

шнеторговый оборот с Китаем и осуществляет более мягкую политику в отношении Северной Кореи. В связи с нарастанием экономической мощи Китая ослабли позиции Японии в Северо-Восточной Азии. Сегодня Пекин становится основным источником финансовой помощи многим азиатским странам. В региональной экономической трансформации отмечается растущая интеграция Китая, Японии и Южной Кореи, что снижает вероятность конфронтации между ними и обеспечивает статус-кво. Кроме того, на регион приходится 25% мировой торговли и 24% торговли Соединенных Штатов, что также является важным фактором стабильности⁷.

Многие российские аналитики обоснованно считают, что после того, как Поднебесной были отданы острова Тарабаров и Большой Уссурийский, от России могут отойти и другие земли. Пекин успешно добился территориальных уступок от Казахстана, Таджикистана и Кыргызстана, причем Астана лишилась культового для казахов пика Хан-Тенгри⁸. Имеются территориальные претензии Китая к Индии и к другим странам. Поднебесная настойчиво теснит Вьетнам в Южно-Китайском море. Поучительна история и с уссурийским островом Даманским, где в марте 1969 года произошел пограничный конфликт между КНР и СССР. Советские пограничники отстаивали остров, который... тихо и мирно в 1991 году перешел под юрисдикцию Китая.

В целом сложилось ошибочное утверждение, что невозможен китайско-российский конфликт на Дальнем Востоке. Коммунистический Китай при Мао Цзэдуна уже предъявлял территориальные претензии советской сверхдержаве в период её наибольшего могущества на 1,5 млн. км. Китайско-вьетнамская война 1979 года стала первой войной в истории социалистических государств. Сегодня сохраняется холодный мир в китайско-вьетнамских отношениях, омраченный серьезными территориальными спорами из-за Парасельских островов и архипелага Спратли. Возможно, пока сдерживающим фактором служат вьетнамские вооруженные силы, которые являются одними из лучших в Азии и единственными в мире одержавшие после Второй мировой войны победы над Францией, Соединенными Штатами и Китаем.

Пока Россия демонстрирует неэффективную политику в отношении Дальнего Востока и утратила геоэкономическую инициативу в регионе, время работает на Китай. Экономический рост требует энергетических и других ресурсов, что усиливает китайскую экономическую экспансию, прежде всего в Центральную Азию, Сибирь и российский Дальний Восток. Население Китая в 10 раз превышает население России. При этом Китай соседствует с наиболее слабозаселенным россий-

⁷ Лэйни Дж. Восточный закат Вашингтона // Россия в глобальной политике, 2008, № 6 (Foreign Affairs, 2007, № 6).

⁸ Савин Л. Футурология и китайское могущество. — www.fondsk.ru/print.php?id=2499

ским регионом. Российский Дальний Восток находится под демографическим давлением со стороны северо-восточных провинций Поднебесной, переживающих экономический бум. Только население Харбина превышает население всего российского Дальнего Востока.

Трансформация китайской геополитики. В великой китайской геополитике Пути и Стены⁹ все в большей степени просматривается американский прагматизм. В современном Китае многие считают, что пора проводить активную геополитику по созданию «зон жизненных интересов». Стратегическое партнерство Китая с США становится важным геополитическим фактором во внешней политике. Шанхайская Организация сотрудничества своим названием говорит, кто хозяин в этой организации, которая эффективно используется Пекином для решения своих геостратегических задач. Китай напрямую решает с Соединенными Штатами взаимовыгодные проблемы, а неудобные перекладывает на Россию¹⁰. Кремль все чаще исполняет роль российского соловья китайской геополитики¹¹.

Впервые в новой истории геополитическим игроком становится не просто сверхдержава, а новое мировое этническое сообщество Большой Китай, включающее, кроме китайских государств, диаспору (хуацао). Эта неизвестная Западу и России форма интеграции позволяет наиболее эффективно осуществлять экономическую экспансию, без вооруженного захвата чужих территорий. При этом не беря ответственность за благосостояние «вассалов», борьбу с местной коррупцией и алкоголизмом. Наоборот, наиболее успешно эта модель действует в криминально-коррупцированных государствах. И на эту вассальную роль идеально подходит олигархическая Россия. Таким образом, возрастает реальная угроза России, которая на Дальнем Востоке за полтора столетия так и не смогла создать конкурентную экономику и достойный человека уровень жизни.

Российский аналитик Александр Храмчихин¹², анализируя китайские издания, обращает внимание на следующие тенденции. В 1996 году в Китае был опубликован коллективный труд «И все-таки Китай способен сказать нет». Где обосновываются претензии Китая на «жизненное пространство» российского Дальнего Востока. Если «честный и трудолюбивый» китайский народ будет осваивать этот регион, это станет «радостным известием» для местных русских. Для этого необходимо вернуть Хайшэньвей (Владивосток) с великолепной гаванью — бухтой трепангов (Золотой Пор). В 2009 году издается книга «Китай недоволен» (тираж 270 тыс. экз.). В новом труде китай-

⁹ Держачев В. Особенности китайской геополитики // Вестник аналитики, 2008, № 2.

¹⁰ Американо-китайское сближение в свете перспектив и места России в мировой политике. — www.russkiy-rok.ru/white/analitika1/jun-ww019.html

¹¹ dergachev.ru/geop_events/120709.html

¹² Храмчихин А. До Балхаша и далее... Китай не собирается обороняться. Он собирается нападать // Независимая газета. Военное обозрение. — www.centrasia.ru/newsA.php?st=1245988620

ские аналитики обосновывают стремление Поднебесной управлять миром. Так как Китай способен распоряжаться мировыми ресурсами более эффективно, чем Запад или любая другая страна. А Народно-освободительная армия Китая должна обеспечивать присутствие Поднебесной в «зонах жизненных интересов» за пределами страны. «Коммерция с мечом в руках» является особенно актуальной в отношении богатых ресурсами стран, где власть разбазаривает плодородные земли, тогда как китайцам давно уже тесно на Великой равнине.

По мере дальнейшего ослабления России и по мере наращивания геополитической мощи Китай в ближайшем будущем может объявить исторические договоры с Российской империей «неравноправными» и «несправедливыми». И потребует согласно Нерчинскому договору 1689 года вернуть Южную часть российского Дальнего Востока с Приморским краем, значительной частью Хабаровского края, Амурской и частично Читинской области Китаю. И тогда по сигналу из Пекина дальневосточные китайцы, призванные осваивать российские природные ресурсы, выступят не просто пятой колонной, а передовым отрядом. Пока проблемы территориальных претензий к России активно обсуждаются в китайязычном Интернете, который находится под бдительным контролем коммунистической власти.

Если тридцать лет назад тема утраты российского Дальнего Востока была из области фантазии, то теперь она перемещается в область геополитических прогнозов. Встанет вопрос, может ли страна победившего олигархического капитализма построить очередную русскую Калифорнию, отождествляемую в этот раз с Сингапуром?

Геополитические сценарии. Цунами бездумной российской демократии нанес самый большой ущерб российскому Дальнему Востоку, несоизмеримый с периодическими местными тайфунами. Российская власть после безвременья девяностых годов обратила внимание на регион. Единственный, кого облагодетельствовал на Дальнем Востоке олигархический капитализм, стал чукотский народ. Как пишут СМИ, олигарх вложил в возрождение Чукотки (50 тыс. жителей) 2,5–3 млрд. долл. и излечил от коррупции. Поэтому предлагается квадратно-гнездовым способом высадить в стране губернаторов-олигархов¹³.

В 2012 году на острове Русском (Владивосток) пройдет Саммит Организации Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС). Разработан инвестиционный **проект русского Сингапура** («Развитие острова Русский»). Новая российская ударная стройка века обойдется всего в 1,5 млрд. долл. (без учета коррупции). Несмотря на то, что 80% затрат федерального бюджета региональной целевой программы уйдет в столицу Приморья, этих средств недостаточно. Инвестиционный проект предусматривает строительство моста, международного делового центра, технополиса био- и информационных технологий на базе Тихоокеанского федерального университета мирового уровня и Дальневосточного Научного центра Российской Академии наук. Остров Русский станет точкой роста для всего Дальневосточного региона и крупным центром международного сотрудничества со странами Азиатско-Тихоокеанского региона.

¹³ Тополь Э. Способ Абрамовича // Совершенно секретно, октябрь 2009 г.

Уже от перечисленного захватывает дух. Но существует проза жизни. История освоения российского Дальнего Востока свидетельствует, что чаще всего побеждает другой чисто русский проект Нью-Васюков. Словосочетание «Технополис на острове Русском» звучит заманчиво и патриотично. Но технополис — продукт постиндустриальной эпохи. Еще никому в мире не удавалось создать технополис с университетом мирового уровня¹⁴ в депрессивном регионе, с явными процессами деградации и деиндустриализации.

Строящийся мост станет одним из крупнейших вантовых мостов в мире. Скептики утверждают, что это мост в никуда, призванный удивить заморских гостей саммита. Это русская традиция пускать пыль в глаза иностранцам к определенным датам. Оптимисты, наоборот, уверены, что мост будет построен не только к саммиту АТЭС, но и к новым российским президентским выборам в 2012 году и станет символическим трамплином для возвращения национального лидера России в Московский Кремль.

Рассмотрим возможные региональные геополитические сценарии в Северо-Восточной Азии, которые необходимо знать, чтобы своевременно вносить коррективы во внутреннюю и внешнюю российскую политику.

Дальний Восток сам отходит от России. В будущем не исключена возможность создания независимого от Москвы **Дальневосточного русского государства**, историческим аналогом которого в начале 1920-х годов была буферная республика. Неэффективная политика Москвы в отношении Сибири и Дальнего Востока, использующая богатейший регион как колониальную окраину и на протяжении столетий как огромную естественную тюрьму, может вызвать радикальные движения среди местного населения. Вряд ли патриотизм победит в условиях повторяющихся год за годом энергетических кризисов, борьбы за выживание и бездушия власти к местным проблемам. Безднадежность и утрата стратегической перспективы тянет местных людей в многочисленные религиозные протестантские и другие секты, разрушающие духовные связи с православием.

Протекторат «Американская Сибирь». Будущее ресурсов Сибири и Дальнего Востока не оставляет в покое Америку, где был разработан очередной сценарий будущей сибирской колонизации¹⁵. Специальная

¹⁴ В новом федеральном университете будет обучаться 50 тыс. студентов. В МГУ им. М.В.Ломоносова обучается всего 36 тыс. студентов. Многие российские студенты с Дальнего Востока предпочитают в последние годы получать образование в китайских вузах, где обучение более качественное и более дешевое, чем на родине. Иностранцы из азиатских стран вряд ли выберут «кота в мешке». В 2008 году по данным мирового рейтинга Times Higher Education лучший из российских университетов (МГУ) оказался на 183-м месте. А в сотню наиболее рейтинговых университетов вошло 15 университетов из стран АТР (Япония, Сингапур, Китай с Гонконгом, Тайвань, Южная Корея).

¹⁵ Не купить ли нам Сибирь? // Родина, 2000, № 5.

программа обеспечит подготовку новых граждан к американскому образу жизни. Коренным жителям Сибири, по аналогии с Аляской, будут созданы условия для обустройства традиционного образа жизни. «Покупка века» улучшит геостратегическое положение США за счет ресурсов Сибири.

Все намерения последних двух десятилетий по созданию международных транспортных коридоров через территорию России, включая Великий евразийский мост, заканчивались ничем. Транссиб так и не стал коммуникационным мостом между Западом и Востоком, а федеральная трасса от Москвы до Владивостока напоминает на многих участках амурские волны. Поэтому необходимы проекты, учитывающие геополитическую логику формирования трансконтинентальных коммуникаций между мировыми полюсами экономического и технологического развития. Если они соединят западные и восточные «берега» Великой Евразийской степи-океана, это станет важным гарантом мира и благополучия на рубежах цивилизаций.

Возможен **российско-американский геополитический проект Арктической (Полярно-Сибирской) железнодорожной магистрали**, берущий начало с полярной «дороги смерти», законсервированной после смерти Сталина. В связи с потеплением в Арктике становится технически реализуемым проект строительства коммуникационного моста между ЕС и Соединенными Штатами в российском Заполярье. Основой его может стать геополитическая ось Германия — Россия — Соединенные Штаты. Дорога позволит вовлечь в хозяйственный оборот местные природные ресурсы и сократит расстояние для транзитных грузов между Европой и Америкой.

Китайско-американский геополитический проект Химерики. В аналитическом сообществе обсуждается концепция «Большой двойки», или «Химерики» (China + America), которая эффективно поделит ресурсы Земли, несправедливо принадлежащие нерадивым народам. Создание геополитической оси Китай — Соединенные Штаты позволит реализовать трансконтинентальный проект **Азиатско-Североамериканской магистрали (АСАМ)**. Магистраль пройдет по маршруту Сингапур — Бангкок — Пекин — Харбин. Далее она пройдет через российский Дальний Восток и тоннель под Беринговым проливом до Ванкувера и Сан-Франциско. Это позволит соединить два крупнейших тихоокеанских полюса экономического и технологического развития — Шанхайский регион в устье Янцзы и Калифорнию, сопоставимые по макропоказателям с крупнейшими мир-экономиками. Если смотреть на географический глобус, этот самый протяженный в мире коммуникационный коридор соединит конечные пункты практически по прямой линии.

Какая из двух сверхдержав — Соединенные Штаты или Китай — может стать гарантом сохранения российского Дальнего Востока?

Известный российский историк Анатолий Уткин обращает внимание на то, что Соединенные Штаты уже трижды спасали Сибирь (1905, 1919, 1933)¹⁶. Благодаря Соединенным Штатам после проигранной войны с Японией был подписан выгодный для России мир. Во время Гражданской войны году японцы высадили во Владивостоке больше войск, чем было договорено с США. И Вашингтон выступил с протестом, не желая усиления Японии, рвущейся к российским ресурсам, за счет создания марионеточного русского государства к востоку от Байкала. Соединенные Штаты признали Советский Союз в 1933 году, так как выступали против доминирования в Северо-Восточной Азии милитаристской Японии, создавшей марионеточное государство Маньчжоу-Го. Таким образом, в глобальной конкуренции США выступали против усиления Японии за счет ресурсов Сибири.

Китайский протекторат «Желтороссия» на российском Дальнем Востоке. В двадцать первом столетии возможна реализация проекта Большого Китая, предусматривающего экономическую экспансию в Сибирь и Дальний Восток путем создания марионеточного (буферного) протектората Желтороссии, но уже на российской территории к востоку от Байкала. Когда более детально познакомишься с экономической экспансией Российской империи в ослабленную коррупцией Китайскую империю в начале двадцатого столетия, то поражает тенденция зеркального отражения процесса экспансии через столетие. Сильный Китай и слабеющая коррумпированная Россия. Не вызывает сомнения, что Китай после создания протектората в исторически короткие сроки построит не только трубопроводы, но и автобаны, по которым ресурсы Сибири и Дальнего Востока потекут на больших скоростях в Поднебесную.

Кроме опасности превратиться в протекторат Китая, есть и положительные моменты, которые обсуждаются в Рунете. Если в начале двадцатого столетия в Маньчжурии действовали российские законы, то в новой Желтороссии к востоку логично ввести в действие на время концессии китайские законы. И тогда Пекин примет известные всему миру кардинальные меры по борьбе с коррупцией¹⁷, что создаст стимулы для экономического роста всего Дальнего Востока, а не только благосостояния местных чиновников.

Российско-японский геополитический проект. В XXI веке может осуществиться идея соединения Японских островов с континентом. Если будет прорыт тоннель под проливом Лаперуза между островами Хоккайдо и Сахалином, который также соединится с материком тоннелем под Татарским проливом (реанимация сталинского проекта

¹⁷ В среднем за последнее десятилетие китайская власть казнит примерно одну тысячу чиновников в год за коррупцию.

конца сороковых годов). Таким образом, в будущем станет возможным прямое железнодорожное сообщение между крупнейшими островными государствами — Великобританией и Японией.

Становится очевидным, что создание достойного человека качество жизни на российском Дальнем Востоке только с опорой на запад страны оказалось утопией. Удержит ли олигархическая Россия Дальний Восток и станет ли его утрата большой трагедией для коррумпированной «элиты в законе»? Можно с большой определенностью утверждать, что нет. Если практически незаметно отколется Русский Остров в 25 млн. человек.

Россия многократно входила в эпоху смут, но в критические моменты истории собиралась с духом и преодолевала раскол в географии и душе. Будем надеяться, что и в этот раз великая держава найдет достойный выход. Будущее российского Дальнего Востока в Северо-Восточной Азии будет определяться стратегическим видением, доминирующим над тактическими проблемами борьбы за власть или её сохранение.

Петер ШУЛЬЦЕ (Германия)

ПОЛИТИКА КООПЕРАТИВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ЕВРОПЕ: СЦЕНАРИИ И ШАНСЫ

Определение вектора движения в 1990-е годы: крах иллюзии Общего европейского дома

По окончании «холодной войны» казалось, что концепция кооперативной безопасности Европы имеет шансы на успех. Но две волны расширения НАТО, войны на Балканах показали иллюзорность этих надежд. Постсоветская Россия, ослабленная системным кризисом, после 1994 года была вытеснена из процесса формирования европейской политики.

«Холодная война» закончилась, а строительство Общеввропейского дома с объединяющей архитектурой безопасности так и не состоялось. Североатлантический альянс позиционировал себя как «обновленная НАТО». На передний план выдвинулись две новые цели. Во-первых, «обновленная НАТО» взяла на себя роль императивного зонтика безопасности от потенциальных угроз со стороны России времен Ельцина, которая балансировала на грани хаоса и могла стать непредсказуемой во внешней политике и политике в области безопасности. Защищаться следовало не от военных угроз, а от последствий экономического упадка и внушающей страха внутривнутриполитической поляризации, не исключая даже дальнейшего дробления страны, что отвечало бы настроением некоторых вашингтонских кругов (Збигнев Бжезинский). Так что цель расширения НАТО заключалась в упрочении безопасности стран региона в составе трансатлантического союза.

Подобный поворот событий был воспринят политической элитой России как попытка обособления страны, которая превращалась в беспомощную игрушку на мировой арене. Появилась убежденность, что *«холодная война, объявленная завершенной, оказалась неоконченной»*¹.

¹ См.: Караганов С., Бордачев Т. К новой архитектуре евроатлантической безопасности // Доклад к конференции дискуссионного клуба «Валдай». Лондон, 8–9 декабря 2009 года. — eng.globalaffairs.ru

Тем не менее, Россия сумела вернуться в концерт великих держав в качестве влиятельной силы. Этому способствовал, во-первых, восьмилетний бум, который позволил России восстановить властные функции государства, смягчить социальные бедствия, а также обуздать своих вольных олигархов. Во-вторых, объявленная Москвой готовность участвовать в борьбе с терроризмом. «Медовый месяц» с США продолжался даже во времена иракской войны. Настроения поменялись лишь в связи с делом ЮКОСА и процессом против Ходорковского. Кремль вновь подвергся массовой критике, но его маргинализации, как в 1990-е годы, добиться не удалось. Слишком тесными стали экономические и политические связи с государствами ЕС. Сказался и трехвекторный подход в российской внешней политике и политике безопасности, благодаря которому были созданы структуры, обеспечивающие безопасность. Кроме того, Кремль реанимировал союзы, которые в течение десятилетия пребывали в забвении, и осторожно приступил к построению новых союзных конструкций, которые еще несколько лет назад казались немыслимыми. В качестве примера можно сослаться на Шанхайскую организацию сотрудничества, объединившую такие непростые страны, как Россия, Китай, государства Центральной Азии, и ставшую привлекательной для Индии, Афганистана, Ирана.

И все же в настоящее время вряд ли можно утверждать, что Москва находится в комфортабельном положении, т.е. интегрирована в надежные союзы. СНГ разваливается. Попытки противостоять этому, например, путем заключения региональных союзов (создание в 2003 году Единого экономического пространства), провалились. В итоге Россия была выдавлена в Евразию, возникли формы военной и экономической кооперации — Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС) и Организация договора о коллективной безопасности (ОДКБ).

«Тревожный звонок» (по выражению С.Лаврова), сделанный Путиным на конференции по безопасности в Мюнхене в 2007 году, и кавказский конфликт способствовали осознанию проблемы со стороны НАТО и ЕС. Массированное применение Москвой военной силы против Грузии стало последним предупредительным сигналом о том, что продолжать ту же политику и провести третий раунд расширения НАТО не получится. В противном случае придется столкнуться со всеми последствиями образования враждебных лагерей в Европе и взять ответственность за риски, возникающие для всей Европы.

Кардинальные перемены в системе международных отношений: стремительное расставание с гегемонией

После краха СССР, вплоть до войны в Ираке 2003 г., США играли роль гегемона в системе международных отношений. Но в свете неудач в Ираке и особенно в Афганистане можно сделать вывод об относитель-

ном упадке США, который, однако, объясняется не только внешними причинами. Он является совокупным следствием ряда факторов.

Уже во времена биполярного мира выявилась асимметрия между военной мощью с ее геостратегической проекцией, с одной стороны, и экономическими факторами, с другой. Снижение превосходства США даже в высоких технологиях, не говоря уже о военной сфере, отмечалось уже в 80-е годы. Реальное производство отступило под натиском раздувшегося финансового капитала. Негативные итоги маскировались провозглашением высоких целей в духе необходимости имперской миссии. Как представляется, начавшийся в августе 2008 года финансовый кризис окончательно поставил под сомнение способность Вашингтона к лидерству в трансатлантическом союзе.

Совокупность всех этих факторов (геополитическая растянутасть американской военной машины, снижение конкурентоспособности даже в области высоких технологий, гигантская задолженность государства) свидетельствует о движении бывшей сверхдержавы по нисходящей. Если кризис перерастет в длительную депрессию, то взрывоопасность всех указанных кризисных явлений в совокупности не может не сказаться на американской внешней политике.

В складывающейся ситуации растут опасения, что в США начнется смена парадигмы в сторону изоляционизма. Глава МИД Германии Йошка Фишер предполагает, что в результате финансового кризиса в мире произойдут драматические фундаментальные перемены. США и Европа окажутся в числе проигравших. Он не исключает смену внешнеполитического курса США и что «зацикленность европейцев на американской внешней политике, что ранее было само собой разумеющимся, будет все больше уходить в историю»².

Возвращение России на мировую сцену и превращение в центры влияния развивающихся стран АТР и Южной Америки фактически дало ответ на вопрос о новой архитектуре системы международных отношений и принципе ее формирования. «Многополярность — это реальность, и из нее неизбежным образом вытекает необходимость глобального сотрудничества», — утверждает бывший глава МИД Германии Ганс-Дитрих Геншер³. Если принципы формирования нового многополярного мироустройства останутся открытыми, то, благодаря процессам глобализации, открывается совершенно новое качество «обязывающего соседства», при котором опыт интеграции и нормы Евросоюза могут иметь большое значение и, возможно, покажут модель будущего.

² Fischer J. Europe Can't Bank on Past // The Moscow Times, 1.12.2008.

³ Genscher H.D. Франкфуртер альгемайне цайтунг // Für eine Weltneighbourschaftsordnung, 24.10.2008, с. 9.

Европейский Союз — робкий игрок в геополитике: вызов в лице «промежуточной Европы»

Безусловно, у Евросоюза имеется потенциал, чтобы сыграть важную роль в формировании будущего миропорядка. Этому благоприятствуют крах биполярного мира, процессы трансформации в направлении многополярности, сопровождающиеся относительной утратой гегемонии Соединенными Штатами. Внутренняя неоднородность ЕС, еще более усилившаяся после расширения, фактически вызвала паралич его деятельности. Евросоюз все чаще оказывался неспособным обеспечить консенсус. Понадобилось долгих 12 лет, чтобы разработать европейскую политику в области безопасности и обороны (ЕПБО)⁴, предусмотренную Маастрихтским договором 1991 года.

Несмотря на все эти неудачи, Евросоюз — это уже не Европейские сообщества прошлого. Он стал геополитическим фактором и заявил о себе в качестве игрока, в том числе на территории «промежуточной Европы»⁵, которая стала объектом соперничества внешних сил. Москва не стала выступать против. В противном случае вряд ли председателю ЕС, на тот момент французскому президенту Николя Саркози, удалось бы так быстро и успешно справиться с ролью посредника в конфликте между Россией и Грузией.

«Промежуточная Европа» лавирует между двумя полюсами, в частности, с Евросоюзом, с одной стороны, и Россией — с другой. США действуют на заднем плане. В результате образовался порочный круг, который не разорвать без конфликтов. Оба центра силы, находящиеся на флангах, действуют под влиянием внутривнутриполитических процессов в этих странах, которые, однако, изначально в равной степени инициируются в регионе Евросоюзом и/или Москвой. Комбинация факторов (внутриполитическая нестабильность и соперничество внешних сил) постоянно угрожает нарушить существующий статус-кво. Аналогично можно оценить и ситуацию вокруг Центральной Азии.

Если для Москвы СНГ была и остается зоной влияния, безопасности и сотрудничества, т.е. активность внешних сил, например, затрагивает там российскую политику, то для ЕС и НАТО «промежуточная Европа» стала сферой интересов недавно.

Поскольку волны расширения ЕС и НАТО на восток достигли постсоветского пространства и вступили в столкновение с интересами Рос-

⁴ См: *Frank J. Perspektiven der Europäischen Militärischen Integration: Internationales Institut für Liberale Politik* (Международный институт либеральной политики), Wien 2007.

⁵ «Промежуточная Европа» — пояс государств между ЕС и Россией, от Балтийского до Каспийского моря, включая три государства Южного Кавказа. См.: *Schneider-Deters W. (Schulze P.W.), Timmermann H. Die Europäische Union, Russland und Eurasien: Die Rückkehr der Geopolitik.* — Berlin 2008; *Schulze P.W. Die EU, Russland und die GUS: Auseinandersetzungen über das nahe Ausland.* — IPG 3/2005, с. 153.

сии и, кроме того, вызвали политические перекосы в странах СНГ, обе стороны вынуждены разрабатывать стратегии предотвращения конфликтов и общения друг с другом, которые до сих пор либо отсутствовали, либо были завуалированы дежурными фразами. Для того чтобы взяла верх идея строительства совместного будущего, сегодня сложилась благоприятная обстановка — в связи с грузинским конфликтом, приходом в Украине лидера с умеренными взглядами и сменой курса администрации Обамы в отношении России. Если этого не произойдет и сохранится твердолобый курс на конфронтацию, «промежуточная Европа» станет площадкой для так называемых замещающих (локальных) конфликтов⁶, не забытых со времен «холодной войны».

Из этого следует, что основная идея, которая, собственно говоря, является европейской составляющей при формировании международной политики, не претерпела изменений. *Отношение Евросоюза к России остается вопросом жизни и смерти континента и, следовательно, детерминантом политики безопасности и мира.*

Новая расстановка сил требует новых ответов

В июне 2009 года президент Медведев утвердил амбициозную «Стратегию национальной безопасности на период до 2020 года» (СНБ-2020). Она основана на расширении понятия безопасности и представляет собой сердцевину того, что можно понимать как «мягкую силу» в подходах российской внешней политики. Через эту стратегию и другие документы (Послание Президента РФ Федеральному собранию РФ 12 ноября 2009 года, проект нового Договора о европейской безопасности, статья «Вперед, Россия») красной нитью проходит призыв к трансатлантическим державам признать наконец Россию в качестве равноправного партнера в процессе реформирования международных институтов.

Тот факт, что СНБ-2020 принята с прицелом на 10 лет, не случаен: представленная премьером В.Путиным программа экономического развития страны также рассчитана на этот период. Т.е. внешняя политика и политика безопасности России нацелены на решение долгосрочных задач модернизации, и российская политическая практика в большей мере подчинена примату внутренней политики. Не удивляет, что существенными источниками угроз в СНБ-2020 признаются незаконченность строительства государственных институтов, запаздывающая модернизация экономики и общества, отсутствие правовой культуры, разгул коррупции, неэффективность госаппарата, а также инспирируемый терроризм⁷.

⁶ Непрямой конфликт между сверхдержавами на территории третьих стран — Вьетнам, Афганистан и др.

⁷ Поскольку НАТО также работает над созданием новой доктрины безопасности, с нетерпением ожидаются плоды этого аналитического труда: будет ли оценка угроз аналогичной?

Президент Д.Медведев выдвигает свою концепцию модернизации. Цель ее в том, чтобы путем мобилизации собственных инновационных ресурсов создать современную, материально обеспеченную, свободную и обороноспособную Россию. С этим связана и кардинальная перестройка политического режима.

На внешнюю политику и политику безопасности возложены особые задачи. Основная цель — вступать в надежные кооперационные связи с развитыми государствами Азии, Европы и Америки. При этом, подчеркивает Д.Медведев, «оформление принципа неделимости безопасности в Евро-Атлантике становится для нас императивом». Особое значение придается Договору о европейской безопасности. Обе цели тесно связаны с проектом модернизации и требуют политики, которая была бы подчинена «сугубо прагматичным целям».

Тем не менее прошло целых полтора года, прежде чем инициатива относительно европейской безопасности была наполнена конкретным содержанием. Но предложенный текст договора не отвечает заявленным критериям. Основная его идея в том, чтобы создать механизмы безопасности для всех государств трансатлантического и евразийского пространства и перевести их на договорную основу. Однако не ясно, каким образом можно согласовать действия всех перечисленных организаций, работающих на пространстве от Бреста до Владивостока и занимающихся отдельными аспектами и региональными особенностями проблем безопасности. Если будет создана общая для всех организация, то как будут регулироваться вопросы координации действий, разграничения полномочий, разделения функций и сферы компетенций? В проекте мало четко проработанных положений. Некоторые из них настолько широко сформулированы, что вызовут не только бесконечные обсуждения, но и просто приведут к блокировке принятия решения. В этом специфическая слабость документа, ибо государства НАТО, например, вынуждены будут скорее умерить, чем укрепить свои ожидания в области безопасности.

Поэтому страны НАТО и ЕС отреагировали сдержанно. Безусловно, инициатива Медведева не является коварным трюком, чтобы разлучить Европу и США. Москва не заинтересована и в усилении существующей напряженности в отношениях между государствами ЕС по поводу подхода к России. Цели Кремля равнозначны по трудности задаче квадратуры круга. Москва намерена:

- участвовать в принятии решений в контексте формирования европейского будущего, не отказываясь при этом от собственной самостоятельности;
- сохранить существующий статус-кво в Европе;
- предотвратить третий раунд расширения НАТО на Восток;
- создать безопасное и умиротворенное пространство в составе соседних стран, которые должны быть ограничены в своем суверените-

те, иначе говоря, не имели бы права проводить антироссийскую политику.

В ближайшем будущем новых разъяснений от российской стороны ждать не приходится. Если НАТО и ЕС готовы к диалогу, они должны выдвинуть свои предложения, которые, возможно, окажутся более близкими к реалиям общей политики безопасности.

Европейская безопасность в условиях существования многих полюсов или их отсутствия

Можно было бы подумать о следующих шагах в направлении формирования новой общеевропейской архитектуры, которые могли бы стать предметом обсуждения.

1. *Повышение значимости Совета Россия–НАТО или поэтапное вступление России в НАТО, т.е. первоначально в политическую организацию НАТО.* Если обеспечение безопасности в Европе на длительную перспективу невозможно без учета интересов России, то нужно, наконец, начать действовать согласно этой истине. Руководство НАТО самокритично признает⁸, что в эпоху «глобализованной нестабильности» альянс в одиночку не в состоянии отвечать на вызовы, и в его новой стратегии расширенному измерению безопасности нужно уделить больше внимания. В европейском контексте это равносильно предложению установить с Россией более тесные отношения. Несомненно, отношения между Россией и НАТО пришли в движение. Это подтверждают в своих выступлениях генсек НАТО Расмуссен (17 декабря 2009 года в МГИМО), представитель России при НАТО Дмитрий Рогозин⁹, глава Совета безопасности РФ Патрушев¹⁰. Не следует переоценивать эти заявления, но если будет реализована даже часть планов конкретного сотрудничества, организуемого как бы «снизу», то будет создаваться атмосфера доверия, что является неременным условием договоренностей по институциональным вопросам. Последовательно предпринимая шаги по укреплению доверия в таких чувствительных сферах, как ПРО, можно было бы добиться поэтапного повышения значимости механизмов для консультаций, обмена информацией и, наконец, принятия решений в рамках Совета Россия–НАТО. В связи с сохраняющимся трансатлантическим измерением альянса подобная конструкция предполагает

⁸ *Rasmussen F.* Deutschland und die Nato // Франкфуртер альгемайне цайтунг, 6.11.2009, с. 8.

⁹ Johnson's Russia list, #35 — JRL 2009-230 — JRL Home NATO chief expects joint missile defense with Russia by 2020: www.cdi.org/russia/Johnson/2009-230-35.cfm

¹⁰ Johnson's Russia list, #31 — JRL 2009-231, Russian security head proposes joint threat analysis with NATO. — www.cdi.org/russia/Johnson/2009-231-31.cfm

высокую степень доверия и перестраховки: 1) уровень обеспечения безопасности для европейских стран никак не изменится, 2) США остаются в союзе как партнер и противовес, 3) будет, наконец, реализована идея укрепления европейской опоры, 4) нейтрализуются опасения относительно доминирующего положения России, 5) проблемы безопасности и конфликты будут рассматриваться и разрешаться сообща, в рамках предусмотренной для этого структуры. Этот вариант приведет к радикальному смягчению ситуации с безопасностью в Европе в целом.

Вариант, предусматривающий вступление РФ в политическую организацию НАТО, рассматривался среди прочих на заседании международного дискуссионного клуба «Валдай» в Лондоне в декабре 2009 года. Российские представители (С.Караганов, Т.Бордачев) называют его «достаточно привлекательным»¹¹.

2. Заключение между ЕС и Россией договорных соглашений об обеспечении мира в Европе. Несмотря на то, что российско-европейские отношения базируются на густой сети экономических соглашений и политико-институциональных договоренностей, реализация сценария в области политики безопасности остается сложнейшей задачей, поскольку в ЕС не хватает ни политической воли, ни единодушия в воплощении ЕПБО. США останутся существенным фактором в общеевропейской конструкции безопасности, на них в военно-политической сфере ориентированы большинство стран ЕС. Разорвать этот порочный круг (сочетание пассивно-оборонительного поведения и отказа предпринимать больше усилий в общеевропейской и международной деятельности ЕС) могут только чрезвычайные события в Вашингтоне. Подобное развитие событий вряд ли продвинет вперед ЕПБО. Скорее, сближение Москвы с Вашингтоном будет подразумевать возможность возникновения элементов старой биполярной системы. В связи с существующими финансовыми и экономическими зависимостями Вашингтон, видимо, будет вынужден усилить акцент на стратегии «в первую очередь Азия». Наводят на размышления также опасения по поводу сползания США к изоляционизму. Все эти события потенциально связаны с формированием многополярных структур и новой конфигурацией сил в международных отношениях. Оказывают они свое воздействие и на ЕС. Без сомнения, внутривнутриполитическая эволюция России в направлении западноевропейских норм будет содействовать восприятию ее как потенциального партнера. Дополнительным средством могло бы оказаться вступление России и других стран СНГ в открытое общеевропейское экономическое пространство, механизмы регулирования которого могли бы способствовать устранению конфликтов.

¹¹ eng.globalaffairs.ru

Накопление опыта совместной реализации подобных задач могло бы также обезвредить угрозы, исходящие из той опасной зоны, которая образовалась между ЕС и Россией, — в «промежуточной Европе». В этом случае был бы допустим вариант, предусматривающий договоренность между ЕС и Россией о совместной мирной политике, которая в военном плане основывается на ЕПБО, но которая в соответствии с прежней конструкцией совмещения функций не имеет собственного военного контингента, а использует компоненты НАТО. К ним можно было бы присоединить военные контингенты Еврокорпуса, европейских войск быстрого развертывания. На оперативном уровне подготовки и обучения, а также на командном уровне должны быть созданы механизмы коммуникации и обмена данными, например, аналитическими оценками имеющейся информации. В случае кризиса эти военные контингенты, а также подразделения России и ОДКБ должны находиться в подчинении совместного командования, управляться через подлежащие сформированию механизмы политических консультаций и принятия решений в рамках новых институтов, при необходимости привлекаться к выполнению задач.

3. Повышение статуса ОБСЕ и/или продления действия Парижской хартии. Парадоксально, но наиболее слабым звеном новой архитектуры является как раз тот институт, который внес значительный вклад в окончание холодной войны, — ОБСЕ. Тем не менее, совсем упускать ее из виду не стоит. Так, ЕС и РФ могли бы договориться о совместной мирной политике, которая в политическом плане опиралась бы на реформированную ОБСЕ с повышенным статусом и с полномочиями принятия оперативных решений. В целях выполнения задач по установлению и обеспечению мира, которые будут четко определены и которые не должны стать предлогом для вмешательства во внутренние дела стран-членов, должен быть создан орган для подготовки материалов с анализом угрозы. Эти материалы будут служить основанием для принятия решения. В настоящее время подобный сценарий представляется наименее вероятным, поскольку в прошлом ОБСЕ слишком активно использовалась как инструмент и, в силу этого, вряд ли имеет достаточный авторитет, чтобы выступать в качестве форума или гаранта европейского устройства, обеспечивающего мир и безопасность.

Российский политолог Лукьянов выступил с предостережением по поводу завышенных ожиданий в отношении положительной реакции на предлагаемый Медведевым договор: «За исключением России, никто не проявил энтузиазма в отношении этого плана. И ЕС, и США удовлетворены существующим положением вещей. Мы не должны ожидать какого-либо прогресса в направлении создания новой европейской политической архитектуры».

Но решение американцев пойти на уступки по ПРО ослабляет подобный пессимизм. Похоже, администрации США стало ясно, что необходимо сделать больше, чем просто нажать кнопку «перезагрузки». В принципе речь идет о новой стратегии для России. Как и о стратегии США в отношении Европы. «Многосторонний» подход администрации Обамы свидетельствует и о том, что Россия должна шире привлекаться к решению неурегулированных международных проблем. Возникает предмет для переговоров. В частности, можно было бы разменять заинтересованность России в европейском устройстве коллективной безопасности на планы НАТО относительно третьего раунда расширения.

Ганс-Иоахим ШПАНГЕР (Германия)

И СНОВА О «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЕ»: УРОКИ ПРОШЛЫЕ И НЫНЕШНИЕ

Несмотря на нынешнюю оттепель в отношениях России с Западом, состояние напряженности по-прежнему едва-едва не пробивается на поверхность. И в самом деле, само представление о необходимости «перенастройки», то есть возвращения к старому образцу, ясно указывает на то, что в восприятии обеих сторон что-то основательно пошло не так со времен лучшей поры взаимной открытости по завершении «холодной войны». Так что не удивительно, что в последние три года постоянно давала о себе знать и опровергалась идея новой или вновь обретшей силы «холодной войны», особенно после выступления Владимира Путина в Мюнхене в январе 2007 года, явно выраженных усилий администрации Буша включить Грузию с Украиной в состав НАТО весной 2008 года или войны на Кавказе в августе 2008 года.

В свете таких событий для некоторых «холодная война» по-настоящему так никогда и не кончалась. Из-за «наследия биполярного противостояния», что нашло выражение в «нарушении принципа неделимости безопасности в Европе», в России и многих других европейских странах «холодная война», объявленная оконченной, оказалась так и не завершенной¹. Для других сам термин связан (спустя двадцать после официального окончания) с пиком неуклонного ухудшения отношений России с Западом по причинам, которые не обязательно вызваны подлинной «холодной войной», хотя, возможно, и обострены ее остатками.

Вместе с тем, если термин «холодная война» не просто используется для драматизации ситуации с напряженностью в отношениях, то необходимо повнимательнее приглядеться к его особенностям. В конце концов «в своем первоначальном виде» он обозначал, «по-видимому, смертельный антагонизм»², в котором сочетались элементы

¹ Караганов С., Бордачев Т. К новой архитектуре евроатлантической безопасности // Валдайский дискуссионный клуб, СВОП, РИА «Новости», 2009, с. 5 и далее.

² Шлезинджер А. Истоки «холодной войны» (Schlesinger A., Jr. The Origins of the Cold War in: Foreign Affairs, vol. 46, October 1967, p. 22.

соперничества великих держав, идеологической борьбы, военной отстраненности, участия (или поддержка какой-либо из сторон) в чужих войнах и постоянной угрозы взаимного ядерного уничтожения (она, между прочим, в смысле возможностей в наше время даже более насущна, нежели на начальных этапах «холодной войны»). А значит, стоит оглянуться на истоки того, что некогда дало конфликту между Востоком и Западом подобающее название — невзирая на все его взлеты и падения и ретроспективно охватывавший даже период разрядки 1970-х годов.

С позиций сегодняшнего дня «холодная война» никак не явилась неожиданностью и ни в коей мере не оказалась худшим из возможных исходов. Два постепенно складывавшихся блока были попросту слишком различны и по этой причине слишком полны решимости избавиться друг от друга, чтобы хоть как-то могли развиваться отношения более продуктивные и более нацеленные на сотрудничество. Впрочем, мы все соображаем лучше, оглядываясь назад, тогда же это было отнюдь не настолько очевидно. Во многих отношениях «холодная война» в самом начале, скорее, оказалась поразительно похожа на войну на самом завершающем ее этапе: он начался в 1945–1946 годах прочным согласием между державами-союзницами в войне и далеко идущими планами нового всеобъемлющего мирового порядка. Более того, если в 1990-х, в эпоху после «холодной войны», похожие планы оставались всего лишь декларациями и пустыми мечтаниями, то накануне и вскоре после конца Второй мировой войны они стали по-настоящему действующими.

Возьмите, к примеру, создание Организации Объединенных Наций, первой — и все еще единственной — в истории глобальной системы коллективной безопасности, включающей в себя совместный Военно-штабной комитет и приданные вооруженные силы стран-участниц. ООН была создана накануне самого конца войны, 25 апреля 1945 года в Сан-Франциско, а ее Устав был утвержден сразу после того, как окончилась война в Европе, 26 июня 1945 года. В отличие от конца Первой мировой войны, когда США провозгласили вильсоновские принципы («14 пунктов Вудро Вильсона». — *Перев.*) и положили начало самой идеи Лиги Наций, а потом пошли на попятный, после Второй мировой войны они стали во главе совместных усилий по созданию институциональной инфраструктуры нового мирового порядка — и при этом привлекли к совместной работе своего союзника, Советский Союз. Сам этот факт настолько поразил ученый мир на Западе, что он рассматривает ООН не только как «исторически уникальное», но к тому же еще и поистине «западное» нововведение, невзирая на то, что события в Косово и война в Ираке выявили присущие США ограничения в следовании правилам: «порядок под главенством США отличает то, что он более либеральный, нежели имперский, а потому необыкновенно

общедоступен, легитимен и прочен»³. И в самом деле, ООН доказала свою устойчивость. Несмотря на то, что ее не раз выхолащивали (самым заметным образом — в подталкивании к Корейской войне), она до сих пор является стеновым хребтом и не имеющей равных опорной точкой для любой системы безопасности, как региональной, так и глобальной.

Но в свете сегодняшнего опыта еще удивительнее то, что создание нового мирового порядка никоим образом не ограничивалось сферой безопасности, оно распространялось и на сферу финансовую, где соответствующие инструменты были разработаны еще раньше. В июле 1944 года в Бреттон-Вудс состоялась Валютно-финансовая конференция Организации Объединенных Наций, на которой присутствовала и внушительная делегация из Советского Союза. На этой конференции основной спор велся не по поводу своеобразия советской экономической модели, а, скорее, между Джоном Мейнардом Кейнсом, представлявшим Великобританию, и Гарри Декстером Уайтом, представлявшим США, по вопросу балансирования торговых платежей и по вопросу о Международном клиринговом союзе (что, возможно, для советского восприятия стало дополнительным свидетельством все возрастающих и подталкивающих к войне противоречий между главными капиталистическими державами). И все же когда в декабре 1945 года в качестве институциональной основы был создан — в русле намерений США — Международный валютный фонд, осталось всего 29 членов, Советский Союз устранился, в отличие, между прочим, от Польши и ЧССР, которые вышли из него лишь в середине 1950-х годов.

Впрочем, передышка оказалась очень краткой и, начиная с 1946 года, ей на смену пришло стремительно обострявшееся противостояние, кульминацией которой через пять лет стала Корейская война. Была ли она действительно неизбежной и, задаваясь еще более популярным вопросом, кто был виноват? Последний вопрос до сих пор жарко обсуждается наряду с, в общем-то, тремя преобладающими точками зрения на истоки «холодной войны» — заметнее всего среди ученых в Соединенных Штатах.

Первая — это ортодоксальная, господствовавшая на пике «холодной войны» в 1950-е годы и в течение большей части 1960-х годов. Порождали ее крах союзнических отношений времен войны и распространение советской власти в Европе, «потеря» Китая и, наконец, Корейская война. С этой точки зрения причиной «холодной войны» была советская агрессия в Восточной Европе, а затем и в других частях света. У

³ Или еще более лаконично: «Сегодняшний западный порядок, коротко говоря, труден для низвержения и легок для присоединения» (*Айкенберри Дж.* Подъем Китая и будущее Запада. Выживет ли либеральная система? *Ikenberry J. The Rise of China and the Future of the West. Can the Liberal System Survive?* in: *Foreign Affairs*, vol. 87, No. 1, January/February 2008, p. 24, 28).

Соединенных Штатов не было другого выбора, кроме как противостоять советской угрозе — понимаемой как результат традиционного российского империализма или как идеологически мотивируемого экспансионизма. Милостивые ожидания США продолжать сотрудничество военного времени с Советским Союзом вскоре были порушены поведением Москвы. Классический пример — «длинная телеграмма» Джорджа Ф.Кеннана, в которой сжато излагался советский образ действий: «мы имеем здесь дело с политической силой, фанатично преданной убеждению, что с США не может быть никакого постоянного *modus vivendi* (урегулирования споров через договоренности. — *Перев.*), что желательно и необходимо подорвать внутреннюю гармонию нашего общества, что наш традиционный образ жизни следует уничтожить, лишить наше государство международного авторитета, если это необходимо для сохранения советской власти». Это составляло «величайшую задачу, с какой когда-либо сталкивалась наша дипломатия, и, вероятно, величайшей из тех, с какими ей предстоит столкнуться», и могло выверяться только на основе убеждения, что СССР, «невосприимчивый к логике разума», был бы «в высшей степени чувствителен к логике силы», то есть к средствам военного сдерживания⁴.

В 1960-е годы, когда Соединенные Штаты ввязались во Вьетнамскую войну, появилась новая точка зрения на истоки «холодной войны», где главная роль отводилась США и ставились под сомнение мотивы американского правительства и интересы американского бизнеса. Так называемые «ревизионисты» возлагали вину только на Соединенные Штаты. Они утверждали, что Советы в смысле соблюдения своих национальных интересов не сделали в Восточной Европе ничего, чего не сделала бы всякая великая держава. В любом случае, русские зачастую просто действовали в ответ на то, что представлялось как агрессивные американские притязания на рынки и политический доступ в условиях большой асимметрии в балансе сил⁵. Смысл был в

⁴ Поверенный в Советском Союзе (Кеннан) — государственному секретарю, Москва, 12.02.1946 г.; на сайте: www.gwu.edu/~nsarchiv/coldwar/documents/episode-1/ken-nan.htm. Основное содержание телеграммы Кеннана было опубликовано в 1947 г. в журнале *Foreign Affairs* в виде статьи под заголовком «Источники советского образа действия» («The Sources of Soviet Conduct»), подписанной «Х». Среди других источников книги Герберта Фиса «Черчилль, Рузвельт и Сталин: Война, которую они вели и мир, который они искали», «От доверия к террору: рассвет «холодной войны» (Feis H., Churchill, Roosevelt, and Stalin: The War They Waged and the Peace They Sought. — Princeton, N.J., 1957; Feis H., From Trust to Terror: The Onset of the Cold War, 1945–1950. — New York, 1970) и указ. соч. Шлесинджера.

⁵ Подходящие примеры содержат: Альперовитц Г. «Атомная дипломатия: Хиросима и Потсдам» (Alperovitz G., Atomic Diplomacy: Hiroshima and Potsdam, 2nd ed. — Pluto Press, 1985); Колко Г., Колко Дж. «Пределы силы: Мир и внешняя политика Соединенных Штатов» (Kolko G., Kolko J. The Limits of Power: The World and United States Foreign Policy, 1945–1954. — New York, 1972).

том, что даже если кто-то, возможно, и презирал советскую систему, ее образ действий, по существу, представлял статус-кво.

Такая направленность доводов ревизионистов в конце концов породила различные контраргументы со стороны тех, кто сплотился в качестве «пост-ревизионистов» и кто вовсе не отметал с порога любые заявления ревизионистов. Скорее, они старались показать, что винить есть за что обе стороны, что обе они преследуют свои собственные интересы и неверно трактуют другую сторону, что структурная асимметрия в приложении к силе и политическим системам затрудняет взаимопонимание. Пост-ревизионисты были склонны принять точку зрения ревизионистов, что Сталин был больше обеспокоен советской безопасностью и это послужило стимулом создания советской сферы влияния в Восточной Европе, нежели мировым господством или агрессивными устремлениями в отношении Западной Европы. В то же время они утверждали, что даже любой Советский Союз, озабоченный тем, что Сталин понимал под «безопасностью», все равно угрожал бы западным интересам, и что беспокойства западных держав в отношении России, следовательно, законны и понятны⁶.

Различия эти далеко не урегулированы даже после того, как были открыты многие архивы, что не удивительно, поскольку вопрос не в сборе фактов, а в их трактовке в соответствии с соперничающими взглядами на мир и основными научными теориями. То же относится и к соперничающим трактовкам направленности движения после «холодной войны», которые демонстрируют поразительное сходство со спорными мнениями об истоках «холодной войны», как и о ее исходной точке. Резкая перемена 1989–1990 годов призывала к никак не меньшему, чем борьба против нацистского режима за новый мировой порядок, каковую мысль в 1990 году президент США Дж. Буш изложил на духовном языке американского политического класса:

«Из этих беспокойных времен может явиться новый мировой порядок, новая эра — более свободная от угрозы страха, более сильная в стремлении к справедливости и более уверенная в поиске мира. Эра, в которой государства мира, Востока и Запада, Севера и Юга, могут благоденствовать и жить в гармонии. Сотни поколений отыскивали эту ускользающую тропку к миру, в то время как тысяча войн препятствовала человеческим устремлениям. Сегодня в борениях рождается

⁶ Вот, к примеру: *Ергин Д.* Разрушенный мир: истоки «холодной войны» и государства национальной безопасности (*Yergin D. Shattered Peace: The Origins of the Cold War and the National Security State.* — Boston, 1977); *Гэддис Дж. Л.* Соединенные Штаты и истоки «холодной войны» 1941–1947 гг. (*Gaddis J.L. The United States and the Origins of the Cold War, 1941–1947.* — New York, 1972); *Гэддис Дж. Л.* Теперь мы знаем: Переосмысление истории «холодной войны» (*Gaddis J.L. We Now Know: Rethinking Cold War History.* — Oxford, 1997). Весьма критически относясь к Советскому Союзу, Дж. Гэддис занялся тем, что можно представить как ортодоксальную пост-ревизионистскую трактовку.

новый мир, мир, совершенно не похожий на тот, который мы знали. Это мир, в котором власть закона вытесняет закон джунглей. Мир, в котором народы признают совместную ответственность за свободу и справедливость. Мир, где сильные уважают права слабых. Вот видение, которое я разделял с президентом Горбачевым в Хельсинки»⁷.

И действительно, горбачевское видение «общеевропейского дома», судя по благожелательному портрету Федора Лукьянова «последнего политика вильсоновского толка XX века»⁸, не многим отличается.

Однако практические шаги, предпринятые в этом духе, остаются скудными и значат не многим больше, чем чисто декларативная Парижская Хартия Конференции по сотрудничеству и безопасности в Европе 1990 года, преобразование этого органа в (по большей части бесполезную) организацию (ОБСЕ) и давно откладываемое вступление России в Международный валютный фонд. Новый всеобъемлющий порядок так и остался ничем иным, как видением. И старые главные опоры западной системы, такие как НАТО, ЕС и ОБСЕ, хотя постепенно и наращивают число своих членов и размах, в конечном счете остаются клубами для избранных: у России реального шанса на вступление не было никогда. Хотя в складывающихся отношениях между Россией и Западом нет никакого сходства (в общем и целом) со «смертельным антагонизмом» «холодной войны», в равной мере очевидно, что они еще далеки от выработки удовлетворительного решения. И опять: вина возлагается на каждую из сторон.

Ортодоксальная западная точка зрения вновь отождествляет Россию с главным виновником. Ее неуклонное стремление наложить ограничения на суверенитет своих ближайших соседей и ее усилия создать исключительную зону влияния по своему периметру преподносятся как наиболее уместные свидетельства. Утверждается при этом, что такое поведение показывает, насколько новая Россия все еще погрязла в своем прошлом и связана своими традиционными имперскими инстинктами, с которыми невозможно справиться из-за авторитарной трансформации политической системы⁹.

Зеркальным отображением является критика по адресу Запада, в особенности, США и НАТО. Решительно используя временную слабость России, Запад не только подчинил Россию своим экономическим

⁷ Обращение к совместной сессии Конгресса США по кризису в Персидском заливе и дефициту федерального бюджета 11 сентября 1990 г. (Washington D.C., by George H.W. Bush, President of the U.S.A.).

⁸ Лукьянов Ф. Горбачев — последний политик вильсоновского толка XX века (Lukyanov F. Gorbachev Is the Last 20th-Century Wilsonian // The Moscow Times, 19 November 2009).

⁹ Классическим примером является изданная Советом по внешнеполитическим отношениям книжка «Россия идет не туда. Что могут и должны сделать Соединенные Штаты» (Council on Foreign Relations (ed.), Russia's Wrong Direction. What the United States Can and Should Do. — New York, 2006).

интересам, укрепляя эксплуататорский союз с новой олигархией. Он к тому же придвинул свой военный альянс вплотную к российской границе и тем способствует развитию нового синдрома российского окружения¹⁰. В этом находят отражение никак не меньшее, чем глубоко вьезшиеся имперские, если не откровенно империалистические тайные планы.

Наконец, можно отыскать и благожелательные точки зрения, которые берут в расчет структурные свойства и их воздействие на способы взаимодействия. Сторонники таких подходов обращают внимание на нынешний довольно асимметричный баланс сил в международной системе, который довели США, движимых «однополярным подходом» и уверенностью в себе как в «незаменимой нации», до пренебрежения интересами остального глобального сообщества. У России, которую язвит призрак боли от утраты своего прежнего статуса сверхдержавы и вдохновляет стремление вновь стать великой державой, это вызывало особенное раздражение. Требующие внимательного обращения взаимные отношения в таких объективных условиях, как нынешние, считаются наиболее многообещающими, когда берут в расчет общие интересы¹¹. Второй основной позиционный блок обращается к теории «демократического мира», которая постулирует сложную связку между природой внутреннего порядка и международным поведением государств. Сторонники данного подхода заранее предполагают общность ценностей как одну-единственную прочную основу для взаимопонимания и, по существу, призывают Россию копировать всеобщую демократическую миссию Запада¹².

Сравнение данных двух примеров — подлинной и воображаемой «холодной войны» — предвосхищает ряд уроков в том, как поддерживать отношения между Россией и Западом.

Во-первых и, прежде всего — более пристальное изучение обнаруживает, что даже на первый взгляд самые очевидные события прошлого оказываются значительно более сложными, чем то силится предста-

¹⁰ Вот, к примеру: *Коэн Ф.С.* Неудавшийся крестовый поход. Америка и трагедия пост-коммунистической России (Stephen F. Cohen, *Failed Crusade. America and the Tragedy of Post-Communist Russia*. — New York, 2000).

¹¹ Это нашло отражение, среди прочего, в: *Лайн Р., Талботт С., Ватанабэ К.* Взаимодействие с Россией. Следующий этап (Lyne R., Talbott S., Watanabe K. *Engaging with Russia. The Next Phase (A Report to the Trilateral Commission)*/ — Washington D.C., 2006).

¹² Идеальным примером являются многочисленные писания Майкла Макфола (Michael McFaul), которые с приходом к власти Владимира Путина неизменно посвящены различным аспектам этой темы. Кстати, возглавив отдел России в Совете национальной безопасности администрации Обамы, он осенью 2009 г., как сообщают, уверял своего российского коллегу в двусторонней комиссии по вопросам гражданского общества, Владислава Суркова, что США готовы воздерживаться от назиданий России в вопросах демократии.

вить упрощенческая риторика политических обсуждений. Судя по тому, что в действительности движет внешней политикой великих держав — материальные или мыслительные факторы, интересы или идеологии, структуры, посредничество или природа международной системы — задача не так-то легка и требует открытого обсуждения, и при этом вовсе не обещает радужных перспектив урегулирования противоречий.

Во-вторых, уже в который раз подтверждено, что общий враг весьма способствует созданию единодушия и политического единства, и это даже сегодня существенно и в рамках Запада, и в рамках России. Между тем сегодня нет четко обозначенного и достаточно угрожающего врага, вызывающего потребность всеобщей готовности. Вместо этого мы сталкиваемся с общими вызовами, которые порождают потребность в усилиях неведомых размеров и сомнительного воздействия, зато предоставляющих широкие возможности для желающих и в политике «проехаться зайцем». Перечень хорошо известен: перемена климата, транснациональный терроризм и организованная преступность, слабость государства и провал государства на Глобальном Юге, нераспространение оружия массового уничтожения и т.д. Противоречивые по самой природе своей, эти вызовы едва ли достаточны, чтобы принести пользу в преодолении закоренелых разногласий.

В-третьих, при отсутствии внешнего умиротворителя необходим некто его замещающий — и тут некая мера политического единообразия, несомненно, имеет какую-то значимость в качестве объединяющей силы. В особенности это относится к основам организации политической власти и обеспечения экономического благосостояния: иными словами, сводящееся к одному и тому же понимание демократического управления и рыночной экономики оказалось бы полезным.

И тут мы явно наталкиваемся на трудность. Хотя президент Медведев снова и снова подтверждает, что Россия разделяет те же самые ценности, что и Запад, она явно предпочитает внедрять их в практику на довольно отличающийся манер. Тем не менее необходимо принять во внимание тот факт, что в отличие от подлинной «холодной войны» в настоящее время нам не противостоят антагонистические и взаимоисключающие социально-экономические модели, скорее, мы имеем дело с различными формами демократического государственного управления. Рыночной экономике ничто не грозит. И более того, кто в действительности следует ее ценностям наступательно, а временами — даже и агрессивно?

В-четвертых, хотя для международного сотрудничества общие институты, процедуры и нормы имеют высочайшую значимость в качестве строительных блоков, недостатка в этом, несомненно, нет еще со времен «холодной войны». Никогда прежде в мировой истории международное сообщество не руководствовалось столь густой сетью

институтов глобального управления и провозглашенных норм и целей. Вопрос, следовательно, в том, как действуют эти институты и как соблюдаются и внедряются закон и порядок, а не в том, чем еще дополнить существующую систему. Соблюдение правопорядка представляет собой главную сложность. Внутри государств ответственность за это ложится на правоохранительные органы, которые осуществляют монополию государства на законное применение силы. Вне государства и в связях между государствами таких властных органов нет. Ответственность за мир и безопасность, следовательно, по существу, лежит на отдельных государствах и, как правило, на самых мощных государствах, что требует от каждого нести свою долю этой коллективной ответственности.

Это подводит к конечному выводу. Под угрозой не архитектура институтов (в Европе или в глобальном масштабе), а способ, каким они используются. В этом смысле инициатива президента Медведева уже доказала свою ценность: не столько в призыве к новому Договору о европейской безопасности (который, по сути, лишь подтвердил бы существующие обязательства в дополнительных формальных параметрах), сколько инициацией политического процесса, который несет в себе возможность «продумать общие способы преодоления различий во мнениях в рамках Европы», как подчеркивается в его Послании 2009 года. Такая перспектива получила бы очень сильное содействие, если бы Запад преодолел свою неосведомленность в российских интересах, а Россия расширила бы свои способности и готовность к всеобъемлющему сотрудничеству в сфере безопасности. И это поистине предотвратило бы возникновение совершенно неоправданной новой «холодной войны».

Дмитрий БОРИСОВ, Эрнест СУЛТАНОВ

БЛИЖНЕВОСТОЧНАЯ ШАХМАТНАЯ ДОСКА: ПАРТИЯ ВАШИНГТОНА И МОСКВЫ

Палестино-израильский конфликт имеет ключевое значение в рамках Большого Ближнего Востока. Администрация Обамы определяет прогресс в этом вопросе в качестве одного из своих приоритетов. От того, как Москва отреагирует на новую ситуацию, будет во многом зависеть ее будущая роль в регионе.

У Тель-Авива есть три стратегии решения палестинской проблемы. Левые из «Аводы» и левоцентристы из «Кадимы» в основном исходят из перспективы создания политически и экономически зависимого, подконтрольного Палестинского государства. Именно эта стратегия, еще называемая «два народа — два государства», лежала в основе политики правительства Эхуда Ольмерта. Следуя ей, Израиль инициировал блокаду Палестины после победы «Хамас» на выборах в феврале 2006 года. Кроме того, были предприняты меры для поддержки Махмуда Аббаса и смены власти в Палестине. Поскольку эти меры не дали результатов, перед выборами была организована военная операция в Газе.

Стратегической задачей войны было создание основ для возвращения территории под контроль устраивающей Израиль администрации Аббаса. После этого возможно было достижение определенного «мирного соглашения», о котором говорил в своем интервью Newsweek Эхуд Ольмерт¹. Во многом этим и объясняется бездействие Махмуда Аббаса, а также саудовцев и египтян во время войны в Газе. Неспособность реализовать проект смены власти в Газе, а соответственно, и стратегию в целом, привели к смене политического тренда в израильском обществе и победе на выборах в Кнессет правых и правоцентристских партий и представляемых ими стратегий.

Нынешнее правительство Израиля в еще меньшей степени способно к размежеванию по границам до 1967 года, что предусмотрено как сау-

¹ *Peraino K. Olmert's lament // Newsweek, 22.06.2009 г.*

довским предложением, так и «Дорожной картой», разработанной администрацией Буша. Для части «Ликуд» и ультрарелигиозных партий приоритетом остается концепция «Большого Израиля». Для «Израиль Бейтену» стратегической задачей является обмен «колоний-поселений на израильские населенные пункты с арабским большинством». Наконец, правящая коалиция за счет участия «Аводы» частично унаследовала и стратегию создания «Палестинского бунт-стана», которую реализовывало предыдущее правительство. Соответственно, из-за несовместимости стратегий у правительства Беньямина Нетаньяху не может быть никакой единой линии.

Показателем этой «стратегической несовместимости» является и программное выступление израильского премьера по Ближневосточному урегулированию². Фактически в нем нашли отражение все присутствующие в правящей коалиции позиции. Во-первых, был сделан реверанс в сторону религиозных партий: Иерусалим должен оставаться единой столицей «еврейского государства» Израиль. Во-вторых, было одобрено естественное расширение существующих колоний-поселений, являющихся электоральной базой «Ликуд» и «Израиль Бейтену». В-третьих, для поощрения левого крыла правительства был выдвинут лозунг «демилитаризованного палестинского государства». Кроме того, он поставил перед палестинцами «заранее невыполнимые условия»³.

Противостояние с врагом является единственным вариантом сохранения вместе столь разнородных сил.

Конфликтная линия правительства Нетаньяху также обречена лишь на временную поддержку израильского избирателя. Во-первых, она не решает проблему безопасности Израиля, в том числе из-за последующей радикализации противника и ухудшения региональной ситуации для Израиля. В Ливане в случае конфликта позиции «Хизбаллы» и ее союзников могут значительно усилиться. Египетский режим, главный на сегодняшний день региональный союзник Тель-Авива, крайне нестабилен. Продолжающееся давление на палестинцев может привести к его еще большей дестабилизации с непредсказуемыми для Израиля последствиями: от перекрытия газопровода в Израиль до смены режима в Египте.

Во-вторых, политика израильского правительства может привести к усилению конфронтации с Вашингтоном. Дело в том что новая американская администрация пытается улучшить свой имидж в мусульманском мире, что мало сопоставимо с поддержкой конфронтационной политики Тель-Авива. Подобная политика может быть воспринята как полный саботаж поддержанной европейскими и арабскими союз-

² www.jpost.com/servlet/Satellite?pagename=JPost/JPArticle/ShowFull&cid=1244371096849

³ Not quite as gloomy as they look. The Economist, 1.09.2009.

никами США линии президента Обамы. В этом плане показательно, что на встрече в Вашингтоне Нетаньяху и Обама разошлись в оценках приоритетности в подходах к ближневосточным проблемам. С израильской точки зрения, сначала необходимо решить проблему Ирана, а затем заниматься арабо-израильским урегулированием. Для американской стороны прогресс в палестино-израильских переговорах является ключом к решению других ближневосточных проблем, включая ядерную программу Тегерана.

Политика правительства Нетаньяху потенциально может привести к двум вариантам развития событий. Первый вариант предполагает, что Тель-Авив на фоне ухудшения ситуации с безопасностью и международной поддержкой (в том числе в рамках обсуждения и возможных международно-правовых последствий доклада Голдстоуна) окажется в изоляции. Это может привести не только к смене электорального тренда в Израиле, но и к смене под нажимом Вашингтона внешнеполитической стратегии Тель-Авива. Речь идет о возможности преодоления табу на взаимодействие с неудобным режимом в Палестине в лице ХАМАС и о достижении долгосрочного компромисса.

Угроза изоляции Тель-Авива постепенно усиливается. Прежде всего это связано с крайне радикальным составом израильского правительства. Так, лидер «Ликуд» Нетаньяху во время визита в Вашингтон заявил о возможности применения любых мер в отношении Ирана «в целях самозащиты» и фактически заявил о продолжении строительства колоний-поселений на Западном Берегу. При этом его часто связывают с американскими «неоконами», что в определенной степени отталкивает от него даже часть произраильской элиты в США. Партия министра иностранных дел Либермана «Израиль Бейтену» выступила инициатором ряда законопроектов, направленных против арабских граждан Израиля. А его попытки «использовать русскую карту», в том числе в рамках военного сотрудничества с Москвой, могут вызвать негативную реакцию Вашингтона. В коалиционном правительстве представлены ультрарелигиозные партии, взгляды которых, по аналогии с «теократическим режимом в Иране», не могут вызывать восторга в американском истеблишменте. Кроме того, такая разнородность в израильской элите не позволяет эффективно мобилизовать лобби в США.

Во многом позиция администрации Обамы, взявшего курс на стабилизацию Большого Ближнего Востока, связана с опасным наследством, доставшимся от президента Буша. Во-первых, это два основных неразрешенных конфликта (Афганистан и Ирак), в которых США участвуют непосредственно. Во-вторых, фактическая гражданская война в стратегически значимых странах: Пакистан (ядерное оружие, граница с Афганистаном), Сомали (проливы), Судан (природные ресурсы). В-третьих, усиливающаяся нестабильность ключевых союзников

Вашингтона. В связи с сокращением нефтяных доходов и изменениями в системе наследования власти усиливается внутридинастическая напряженность в Саудовской Аравии. В Египте режим также крайне нестабилен: Хосни Мубарак — восьмидесять один, Омару Сулейману (главе спецслужб) — семьдесят три, а потенциальный приемник Гамаль Мубарак не пользуется авторитетом своего отца в армейском истеблишменте. При этом социальная напряженность на фоне экономического кризиса и отмены социальных льгот резко усиливается: 2008 год был рекордным по количеству «хлебных бунтов» и профсоюзных выступлений. В этой ситуации администрация Обамы не заинтересована в дополнительной, связанной с действиями Израиля дестабилизации, способной спровоцировать эффект домино.

Второй вариант предполагает резкую эскалацию конфликтной ситуации на Ближнем Востоке и повышение непосредственных угроз для Израиля. В этом случае дополнительное усиление правого тренда является вполне логичным. Одновременно для реализации этого варианта необходимо, чтобы администрация Обамы оставила попытки стабилизировать Большой Ближний Восток и полностью поддержала позицию Израиля. В рамках этой стратегии вполне вписывается дальнейшая поддержка Махмуда Аббаса со ставкой на его команду на предстоящих в начале 2010 года выборах. Результатом этого шага может быть проведение «Осло-2» до новых президентских выборов в США. То есть, будет реализован в той или иной форме проект Ольмерта–Ливни. Соответственно, развитие ситуации в этом направлении позволяет даже в условиях нерешенной ситуации в Афганистане, Ираке и Пакистане, а также отсутствия ясности в отношении Ирана добиться «пропагандистской победы» на Ближнем Востоке. Кроме того, это позволит консолидировать отношения между администрацией Обамы и произраильским лобби. Однако стратегически геополитическая ситуация в результате может только ухудшиться: это связано с дальнейшей «соматизацией» и «пакистанизацией» ситуации на Ближнем Востоке и резким усилением позиций радикалов. В этом плане недавний конфликт в Газе между ХАМАС и местной «Аль-Каидой» демонстрирует опасность дальнейшей радикализации в регионе.

Особенность ситуации в том, что у многих вовлеченных в конфликт сторон нет единого мнения о предпочтительности того или иного хода событий. Палестинцы, казалось бы, должны быть заинтересованы в создании собственного полноценного государства. На поверку же оказывается, что определенная часть проживающих в Израиле или работающих там арабов готовы скорее вести борьбу за собственные права в рамках большого израильского государства, нежели менять место жительства, гражданство, привычный образ жизни и начинать строительство нового государства.

Дополнительную сложность привносят позиции арабских стран и Ирана. Так, Иордания и Египет, несмотря на пропалестинскую риторику

рику, в случае неудачи становления палестинского государства совершенно не готовы ни заявлять претензии на территориальное приращение палестинских земель (что чревато очередным прямым военным столкновением с Израилем и ухудшением внутривосточной ситуации при попытках «абсорбировать» палестинцев), ни решать возможную проблему беженцев. Саудовская Аравия разрывается между необходимостью поддерживать имидж защитника мусульман и опасениями о возможности «экспорта» хамасовской модели политического устройства в монархии Персидского залива.

Очевидно, именно последним опасением был обусловлен раскол основных заинтересованных арабских стран по вопросу немедленной помощи ХАМАС: Сирия и Катар при поддержке Ирана⁴ требовали созвать экстренное заседание Лиги арабских государств для выработки совместных действий поддержки, Саудовская Аравия и Египет эту инициативу всячески блокировали, призывая дипломатическими методами добиваться прекращения огня.

После новых выборов в Израиле Вашингтон может добиться достижения реального компромисса между Тель-Авивом и палестинской стороной. Именно этот сценарий является наиболее популярным среди определенной части авторитетных изданий (*Financial Times*, *The Economist*) и представителей истеблишмента (Брент Скоукрофт, Збигнев Бжезинский). Один из них определил это следующим образом: Израилу надо помочь, даже против его воли.

Проблема произраильского лобби является одним из наиболее существенных препятствий для ближневосточной политики Вашингтона. Во многом с этим связана осторожность Обамы на ближневосточном направлении. Слишком большое давление на израильское правительство в настоящий момент может привести к мобилизации соответствующего лобби. В этом плане показательно, что иных шагов кроме консультаций и акций, направленных на улучшение американского имиджа с перспективой будущих переговоров (Каирская речь), административная Обамы не предпринимает. Ресурс времени и популярности это позволяет: до выборов в Конгресс, в ходе которых значение лобби серьезно возрастет, остается больше года, а республиканцы пребывают в деморализованном состоянии⁵.

Эффективность инициатив и конкретных шагов Москвы на нынешнем этапе палестино-израильского урегулирования будет во многом определять ее будущую роль в регионе и статус в мировой дипломатии. У России в этом контексте еще есть определенные преимущества, в

⁴ Неформальный союз Сирия–Катар–Иран сформировался еще в 2006 году во время войны Израиля и движения «Хезболла» на территории Ливана для поддержки «Хезболлы». Теперь этот альянс поддерживает также ХАМАС, и всячески пытается привлечь на свою сторону Турцию.

⁵ *The Young Guns go for it. The Economist. July 25, 2009, P. 38.*

частности, наработанные (аналогично Турции) позитивные каналы связи со всеми, даже наиболее враждующими игроками. От того, сможет ли Москва правильно оценить изменения в регионе и предложить свой большой проект окончательного урегулирования палестинского вопроса, зависят перспективы ее возвращения на Ближний Восток.

Правда, сама возможность такого возвращения, в первую очередь, будет определяться способностью российской политической элиты критически переоценить действительные результаты внешней политики за последние годы и ее (и в первую очередь — собственно дипломатического корпуса) готовностью к переходу от устоявшихся принципов и мифологем к пусть нетривиальным, но действенным предложениям и концепциям.

Российская внешняя политика вплоть до сего момента, к сожалению, остается в целом реагентной и не отличается особой внятностью и последовательностью. В условиях постоянно навязываемой внешнеполитической проблематики Россия не успевает выработать сколько-нибудь вразумительную и «долгоиграющую» внешнеполитическую стратегию, внятно артикулировать свои национальные интересы и последовательно их продвигать и отстаивать. Вместо этого — череда локальных громких заявлений, иногда даже смелых и решительных действий, возможность эффектного и эффективного развития которых в перспективе зачастую оказывается, мягко говоря, проблематичной.

Кроме того, российская дипломатия, к сожалению, так и не научилась «сопрягать» собственную деятельность с экономическими интересами ни частных, ни собственно государственных компаний. Все это справедливо как для ситуации в целом, так и для ближневосточного направления российской внешней политики.

Очевидный пример упущенных возможностей — недавний вооруженный конфликт Израиля и Ливана. Насколько мощным был положительный общественный резонанс от направления в разрушенные регионы Ливана российских саперного и мостостроительного подразделений, настолько же печальным оказалось последующее неучастие российских компаний в подрядах по восстановлению разрушенной инфраструктуры и строительству жилых и общественных объектов.

Возможно, в этом виноваты и сами российские коммерческие и государственные структуры, не проявившие должной заинтересованности. Но факт остается фактом: в подавляющем большинстве случаев редкие сами по себе успехи нашей дипломатии никак не трансформируются в успехи экономические. И тут вопрос не в том, что «высокая политика» не должна привязываться к сиюминутным экономическим интересам. Скорее, стоит говорить о том, что без развивающегося экономического сотрудничества страны-объекты нашей внешней политики и партнеры могут сохранять сколь угодно большую свободу «мнений и интерпретаций».

Что же можно предпринять?

Как уже было показано выше, палестинский вопрос и — шире — арабо-израильский конфликт характеризуется двумя особенностями: обнаружением его предпосылок и последствий порой довольно далеко от непосредственной арены столкновений и малоизученным еще отсутствием заинтересованности всех участвующих или вовлеченных в него сторон в его окончательном урегулировании.

У России здесь есть определенное «исходное» преимущество — она свободна от четких сковывающих обязательств перед какой-либо из непосредственных сторон конфликта, а ее заинтересованность в его продолжении либо относительно мала, либо вообще неочевидна.

Подобное положение дел все еще предоставляет нам шанс действительно эффективной деятельности по урегулированию конфликта. Представляется, что российская политика по вопросу урегулирования арабо-израильского конфликта могла бы строиться по двум основным направлениям.

Первое — предложение принципиально новой инициативы по урегулированию. В качестве своеобразной прелюдии к такой инициативе Россия могла бы попытаться выступить гарантом и координатором внутripалестинского политического замирения и выстраивания действенной двухпартийной системы. Вспомним, что и Махмуд Аббас и руководство ХАМАС первые свои визиты после выигрыша соответствующих выборов совершили именно в Москву. Да, тогда визит, например ХАМАС, вписывался в логику демонстративной конфронтационности, характерной для определенного момента российско-американских отношений. Но ведь одновременно эти визиты показали, что оба наиболее влиятельных крыла палестинского политического истеблишмента видят в России незаинтересованного объективного арбитра их противоречий. Если в таких условиях России удастся наладить продуктивный диалог между «аббасовцами» и хамасовцами, результатом которого стало бы сближение позиций сторон по внешней конфликтной проблематике и нормальная политическая конкуренция программ развития палестинского общества, к ее последующим инициативам другие участники ближневосточного урегулирования, очевидно, начали бы относиться с большим вниманием.

Здесь полагаем уместным обратить внимание на еще одну нередко проявляющуюся особенность российской дипломатии — она не вариативна. В тех редких случаях, когда удастся инициативно предложить решение серьезной международной или двусторонней проблемы, если такое решение в силу каких-либо обстоятельств отвергается, Россия, как правило, на определенный период «замирает». Это свидетельствует об отсутствии проработанных запасных вариантов. У основных же, более удачливых контрагентов, как правило, всегда есть несколько вариантов дальнейшего развития событий, что позволяет им довольно

оперативно «перестраиваться» на ходу и в конечном счете добиваться своих целей, пусть и в несколько измененном виде.

Представляется, что участие в арабо-израильском урегулировании может предоставить российской дипломатии неплохой шанс поучиться такой многоплановой игре. Стоит отметить, что у России, за исключением обозначенного выше доверия палестинцев, нет действительно мощных и сильных рычагов, с помощью которых она могла бы транслировать свою волю участникам конфликта и вести урегулирование в выгодных и приемлемых для нее рамках. Да и, по большому счету, у нас нет обоснованных предпочтений конфигураций мирного процесса. В такой ситуации просто необходимо быть готовым вести сразу несколько партий.

Поэтому вторым направлением российской политики в отношении арабо-израильского урегулирования может стать масштабная экономическая экспансия в регион и, в первую очередь, в палестинские территории. Участие в строительстве инфраструктурных и гражданских объектов, создании основ промышленной базы, сотрудничество в области здравоохранения и образования, с одной стороны, может помочь становлению палестинской государственности, а с другой — сформировать плацдарм дальнейшего развития российского бизнеса в регионе.

Казалось бы, серьезный экономический кризис — не самое удачное время для подобных экспансионистских устремлений, ведь понятно же, что у властей Палестинской автономии нет необходимых финансовых ресурсов на оплату масштабной программы развития. Но в создавшихся условиях речь и не идет об очередной порции безвозмездной помощи.

Во-первых, есть официальная международная помощь, в которой Россия также принимает участие просто как финансовый донор — так ведь значительно лучше участвовать поставками своих товаров и выполнением работ/услуг, нежели просто выделять очередной транш.

Во-вторых, все дело в подходе и методах реализации. Ведь внешнеполитическая стратегия не должна быть некоей абстракцией, но служить реализации долгосрочных интересов страны.

Конечно, если просто выделять деньги на строительство, на котором будет задействована зарубежная техника или оснащать государственные учреждения информационным оборудованием азиатского или европейского производства, то такое участие в развитии региона ничего, кроме устало раздраженных вопросов внутри России и спокойной благодарности получателей, не даст. Но если подряды на поставку машин и оборудования гарантированно отдавать российским производителям, подряды — отечественным компаниями или совместным российско-арабским и даже российско-израильским предприятиям, то даже определенное софинансирование такой деятельности из российского бюджета или бюджетов уполномоченных компаний будет опра-

вданным. Ведь тем самым создается будущий спрос на продукцию наших предприятий, и регион в известной степени «привязывается» к российскому бизнесу — технологически, управленчески, человечески наконец.

Помимо этого, до сих пор незадействованным остается потенциал сотрудничества с финансовыми институтами арабских стран Персидского залива. Идут постоянные заверения во взаимной заинтересованности в такого рода сотрудничестве, периодически появляются объявления о создании того или иного двустороннего банка⁶. Но о реальных проектах широкой общественности известно мало. Возможно, участники таких создаваемых двусторонних финансовых институтов опасаются проникновения коллег на контролируемые ими «исходные» рынки, возможно, эффективной работе мешает что-то еще. Но ведь в таких условиях финансирование работ и проектов в третьих странах с максимальным вовлечением компаний-исполнителей из стран-соучредителей просто напрашивается само собой!

Можно и нужно продумать варианты подключения к такой экономической помощи стран-партнеров по СНГ и/или ШОС. В первом случае Россия сможет предоставить предприятиям стран ближнего зарубежья дополнительные рынки сбыта их продукции и услуг, тем самым показав действенную заботу о поддержании реального сектора участников содружества — заботу, не ущемляющую интересов собственно российского бизнеса, но придающую дополнительный экономический смысл существованию самого СНГ. В случае с ШОС появляется реальная возможность продемонстрировать, что это не только стратегическая военно-политическая конфигурация, но и эффективная экономическая международная структура, обладающая доброй волей к решению серьезных конфликтов на периферии собственных границ. В результате, каким бы не было конечное разрешение давнего конфликта, появится шанс, что многие его прямые и косвенные участники по-другому начнут оценивать роль и возможности России.

⁶ Например, www.tpprf.ru/ru/main/committee/komener/prot1/ или www.russarab-bc.ru/about/news/detail.php?ID=15171

Георгий МИРСКИЙ

ИЗРАИЛЬСКО-ПАЛЕСТИНСКИЙ УЗЕЛ БОЛЬШОГО БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

Термин «Большой Ближний Восток», видимо, уже прочно вошел в мировой политический лексикон. Более того, он с каждым годом приобретает все большее значение, причем с тревожным оттенком. Действительно, именно на этом обширном пространстве от Северной Африки до Индии находятся наиболее опасные «горячие точки» мировой политики, отсюда исходит опасность широкомасштабных международных конфликтов.

Сейчас самый длительный конфликт в этом регионе — арабо-израильский, в основе которого лежит судьба Палестины. Прошло 60 лет, но так и не претворилась в жизнь принятая в 1947 году резолюция Генеральной Ассамблеи ООН о создании двух государств — еврейского и арабского. Существует только первое из них, а до создания второго так же далеко, как и прежде. Рассуждая «задним числом», легко признать, что с обеих сторон за все эти десятилетия было допущено множество ошибок, политика как арабов, так и израильтян, в ретроспективе выглядит невероятно близорукой.

Главный упрек, который обычно делают арабским политикам, состоит в том, что они, во-первых, не признали решение ООН и вместо этого начали войну с только что образовавшимся Израилем, которую проиграли, и во-вторых, после еще одной проигранной войны в 1967 году вместо переговоров провозгласили: «нет» переговорам с Израилем, «нет» миру с Израилем, «нет» признанию Израиля. Если обратиться к ошибкам другой стороны, то сразу можно отметить, пожалуй, главную из них, поистине роковую: решение о строительстве еврейских поселений на оккупированном Западном берегу, причем ответственность за это ложится как на израильских правых, так и на левых. Светские и религиозные сионисты соперничали друг с другом в поощрении иммиграции евреев как из СНГ, так и из США, именно на Западный берег, как бы стремясь поставить арабов перед необратимым фактом утверждения на их земле форпостов «еврейского присутствия». Вопиющая близорукость израильского руководства привела к тому, что оно само

себе поставило барьер на пути создания палестинского государства, без чего — и это сейчас ясно почти для всех — мира быть не может, конфликт будет тлеть бесконечно.

Крупной ошибкой Израиля следует считать создание на Западном берегу такой системы пропускных пунктов, которые делают жизнь палестинцев невыносимой. Почти 600 израильских блокпостов и барьеров существуют на этой территории. Люди не могут нормально передвигаться из одного населенного пункта в другой.

Еще одна грубая ошибка израильских властей связана с их поведением по отношению к сектору Газа после того, как там власть в 2006 году захватил ХАМАС. Было решено проводить политику противопоставления Западного берега Газе. Газу намеревались подвергнуть блокаде в расчете на то, что население, доведенное до отчаяния своим бедственным положением, взбунтуется против ХАМАС. Ничего из этого не получилось. Люди страдали, но проклинали не ХАМАС, а Израиль и Америку. А жители Западного берега, даже если им стало жить лучше, чем прежде, все равно не могут быть безразличны к бедствиям своих братьев в Газе. Никакой благодарности Израилю они не проявляют, да и авторитет Махмуда Аббаса, главы Палестинской администрации и лидера ФАТХ, отнюдь не вырос, скорее наоборот. В свою очередь и ХАМАС совершил тяжелейшую ошибку, спровоцировав своими ракетными обстрелами израильских городов ужасающий вооруженный удар со стороны Израиля.

Реально противоположные интересы сторон в принципе можно было бы удовлетворить, хотя бы частично, при наличии доброй воли, взаимопонимания и готовности идти на уступки, без которых невозможен компромисс, а иначе как компромиссным путем, идею «двух государств» воплотить в жизнь нельзя.

Иерусалим, например, разделить трудно, но возможно. Для этого крошечный кусок земли, Храмовую Гору, можно поставить под совместное управление или же устроить дело таким образом, что святыне места каждой из сторон окажутся под юрисдикцией соответственно иудеев и мусульман, пусть даже их разделяет всего несколько сот метров. Можно решить и проблему еврейских поселений на Западном берегу: преобладающую часть из них демонтировать (слобив отчаянное сопротивление поселенцев — задача труднейшая, но не непреодолимая), а те, которые примыкают к Иерусалиму и представляют собой уже большие еврейские города, включить в состав Израиля, отдав взамен палестинцам часть нынешней израильской территории. Так будет установлена граница: возвращение, хотя и не в буквальном смысле слова, к линиям разграничения, существовавшим до июня 1967 года. И даже труднейшую из всех, головоломную проблему возвращения палестинских беженцев, нельзя считать абсолютно неразрешимой; разумеется, ни одно израильское правительство никогда не согласится

впустить их на свою землю — ведь учитывая разницу в темпах прироста населения, ему пришлось бы смириться с тем, что уже через несколько лет еврейское государство станет арабско — еврейским. Но значительная часть беженцев смогла бы приехать в палестинское государство, даже если их родители были родом из тех мест, которые стали Израилем, другая часть удовлетворилась бы денежной компенсацией.

Но дело в том, что одна из сторон конфликта считает уступки, на которые готовы были бы пойти ее лидеры, чрезмерными, а другая сторона — недостаточными. Палестинцы не желают понимать, что правительство Израиля не может идти напролом против общественного мнения, утратившего всякое доверие к арабам, и тем более им совершенно неважно, что слишком большие уступки с учетом особенностей политической системы Израиля неизбежно приведут к падению конкретной правительственной коалиции. Какое им дело до политических раскладок во враждебном государстве? А израильтяне упорствуют в слепом заблуждении, заключающемся в том, что «арабы понимают только силу и что спасение еврейского государства лишь в том, чтобы быть как можно более жестким и «крутым». Израильтянам не хватает понимания того, какое огромное значение для арабов имеет их достоинство, насколько невозможно им выглядеть в своих и чужих глазах проигравшими и опозоренными неудачниками.

Психологический барьер огромен. Некоторые полагают, что тут дело в несовместимости цивилизаций, в противоположности менталитетов, другие видят главное зло в накопившемся недоверии, когда одна сторона априори убеждена в том, что другая только и думает, как бы ее обмануть, переиграть. Так или иначе, беда в том, что уже дети воспитываются в духе ненависти и презрения к «вечному врагу». Арабы сам факт образования Израиля называют «накба», катастрофа, а евреи не сомневаются, что любая уступка палестинцам лишь разожжет их аппетит, что арабы никогда не откажутся от конечной цели — уничтожения Израиля. «Уйдешь на границы 1967 года — рано или поздно потребуют вернуться к границам 1947 года». «Ушли из южного Ливана — получили «Хизболлу» с ракетами, ушли из Газы — получили ХАМАС с ракетами. Так уж лучше держаться, ничего больше не отдавать. А то, что весь мир нас осуждает — так евреям не привыкать, такова наша судьба на протяжении тысячелетий». С таким настроением трудно ожидать готовности идти на компромиссы...

Корни близорукой и контрпродуктивной политики Израиля по отношению к арабам лежат еще в первоначальных представлениях первых поколений иммигрантов. Достаточно вспомнить лозунг «Дать народу без земли землю без народа», равносильный отрицанию самого существования палестинского арабского народа; убежденность в том, что Бог дал евреям право создать Великий Израиль на земле всей Палестины; распространенное среди многих израильтян пренебрежитель-

ное, презрительное отношение к арабам вообще как к чуть ли не дикарям и т.д. А с другой, арабской стороны, — полное игнорирование или даже отрицание факта проживания евреев в Палестине в древности; отношение к евреям как к незаконным пришельцам, внедренным в арабский мир Америкой, которая создала Израиль как свое орудие для борьбы с исламом; культивирование ненависти и отвращения к евреям, доходящее до того, что лидер крупнейшей ливанской шиитской партии Хизбалла шейх Насрулла позволяет себе на митинге отзываться о евреях как о «потомках свиней и обезьян», и пр.

Отметим и внешние факторы. США в период «холодной войны» сделали Израиль своим союзником в борьбе против левых, просоветских сил. Израильские лидеры воспользовались этим, полагая, что тем самым у них есть свобода рук по отношению к арабам — ведь для американцев наличие стратегического союзника важнее, чем судьба каких-то палестинцев, Америка всегда будет на стороне Израиля. Сейчас это все позади, но вырисовывается новая конфронтация: США противостоят Ирану и поддерживаемым им радикальным организациям «Хизболла» и ХАМАС, и при этом новом раскладе сил в регионе ХАМАС оказывается в иранском лагере, а ФАТХ, побитый и униженный исламистами, — в одном лагере с Америкой и Израилем. Палестинцы расколоты и парализованы, и у израильских лидеров вновь возникла надежда на то, что точно так же, как Израиль был нужен американцам для противостояния СССР и его союзникам, теперь он необходим Вашингтону для отпора «иранской экспансии», и США волей-неволей будут его поддерживать, а следовательно, нет нужды форсировать процесс создания палестинского государства.

Наконец, еще один важный момент. На первом этапе существования Израиля сионизм был по преимуществу светским движением, и ему противостояло тоже в основном секулярное движение арабских националистов во главе с Арафатом. Теперь все не так. В Израиле набирает силу религиозный компонент сионизма, а среди палестинцев растет влияние ХАМАСа, исламистского движения, принципиально отрицающего возможность существования еврейского государства, исходя из религиозных установок. Таким образом, в обоих лагерях стал доминировать религиозный элемент, что делает сближение их позиций в высшей степени затруднительным, если вообще возможным. Когда израильтяне слышат, что ХАМАС не имеет ни малейшего намерения отказаться от идеи создания единой арабской исламской Палестины, причем евреям будет предложено «возвращаться в Германию или куда-нибудь еще», нет ничего удивительного в том, что среди них крепнет убеждение в необходимости «стоять насмерть», и концепция «земля в обмен на мир» объявляется устаревшей.

Так что же — полный тупик? Сегодня это выглядит именно так. Но каковы же в таком случае перспективы? Продолжение фактической

оккупации Западного берега грозит Израилю большими бедами: периодические вспышки вооруженных выступлений, возобновление акций террористов-смертников, наращивание мощи и технических средств военизированных радикальных организаций, способных в принципе обстреливать израильские города ракетами все большей дальности, акты насилия по отношению к евреям в различных странах и т.д.

Напрашивается единственный выход — поиски решения на базе все той же, давно известной концепции двух государств. Банально? Но ничего другого не придумаешь, как ни ломай голову.

Сейчас обстановка ухудшилась вследствие того, что на выборах в начале 2009 г. в Израиле пришло к власти самое правое правительство за двадцать лет. Премьер-министр Биньямин Нетаньяху и, в еще большей степени, его министр иностранных дел Авигдор Либерман, судя по их словам, вообще против создания палестинского государства. Максимум, на что Нетаньяху смог пойти под давлением Барака Обамы, — это образование полностью демилитаризованного государства на палестинской земле, причем при условии сохранения там еврейских поселений, в которых сейчас живет уже около 300 тыс. человек. При этом израильский премьер, не побоявшись вступить практически в конфликт с Обамой, дает зеленый свет строительству новых домов в уже существующих поселениях. Ясно, что ни Махмуд Аббас, ни любой другой палестинский политик на такие условия урегулирования конфликта пойти не сможет. Израильское правительство это понимает, но создается впечатление, что ему это безразлично, ведь оно по-прежнему может ссылаться на то, что разговаривать-то, по существу, не с кем, у палестинцев нет единого руководства. И в самом деле, палестинские политики верны себе: даже в такой ответственный момент они не в состоянии уладить свои разногласия и договориться между собой. Похоже, что непосредственным, наиболее опасным врагом для ФАТХа является не Израиль, а ХАМАС, и наоборот. В таких условиях израильское руководство, действительно, может себе позволить не спешить, тем более, что Нетаньяху достаточно успешно переключил внимание Обамы на иранскую проблему (и иранские лидеры ему в этом помогают).

Короче говоря, перспективы урегулирования конфликта выглядят в настоящее время малореальными.

Арне ЗАЙФЕРТ (Германия)

ДИАЛОГ С ИСЛАМСКИМ МИРОМ КАК ЭЛЕМЕНТ ЕВРОСТРАТЕГИИ*

Россия располагает большим потенциалом для коренного обновления отношений с Востоком, в частности, с государствами Ближнего и Среднего Востока. Частично она этот потенциал использует. Однако, по мнению известного немецкого исследователя Арне Зайферта, ни в России, ни в Германии, ни в Евросоюзе недостаточно далеко отвечают на вопрос: «В каком направлении искать и выработать совместную стратегическую перспективу?»

Если Европа и Россия действительно хотят стать глобальными игроками (до определенной степени они таковыми уже являются), то им надо, так сказать, отрешиться от гегемонии США и обратить взоры на совместный Евразийский континент с его огромным потенциалом — экономическим, политическим и культурным, что само по себе может стать основой новой евростратегии.

Тот факт, что в Европе живут около 13 млн. мусульман, вместе с другими не менее важными факторами меняет параметры взаимоотношений между Европой и нашими южными соседями.

Государства этого региона перестали быть, как в колониальный период, периферией Европы. Мы с ними взаимосвязаны. К сожалению, эта геополитическая трансформация в политике не всегда и в недостаточной степени учитывается.

Поэтому группа немецких дипломатов выступает за переоценку основ евро-ближневосточных отношений на демократических основах, на базе сотрудничества и принципов мирного сосуществования, которые Запад сам выработал на конференции в Хельсинки и подписал их.

Ислам становится неотъемлемой частью политических систем огромного геополитического пространства от Багдада до Равалпинди, геостратегическое и геоэкономическое значение которого трудно переоценить. Однако политические изменения, связанные с усилением

* Публикация подготовлена на основе тезисов доклада А.Зайферта, представленного представителю ИСОА Р.Агаеву (2009 год).

ем исламского движения, встречает неприятие, непонимание во вне этого мира, сталкивается с предубеждениями и внутри его. Данное глубокое международное явление, объективное в основе своем и противоречивое в силу широкого спектра внутренних и внешних обстоятельств, может обрести вообще крайне болезненный характер, со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями — как для самих мусульманских стран, так и ЕС с Россией, если не найти способов гармонизации отношений между двумя важнейшими тенденциями — светскостью и исламской традицией. Этот вопрос ныне со всей очевидностью актуализировался не только в Турции, но и практически во всех странах Центральной Азии, на Кавказе, в Азербайджане.

Процесс трансформации и формирования независимых государств на постсоветском пространстве охватывает достаточно длительный промежуток времени — около двух десятков лет. Как следствие в государственничестве и новом образе жизни стран ряда регионов, например, Центральной Азии, Кавказа (сюда можно было бы отнести с известными оговорками и поволжские автономии), все явственней проступают специфическое цивилизаторское, культурное и религиозное лицо каждой из них. С одной стороны, в некоторых государствах около 60% населения признают ислам своей религией, мусульманский характер и ислам, таким образом, приобретают растущий вес.

С другой стороны, все молодые государства провозгласили себя светскими, выражая тем самым факт, что секуляризм получил в советский период довольно широкое признание и влияние в обществе. Никто не спорит с тем, что эти две определяющие общественно-политические величины — государство и религия — должны находиться в гармоничном взаимоотношении. От этого зависят мирное протекание внутренних процессов развития, стабильность целых регионов.

Проблема заключается в том, как гармонизировать светско-исламские взаимоотношения, с помощью каких принципов решить эту непростую задачу в политической практике.

Наиболее оптимальным способом представляется концепция установления диалога. Процесс укрепления доверия нужно начать с принятия евроазиатского кодекса поведения. В связи с этим возникает необходимость в разработке неких взаимных гарантий со стороны исламских сил и светских режимов. Исламские представители должны гарантировать, прежде всего, сохранность светского характера государства и его конституции, свое участие в процессе демократизации обществ. Это позволило бы прийти к согласию о совместной ответственности за общественный прогресс. В свою очередь светское правительство должно гарантировать свободу вероисповедания и религиозного выражения, а также демократию и верховенство закона. От светских властей требуются также гарантии по нейтрализации радикалистских поползновений.

Европа может предложить свой перечень гарантий, как демократическим силам, так и исламистам. Я постараюсь тезисно изложить суть подхода сторонников немецкой инициативы к данной проблеме. Мы исходим из того что, по сравнению с бывшим статусом советской союзной республики, нынешние обстоятельства развития самостоятельного национального государства коренным образом меняют параметры понимания взаимоотношений государства и религии. Сегодня, с одной стороны, Ислам, будучи религией большинства граждан государства, является органической составляющей общества и национальной культуры и имеет реальное влияние на общественно-политические процессы. С другой — государство, точнее, государственная власть, не может отделить от религии своих граждан.

Из этой взаимообусловленности вытекает, что конструктивные взаимоотношения, взаимопонимание и даже взаимоуступки правящих кругов, власти и религиозных деятелей являются важными факторами внутренней стабильности государства и общества.

Отсюда и вывод, что абсолютное отделение религии от государства невозможно, да и нецелесообразно.

Более того, требование отделения религии от государства не соответствует настоящему историческому пониманию секуляризма, его становлению в Европе, колыбели секуляризма. Парадигма европейского секуляризма — это не отделение религии от государства, а отделение церкви от государства. Точнее — от государственной власти.

Одна сложность, с которой сталкивается гармонизация светско-исламского взаимоотношения, связана с тем, что в исламе нет церкви. Следовательно, светской государственной власти и представителям ислама нужно развивать такую концепцию политики в области религии, которая учитывает эту специфику.

Разработать такую концепцию нужно совместно. Что не просто, если учесть переходное состояние, в котором находятся государственные концепции секуляризма и ислама в некоторых молодых государствах на постсоветском пространстве. Эти концепции находятся в таком же переходном состоянии, как и объективные процессы трансформации общественных систем и формирования самого государства. Ни одна из сторон пока не внесла достаточной ясности в свои позиции.

Например, для некоторых представителей политического ислама в Таджикистане оказывается неприемлемым такое понимание светского характера государства, которое исходит именно из отделения религии от государства. По их мнению, подобное понимание придает государству «антиисламский» характер.

С другой стороны, пока еще в ходу интерпретации светского характера государства близкие к советским, когда религия не воспринимается как коренной элемент цивилизации, а предстает в качестве определенной политической величины, которую власть имущие

в интересах решения вопроса «кто кого» предполагают контролировать сверху.

Однако не следует забывать, что такое понимание миссии религии (оно имело место в большинстве государств мира столетиями и имеет место сегодня) разрушает естественное и органичное развитие государства, общества и религии.

Оно не оставляет места для сотрудничества и сосуществования, как это потребуется в условиях совместного государства.

Поэтому полагаю, что практическое воплощение приемлемого соотношения светской власти и религии и наоборот явится настоящим прорывом — и интеллектуально-теоретическим и политическим.

Второй тезис состоит в том, что политизация «исламского фактора» в переходных условиях общественной трансформации представляется неизбежностью.

Такое предположение исходит из того, что существует теснейшая связь между трансформацией и формированием государственных систем.

Оба процесса происходят одновременно и параллельно и чреваты сложностями. В результате, общественно-политическое напряжение становится неизбежным, что приводит и к политизации религиозной сферы.

Логика тут проста: если политизируется общественная сфера, политизируется и сознание населения. А если его сознание связано с религией и если эта религия ислам, тогда логично, что политизируется и мусульманская масса, какой бы этнос он не представлял.

Какие обстоятельства стимулируют политизацию?

Во-первых, поиск идентичности в молодых государствах невозможно отделить от ислама, учитывая тот факт, что большинство граждан являются мусульманами. Т.е. в условиях ретрадиционализации общества возрастает и реисламизация.

Во-вторых, противоречия между политикой и религией, которые существуют в любом государстве, в основном, принимают форму конфликта между светским правительством и политическими представителями ислама.

В-третьих, недовольство населения, вызванное ухудшением социального положения, а нередко и политическими репрессиями, уже сегодня используется радикальными исламистскими движениями, цель которых смена светского режима на исламское государство.

Далее. Если мы считаем, что в силу сложности происходящих процессов политизация неизбежна, тогда мы можем считать ее нормальным явлением.

Однако проблема осложняется, когда политизация перерастает в радикализацию ислама. Это качественно иное состояние.

Как показывает опыт, радикализация — это не абстрактный процесс, а практическая реализация идей, которые овладевают конкретными личностями.

Здесь, на мой взгляд, вопрос о религиозных, культурных и политических традициях, равно как о перспективах и месте ислама и исламских политиков в их собственном «национальном доме», играет ключевую роль. От решения этого вопроса зависит и то, каким должно быть государство — светским или исламским. Пока исламисты придерживаются национальной позиции, они не соскользнут на экстремистские, панисламистские позиции, опасность которых состоит в том, что они открывают окно чуждым для региона радикальным трактовкам ислама.

Следовательно, проводимая политика должна ориентироваться на то, чтобы исламские партии и деятели придерживались национальных позиций. Поэтому вопрос о роли и перспективах исламских элит в процессе формирования национальной государственности имеет особое значение.

В связи с этим рассмотрим третий и последний тезис — к созданию таких основ взаимоотношений между светским государством и представителями религии, которые обеспечили бы их мирное сосуществование и сотрудничество. При этом надо иметь в виду, что, как правило, существует недоверие относительно взаимных стратегических намерений сторон. Светская власть опасается, что в случае прихода к власти парламентским или другим путем, исламская сторона начнет создавать теократическое государство. И наоборот, исламисты упрекают светскую сторону в том, что она не в недостаточной степени объяснила свое понимание секуляризма и светского характера государства в смысле гарантирования им равноправного места в процессах формирования совместного национального государства.

Обе позиции связаны с двумя взаимообусловленными проблемами: согласования места и роли ислама в государстве и обществе и модернизации концепции светского государства в смысле ее адаптации к условиям мусульманской страны. Отсюда на первый план выходит обеспечение свободы религии и независимости религиозных организаций от органов власти в светском государстве, что достаточно близко к пониманию принципа отделения церкви от государства.

Таким образом, возникает необходимость в общественном договоре об условиях реальной основы сосуществования в совместном национальном государстве. При этом надо помнить, что конкуренция светских и исламских соперников имеет и политический, и мировоззренческий характер и что она будет сохраняться неопределенно долго. Это значит, что договоренность между сторонами должна основываться на условиях, которые стимулировали бы стремление сторон придерживаться демократических, мирных принципов в ходе продолжающегося соперничества. Отсюда вытекает необходимость создания новых демократических механизмов — своеобразного плацдарма объединительных процессов, для чего потребуются сформулировать и придерживаться ряда условий.

Таковыми представляются, во-первых, согласие о том, что национальная общность и развитие общего государства имеют приоритетное значение. То есть признание приоритетности объединительного фактора. Во-вторых, приемлемое для обеих сторон понимание светского характера государства, которое может служить основой для «цивилизаторского *modus vivendi*». И третье условие: сделать правовые и административные выводы, из которых самым важным является новое регулирование отношений государственной власти с религиозными организациями и учреждениями. Суть обновления отношений — внесение в них партнерского начала.

Понадобится также основательная и подробная разработка и согласование принципов сотрудничества и мирного сосуществования власти и религиозных организаций, того, что получило в предложениях инициативы европейских дипломатов «За диалог с мусульманским миром» название «Кодекса взаимного поведения».

И наконец, надо стремиться к оптимальным вариантам взаимодействия и взаимовыгодных отношений государственной власти и представителей религии.

Ради этой цели нужно деидеологизировать возможные переговоры, четко определить и разграничить вопросы и проблемы, которые могут стать предметом дискуссии.

Исходя из наших исследований в Таджикистане, представляется целесообразным концептуально разделить отношения между государством и религией на три категории:

- научное определение соотношений между государством, обществом и религией в целом;
- определение отношения государственной власти к религии и ее представителям;
- отношение органов государственной власти к религиозным организациям и учреждениям.

Совершенно очевидно, что третья категория ближе всего соответствует общепринятому пониманию секуляризма, т.е. отделению церкви от государства!

Она позволяет вывести дискуссию на широкую деловую основу. Появляются реальные возможности для решения целой группы задач чисто практического свойства, а именно: какие теоретические, политические и правовые рамки требуются для обеспечения невмешательства религии в дела государства и наоборот? Как наилучшим образом установить законодательным путем место и роль религии в государстве?

И наконец, можно будет внести ясность в вопросы, которые, несмотря на свою фундаментальность и, казалось бы, изученность, продолжают оставаться в каждом отдельном случае своеобразным клубком противоречивых интересов: что государство ожидает от религии и в чем в конечном счете состоит свобода отправлений религии?

Анатолий ЦЫГАНОК

РОССИЙСКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ В АРКТИКЕ. СМОЖЕТ ЛИ РОССИЯ ОТСТОЯТЬ СЕВЕР?

Если в советские времена считалось, что главная угроза к нам идет с Запада, то сегодня опасность нас подстерегает с Северного полюса. Начиная с конца 1990-х — начала 2000-х годов, США и НАТО, не ожидая какого-либо серьезного противодействия, концентрируют основные усилия на постепенном ограничении возможностей всех конкурентов, имеющих отношение к самой северной части планеты. Сможет ли Россия удержать Арктический регион?

Международные проблемы Севера

На сегодняшний день в Арктических границах Европы, Азии и Америки находится 16 государств. Их них: Финляндия не входит ни в какие блоки. Россия входит в ОБКБ и ШОС. Великобритания, Дания, Исландия, США, Канада, Норвегия, Латвия, Литва, Эстония, Польша, Нидерланды являются членами НАТО. Гренландия, Дания и США сейчас осуществляют совместную оборону. Ирландия, Великобритания, Дания, Швеция, Финляндия — члены ЕС. В Арктический совет входят восемь арктических государств: Канада, США, Исландия, Норвегия, Дания, Швеция, Финляндия и Россия. В Совет Баренцево-Евроарктического региона (СБЕР) вошли, на правах постоянных членов: Дания, Исландия, Норвегия, Российская Федерация, Финляндия и Швеция, а также Комиссия Европейских сообществ. Девять государств — Великобритания, Германия, Италия, Канада, Нидерланды, Польша, Франция, США, Япония — имеют статус наблюдателей. Страны-члены Совета министров Северных стран: Дания, Финляндия (с 1956 года), Южная Исландия, Норвегия, Швеция. Автономные территории: Фарерские острова (Дания), Гренландия (Дания). Аландские острова (Финляндия). Кроме этого, с 1991 года существуют информационные офисы Северного совета в Эстонии, Латвии и Литве, а также в Санкт-Петербурге и Калининграде.

Большая часть государств Северной Европы имеют территориальные претензии и споры:

Бельгия спорит за Северную Ирландию с Ирландией (историческое соглашение о мире подписано 10 апреля 1998 года)¹;

Канада спорит по поводу морской границы с США (Диксон-Энтрانس, море Бофорта, пролив Хуан-де-Фука, остров Мачиас-Сил);

Великобритания спорит за континентальный шельф Рокопл с Данией и Исландией; территориальные притязания в Антарктике (Британская антарктическая территория), спор с Исландией, Данией и Ирландией из-за границы континентального шельфа Фарерских островов². Военно-морская группировка США и Британии 21 марта 2007 года эти страны провели военно-морское учение «Лед-2007» с участием значительного количества подводных лодок;

Ирландия спорит о континентальном шельфе Фарерских островов за пределами двухсотмильной зоны с Данией, Исландией и Великобританией. Проблема Северной Ирландии решается совместно с Великобританией (историческое мирное соглашение подписано 10 апреля 1998 года)³;

Исландия спорит за континентальный шельф Роколл с Данией и Великобританией (Ирландия и Великобритания подписали пограничное соглашение по району Роколла); спорит с Данией о средней линии рыболовства между Исландией и Фарерскими островами; с Данией, Великобританией и Ирландией — о континентальном шельфе Фарерских островов вне двухсотмильной зоны;

Дания спорит по поводу континентального шельфа Роколл с Исландией, Ирландией и Великобританией (Ирландия и Великобритания заключили соглашение о границах в области Роколл); с Исландией — о средней линии рыболовства между Исландией и Фарерскими островами; с Исландией, Великобританией и Ирландией — о континентальном шельфе Фарерских островов вне двухсотмильной зоны⁴;

Норвегия имеет свои территориальные притязания в Антарктике (Земля Королевы Мод); Свальбард (Шпицберген) находится в центре морского пограничного спора между Норвегией и Россией⁵.

Именно со спорами из-за вопроса дележа Арктики только за последние четыре года проведено масса учений. В 2007 году канадские вооруженные силы уже четыре раза проводили в Арктике военные учения, включая стрельбы с применением боевых патронов и снарядов. Воздушные учения под эгидой Системы аэрокосмической обороны Север-

¹ Международные проблемы Международные споры стран Западной Европы. — www.mir-geo.ru/zapad-evrop/mezhd-probl

² Великобритания (Международные проблемы). — www.mir-geo.ru/velikobritaniya/mezhd-probl

³ Международные проблемы Международные споры стран Северной Европы. — www.mir-geo.ru/zapad-evrop/mezhd-probl

⁴ Международные проблемы Международные споры стран Северной Европы. — www.mir-geo.ru/sever-evrop/i/mezhd-probl

⁵ Норвегия (Международные проблемы). — www.mir-geo.ru/norvegiya/mezhd-probl

ной Америки проводились в августе 2009 года в районе Ванкувера и Уистлера в рамках отработки мер по обеспечению безопасности на Зимней Олимпиаде-2010.

В Европе также проводятся аналогичные учения. Большое внимание к Арктике — часть плана безопасности Дании на 2010–2014 годы, принятого 24 июня 2009 года датским парламентом. В документе, в частности, говорится: «возрастающая активность в Арктике изменит геополитическое значение региона и в долгосрочном плане создаст больше вызовов для датских вооруженных сил»⁶. Дания собирается разместить в Арктике воинскую часть реагирования и командный пост. Воинская часть укрепит позиции Дании в арктических водах и сможет быть задействована для операций на о-ве Гренландия или участвовать в международных заданиях в Арктике. Согласно плану, дополнительные 600 млн. датских крон будут ежегодно выделяться на нужды вооруженных сил Дании на этот период. Часть этих денег будет также использована для укрепления обороны Гренландии.

С 1970-х годов ведутся российско-норвежские переговоры о пересмотре статуса Шпицбергена и условий рыболовства в его зоне. Норвежцы называют этот район «серой» зоной и, судя по всему, уступать ее нам не собираются. Правительство Норвегии на основе односторонней интерпретации Женевской конвенции 1958 года и Конвенции ООН по морскому праву 1982 года настаивает на том, чтобы в основу разграничения арктического района был положен принцип срединной линии — равностоящей от исходных линий Новой Земли и Земли Франца-Иосифа с одной стороны и архипелагом Шпицберген с другой. Российская же сторона выступает за то, чтобы граница проходила до линии, являющейся западной границей российского арктического сектора, объявленной Постановлением Президиума ЦИК СССР 15 апреля 1926 года.

В результате возникших разногласий по разделению арктического сектора образовался район общей площадью 155 тыс. кв. км, ограниченный с одной стороны западной границей российского арктического сектора, с другой — срединной линией, предложенной Норвегией⁷. И очень трудно поверить в то, что если мы не можем с ними цивилизованно поделить рыбу, то это удастся сделать с нефтью. А значит, нас ждет очередная, на этот раз уже «нефтяная война» с соседями.

НАТО и США на Севере

Во времена холодной войны Арктика представляла для великих держав стратегический интерес. Маршрут через Северный полюс был самым коротким путем от США до Советского Союза — то есть идеаль-

⁶ Дания разместит в Арктике воинскую часть. — pda.regnum.ru/news/1187591.html

⁷ Денис Фрунзе. Тресковые войны. — www.b-port.com/info/smi/nv/?issue=802&article=15377

ным для стратегических бомбардировщиков и баллистических ракет. Позднее Арктика стала интересна для подводных лодок, которые под покровом льда могли приблизиться к берегу гипотетического противника. Только весьма негостеприимная природа мешала массовому размещению здесь военных баз. На военную составляющую здесь работает площадь арктических льдов, которые будут неуклонно сокращаться, и к 2050 году, по прогнозам, станут на 30% тоньше, а их объем уменьшится за это время на 15–40%⁸. Благодаря этому военно-морские силы получают возможность действовать в Арктике на протяжении значительной части года.

Наибольшее влияние на состояние уровня безопасности Арктического региона России оказывают боевые дежурства стратегических бомбардировщиков; действия Второго флота с административным центром в военно-морской базе (ВМБ) в Норфолке (штат Виргиния) и Третьего флотов США с административным центром в военно-морской базе в Сан-Диего (штат Калифорния), оснащенных крылатыми ракетами с ядерными боеголовками и в любой момент готовых использовать это оружие по приказу руководства своей страны; боевые дежурства в Северном Ледовитом океане и Северной Атлантике атомных подводных лодок США с базы ПЛАБ в Кингс-Бей и базы ПЛАБ Бангор (штат Вашингтон); создание американской противоракетной обороны ПРО на Севере с модернизированными ракетами SM-3, как элемент передового базирования средств ядерного нападения. Открытие Канадой в Резолют-Бей нового армейского центра по подготовке войск к ведению боевых действий в арктических условиях и строительства глубоководного порта на северной оконечности острова Баффин-Айленд. Усиление Канадой своего военного присутствия на крайнем Севере размещением там дополнительного спецподразделения в составе 900 канадских рейнджеров; строительство восьми арктических патрульных кораблей для пополнения уже имеющихся в береговой охране отряда из 17 ледоколов.

В настоящее время в различных районах планируется развертывание системы ПРО. Первый район расположен в Северной Америке — Форт-Грили (на Аляске). Второй — Ванденберг (Калифорния) — будет готов к 2013 году. Третий — Гранд-Фокс (Северная Дакота) — готовится к 2015 году. Четвертый — совместный компонент корейско-американский на Корейском полуострове. Пятый — планируется разместить на территории Европы на двух базах: на юге (предположительно) в Турции или Румынии, на севере — в Польше, в том месте, где ранее планировалась прежняя система ПРО. Не следует забывать о зенитно-ракетном комплексе AEGIS (Advanced Electronic Guidance Information System) «ИДЖИС», в который может загружаться ракетное оружие разных калибров и назначения, в том числе и SM-3. «Все эти корабли

⁸ Пентагон начал подготовку к войне за Арктику. — mobinews.nnm.ru/pentagon_nachal_podgotovku_k_vojne_za_arktiku

являются потенциальными носителями противоракет, хотя на практике в зависимости от решаемых задач в контейнерах находятся в различных комбинациях средства ПВО, противолодочное оружие, противоракеты ближнего боя, предназначенные для защиты самого корабля. Но если такой корабль оказывается вблизи российских берегов в Арктике, с военной точки зрения благоразумно считать его вероятной угрозой российским ракетам»⁹.

В настоящее время комплексы ПРО включают: совместный морской компонент японо-американский в Японском море, совместный американо-испанский и американо-израильский — в Средиземном море и совместный американо-норвежский — в Балтийском и Норвежском морях. Первые элементы новой системы ПРО заработают на боевых кораблях уже в 2011 году.

Районы ПРО в Америке обеспечивают модернизированные радиолокационные станции в Клитре (Аляска), Гранд-Форкс, Чикаго, Кейп-Код, в Туле (Гренландия), Файлингдейлз-Мур (Великобритания). Плавающий радар морского базирования SBX о. Адак (Алеутские острова). ПРО в Европе обеспечивают радиолокационные станции предположительно в Румынии и Польше (Слупска или Вицко-Морске) и в Хельсинки, Вардо (Норвегии).

Оттава планирует потратить 7 млрд. долл.¹⁰ на строительство и обслуживание восьми арктических патрульных судов, которые должны оберегать канадский суверенитет. Премьер-министр Канады подчеркнул, что «это призвано укрепить канадский суверенитет в Арктике».

НАТО никогда не скрывало свои интересы в Арктике, прежде всего военные. На Северо-Западном европейском театре военных действий ОВС НАТО находится акватория западной части Баренцева моря и архипелаг Шпицберген, а в зоне ОВС НАТО на Атлантике — атлантический сектор Арктики. Расширение НАТО в Арктике означает фактический отказ от признанных мировым сообществом границ операционных зон ОВС блока, установленных документами 1949–1953 годов, которые в северной Норвегии не выходили за пределы норвежских территориальных вод, а в северной Атлантике — за пределы северных географических границ Норвежского и Гренландского морей. Как заявил в интервью Daily Telegraph министр обороны «теневое правительство» Великобритании Лайэм Фокс: «Четыре из пяти сил, борющихся за Арктику, — члены НАТО, и мы должны быть уверены, что НАТО обладает желанием и возможностями, чтобы не допустить действий России в Арктике, идущих вразрез с международными соглашениями»¹¹.

⁹ Тузмухаметов Б. Слухи о кончине ПРО преувеличены // НГ, 25.09.2009 г.

¹⁰ Премьер-министр Канады отправляется в трехдневную поездку по арктическим районам страны. — www.newsru.com/world/08aug2007/harper_print.html

¹¹ Споры о границах в Арктике: пока не война. — news.bbc.co.uk/hi/russian/russia/newsid_7417000/7417334.stm

Это значит, что России придется иметь дело не только с отдельными странами (США, Канада, Норвегия и Дания), а с единой НАТО. Финляндия и Япония также считают богатства Российского сектора Арктики достоянием всего мирового сообщества.

В настоящее время все морские державы — исторические соседи России на морских театрах — располагают военно-морскими силами, сопоставимыми, а зачастую и превышающими качественно и количественно флоты, которыми обладает Россия в этих регионах. Акватории же морей и океанов, внутренние воды, территориальное море, исключительная экономическая зона, континентальный шельф России и воздушное пространство над ними являются районами, откуда может исходить угроза со стороны морских носителей высокоточного оружия, способных нанести существенный ущерб военно-экономическому потенциалу Российской Федерации.

Арктика становится второй после Кавказа угрозой России

В настоящее время Россия считает свою северную границу самой уязвимой. Фактически мы имеем военное присутствие только на Кольском полуострове, только там у нас сосредоточен военно-морской флот, на всей же остальной части территории вплоть до Чукотки — только заставы Арктического регионального пограничного управления (АРПУ) ФСБ РФ и пограничные корабли Береговой охраны ПС ФСБ России.

В последнее время созданы пограничные управления по Мурманской и Архангельской областям. Завершено строительство современного пограничного комплекса «Нагурская» на архипелаге Земля Франца-Иосифа. В перспективе планируется создание аналогичных комплексов на острове Врангеля и по всему арктическому побережью. Организован и последовательно реализуется комплекс мероприятий по развертыванию системы технического контроля надводной обстановки в Арктическом регионе.

Разработана модель обеспечения пограничной безопасности Российской Федерации в Арктическом регионе с учетом перспективы формирования единой комплексной системы охраны морского пограничного пространства и побережья. С 2008-го впервые за многие годы организовано патрулирование пограничных сторожевых кораблей на трассе Северного морского пути в Чукотском море.

Северный флот в основном проводит операции в Атлантике. Пограничные войска не в состоянии удерживать северные пространства России. Совершенно очевидно, что необходимо планировать отдельные флотилии, контролирующие северное побережье от Урала до запада Чукотки, а так же восточную часть Карского моря, моря Лаптевых,

восточную часть Восточно-Сибирского моря, с пунктами базирования в Диксоне, Хатанге, Тикси.

Большое место Северу отведено в новой Стратегии национальной безопасности, утвержденной в мае 2009 года. В ней говорится, что «внимание международной политики на долгосрочную перспективу будет сосредоточено на обладании источниками энергоресурсов, в том числе, на шельфе Баренцева моря и в других районах Арктики». И подчеркивается, что не исключается возможность «решения проблем с применением военной силы»¹².

Россия после грузино-осетинской войны вновь стоит перед вопросом: сотрудничество или конфронтация. Либо пойти на заключение межгосударственного соглашения об ограничении военной деятельности НАТО и собственной военной деятельности в Арктике, либо дальнейшие противодействие и конфронтация.

По мнению министра иностранных дел С.Лаврова, высказанного на конференции по завершению сессии Арктического совета: «Мы не планируем увеличение военного присутствия в Арктике, размещение вооруженных сил».

Россия не желает конфронтация и не отказывается от международного сотрудничества в Арктике. России готова к диалогу.

Однако уже сейчас под сомнением один из приоритетов новой Транспортной стратегии России — Северный морской путь. Норвегией и США оспаривается положение Федерального закона РФ «О внутренних морских водах, территориальном море и прилежащей зоне Российской Федерации». Но жесткие ограничения на проход по Северному морскому пути, естественно, будут касаться иностранных военных и военно-вспомогательных судов: они будут допускаться на трассу СПМ только по специальным разрешениям, полученным в дипломатическом порядке.

¹² Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. — www.scrf.gov.ru/documents/99.html

Эли ИСАЕВ, Аббар ЯРЛЫКАПОВ

ФАКТОРЫ ДОЛГОСРОЧНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ ФИНАНСОВ РЕГИОНОВ

Теоретической основой формирования методологии стратегического видения посткризисного развития региональной экономики и региональных финансов в их взаимосвязи и взаимозависимости является общая теория экономической трансформации, которой стало уделяться в России и за рубежом большое внимание.

Разработка в Российской Федерации теоретических основ долгосрочной стратегии регионального развития началась задолго до современного этапа эволюционной теории, во времена бурного развития окраинных советских территорий, в том числе многих республик Северного Кавказа.

Следует отметить, что переход к рынку больше всего ударил именно по наиболее развитым территориям бывших союзных и автономных республик. Остановились эффективные и высокооснащенные крупные предприятия в субъектах Федерации, поскольку был осуществлен отказ от главной методологической основы развития территорий, которой являлось наличие в СССР единого народнохозяйственного комплекса, и большинство территориальных комплексов были составными его частями. Функционирование единого народнохозяйственного комплекса рассматривалось в методологии стратегии роста эффективности как один из главнейших резервов национальной экономики.

Проблема взаимодействия единого народнохозяйственного комплекса и стратегического развития региональной экономики и региональных финансов в России пока больше может рассматриваться лишь в научном плане, поскольку в России нет ни единого рыночного пространства, ни единого народнохозяйственного комплекса. Но даже теоретическое рассмотрение данной проблемы в современных условиях, а тем более в долгосрочной перспективе, методологически оправдано.

* * *

Развитие единого экономического пространства в России, формирование национального народнохозяйственного комплекса с системой региональных комплексов макрорегионов могло бы повысить общена-

циональную конкурентоспособность страны и создать условия для обеспечения конкурентоспособности субъектов Федерации и крупных регионов, например Северного Кавказа.

Из 83 субъектов Федерации 43 региона имели в 2008 году дефицитные бюджеты, а 40 — профицитные. Однако параметры дефицита или профицита региональных бюджетов недостаточно показательны и отражают лишь конъюнктурные аспекты, как, например, в Южном федеральном округе, имеющем по итогам за 2008 год профицит в 7,5 млрд. руб.

В методологии исследования стратегического развития экономики и финансов регионов объективно проявляются закономерности трансформационных процессов. Трансформация содержательно характеризуется как преобразование, превращение, изменение, связанное с энергией, движущими силами (трансформаторами).

Конечно, категория «движение» более общая, чем трансформация. В ней много абстрактного и неопределенного. Можно, например, говорить о «броуновском движении», которое характеризуется беспорядочностью, отсутствием закономерной направленности. Вряд ли такое движение должно отвечать целям и задачам стратегической модернизации финансовой системы, необходимость которой определена руководством страны. В то же время трансформация предполагает переход от одного качественного состояния к другому, более высокой формы по каким-то параметрам, индикаторам или свойствам, например, свойству инновационности и свойству социальной направленности, если речь идет о региональной финансовой системе.

В отношении региональных финансов вопрос о трансформации должен быть переведен в плоскость раскрытия специфической природы трансформации этой системы, стержнем которой должны быть модернизация, оптимизация системы региональных финансов. Модернизацию системы, в том числе региональных финансов, не следует рассматривать только в аспекте «догоняющего» развития, как это считают некоторые ученые.

Является ли модернизация финансовой системы догоняющей или инновационной зависит от конкретного содержания процесса развития самой системы, ее звеньев, их структуры и деятельности ее регулирующих институтов. В теоретическом и практическом аспектах существует проблема взаимосвязи трансформации и развития. В развитии финансовой системы регионов могут быть существенны и преобразование, и переход. В одном случае будет иметь место совершенствование финансовых связей и отношений, в другом — создание новых «этажей» финансовой системы, например индикативной финансовой системы федерального округа.

Если модернизацию финансовой системы регионального уровня лишать содержательного обновления без ее качественного преобразо-

вания, то существует реальная опасность нерешенности застарелых проблем регионов: недостаток финансовых ресурсов как для удовлетворения текущих потребностей, так и для развития инвестиционной функции региональных финансов; существование «антиактивных» регионов-реципиентов; отсутствие прорывных инновационных финансовых технологий; кризисное состояние финансов предприятий; концентрация финансового потенциала в двух-пяти центрах и финансовая «стерилизация» других территорий.

Перспективный прогнозный анализ, осуществленный Министерством финансов РФ, показывает пессимистическую траекторию условий модернизации региональных финансов вплоть до 2023 года в связи с негативной динамикой потенциала доходов и расходов бюджетной системы страны.

Суммарные расходы бюджетной системы в долгосрочном сценарии Минфина России сокращаются с 34,3% ВВП в 2010 году до 31,9% в 2023 году из-за сокращения доходов бюджетной системы. При этом происходит перераспределение расходов между уровнями бюджетной системы в сторону региональных бюджетов и внебюджетных фондов, а доля федерального бюджета в расходах в течение анализируемого периода сокращается с 51% в 2007 году до 47% в 2023 году (с учетом трансфертов из федерального бюджета).

Следует отметить два обстоятельства, имеющих отношение к проблеме стратегической ситуации в региональной бюджетной системе. Отмеченное перераспределение расходов в пользу региональных бюджетов происходит при общем относительном падении их потенциала в пропорции к ВВП с 11,1% в 2010 году до 10,2% в 2023 году.

Дискуссионна сама траектория движения параметров бюджетной системы вниз, поскольку ее потенциал связан с движением ВВП. Бюджетная политика, в том числе формирования доходов, не является чем-то застывшим, поэтому она способна поддерживать постоянную пропорцию между централизацией ресурсов в бюджетной системе и движением валового внутреннего продукта, как бы он ни изменялся.

Взятый курс на инновационную модель экономического роста (после преодоления современного экономического кризиса) потребует не только поддержания постоянной пропорции между потенциалом бюджетной системы и ВВП, а иной траектории, т.е. перехода к более высокому уровню централизации ресурсов ВВП в бюджетной системе до среднеевропейского, находящегося в диапазоне 50–55% ВВП. Бюджетное «окно» между 32% и 50% ВВП, которое при этом появится, следует рассматривать как «окно» возможностей и ресурсов инновационного роста, обеспечиваемого государством. При возвышающемся типе бюджетной траектории (инновационной траектории) ситуация в области федеральных и региональных финансов перемещается с пессимистической на оптимистическую.

симилистического в направлении оптимистического типа трансформации, причем при любой конъюнктуре внешнего нефтегазового рынка.

Вместе с тем при любом характере движения макроэкономических параметров в целом в стране усиливается проблема инициативной и эффективной деятельности самих субъектов региональной финансовой системы, их собственной заинтересованности и ответственности в росте финансового потенциала регионов. Возможности для этого имеются у всех субъектов Федерации и у всех крупных регионов, в том числе и в Южном федеральном округе.

Стратегические траектории региональной экономики и финансов в новом экономическом периоде до 2020–2030 годов конкретизируются и становятся более содержательными, если исследовать длительный цикл экономической динамики в стране и проблематику развития потенциалов федеральных округов (макрорегионов) и отдельных субъектов Федерации в кризисных и посткризисных фазах. В Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года и в Основных параметрах прогноза социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020–2030 годов содержатся материалы, теоретический анализ которых позволяет выявить основную проблематику и общий характер стратегической траектории региональной экономики, стратегические проблемы финансов регионов в длительной перспективе.

В Концепции и прогнозе разделы, раскрывающие территориальное развитие, вообще не отражают циклический характер в динамике потенциала региональной экономики и ее отдельных территорий. Указанные документы были утверждены уже в начале разворачивающегося финансово-экономического кризиса в России, однако разрабатывались в докризисное время, и поэтому разработки не предвидели кризисную фазу как начало экономического цикла в развитии экономики и финансов регионов. Этот момент необходимо учитывать в анализе стратегической траектории финансовых потенциалов страны, макро-регионов.

В отношении циклов развития региональных финансов до сих пор практически отсутствовала какая-либо теоретическая ясность и разработка проблемы. Поскольку региональные финансы в целом в стране и региональные финансы в масштабе федеральных округов характеризуются признаками системности, то и им присуща цикличность в развитии. Она имеет существенные особенности, которые более отчетливо выявляются при рассмотрении общей цикличности национальной экономики, но предопределены отличиями механизма системы региональных финансов от общей национальной финансовой системы.

Региональные финансы оказываются под регулирующим воздействием всей системы национальных финансов. Национальные финансовые институты, национальное (федеральное) законодательство явля-

ются первичными и определяют (ограничивают) законодательные полномочия субъектов системы региональных финансов, в том числе в сфере налоговых и бюджетных отношений.

Цикл динамики региональных финансов не имеет самостоятельной основы, он включен в «оковы» общего национального экономического цикла, повторяет его на другом уровне финансово-экономических отношений.

Механизм региональных финансов, как правило, не содержит в себе кризисные причины и факторы. Кризис региональных финансов возникает потому, что на них распространяется кризис сверху, от всей финансово-экономической системы страны. Поэтому преодоление кризиса региональных финансов без преодоления его в национальной системе невозможно.

Антикризисные меры на региональном уровне имеют исключительно важное значение, но они должны сочетаться, взаимодействовать с общенациональными антикризисными мерами, являются их существенным дополнением и продолжением.

Институты региональной экономики и региональных финансов отличаются по своим возможностям, функциям и потенциалам от институтов федерального значения. Например, на региональном уровне не создаются стабилизационные фонды, нет таких ресурсов, как нефтегазовые доходы, которые полностью централизованы. Региональные финансы не имеют в составе своих институтов такого важнейшего института, как центральный банк с его функциями, потенциалом ресурсов, валютными резервами и возможностями реинвестирования, регулирования денежной сферы, инфляционных процессов, прямого или косвенного финансирования бюджетного дефицита и государственного долга.

Вместе с тем должен существовать и развиваться свой, региональный механизм регулирования экономической динамики, цикличности, антикризисной политики, в который должны быть включены субъекты Федерации, институты федеральных округов, муниципальные образования, соответствующие региональные и муниципальные финансовые инструменты и ресурсы.

Формирование длительной кризисно-стабилизационной волны в динамике российской экономики воздействует на экономику и финансы каждого региона, макрорегионов (федерального округа), субъекта Федерации. В то же время в каждом субъекте Федерации есть «свои» кризисные факторы: безработица, дефицит внутренних финансовых ресурсов, неразвитость производственной, социальной, финансовой инфраструктуры, факторы эффективности или неэффективности менеджмента в государственном, муниципальном, коммерческом секторах и др.

В задачи и функции региональных институтов входят: реализация общегосударственной антикризисной политики на региональном уров-

не; выработка и реализация своей антикризисной программы (системы антикризисных мер); обеспечение реализации принятых ранее программ инновационного и социально ориентированного развития в новых кризисных и антикризисных условиях; определение траектории и действий посткризисного развития в регионах в аспекте ранее определенных руководством страны стратегических целей перехода к новому типу экономического роста и существенного повышения конкурентоспособности всей национальной российской экономики.

Если рассматривать глубокие инновации бюджетной системы в 2000–2008 годах в ракурсе методологии финансовой цикличности, то можно было сделать, казалось бы, однозначный вывод, что длительный финансовый кризис в стране завершен, экономика и бюджетно-финансовая система вышли окончательно в фазу финансовой стабильности, на основе которой с 2008 года будет активно формироваться политика инновационного экономического роста как в стране в целом, так и во всех ее регионах. Эта идея нашла отражение в принятом за основу в инновационном сценарии социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года.

Сценарий инновационного развития должен был сопровождаться активными структурными сдвигами, поддерживаемыми значительным повышением эффективности использования ресурсов. Долю инновационного сектора в ВВП предполагалось повысить с 10,9% в 2007 году до 17,2% в 2020 году (в ценах 2007 года) при снижении доли нефтегазового сектора с 18,7 до 11,1%.

Такой структурный маневр прогнозировалось обеспечивать ростом инновационной активности и поддерживать повышением расходов: на НИОКР (за счет всех источников финансирования) — до 2,2% ВВП в 2015 году и 3,0% ВВП в 2020 году, на образование — до 6,4 и 7% соответственно (государственные расходы достигали 5,5% ВВП). При этих параметрах развития «экономики знаний» Россия, по замыслу экономических ведомств, становилась конкурентоспособной по сравнению с европейскими и азиатскими странами, обеспечивалось комплексное развитие национальной инновационной системы.

Таким образом, экономический цикл 1989–2008 годов должен был завершиться фазой окончания кризисной и восстановительной динамики и началом выхода на путь устойчивого инновационного развития (долгосрочная динамика инновационного развития), охватывающего все регионы страны.

В Концепции и прогнозе социально-экономического развития РФ на период до 2020–2030 годов не были в достаточной степени учтены кризисные факторы, преодолеть которые не удалось в 2000–2007 годах. Наиболее слабым звеном в экономической и финансовой системах страны и регионов оставались финансы предприятий. Ситуацию с платежным кризисом в реальном секторе в основном удалось преодолеть,

Таблица 1

**Финансовые результаты деятельности
крупных и средних организаций в январе-сентябре 2008 года***

	Число прибыльных организаций, % общего числа	Прибыль (+)		Число убыточных организаций, % общего числа	Убыток (-)	
		млн. руб.	% общего объема		млн. руб.	% общего объема
Российская Федерация	73,0	5326086	100	27,0	885242	100
Южный федеральный округ	73,2	233484	4,4	26,8	34773	3,9
Республика Адыгея	63,2	1061	0,0	36,8	488	0,1
Республика Дагестан	69,4	2568	0,1	30,6	2980	0,3
Республика Ингушетия	53,6	32	0,0	46,4	447	0,1
Кабардино-Балкарская Республика	68,8	556	0,0	31,2	940	0,1
Республика Калмыкия	59,8	384	0,0	40,2	2143	0,2
Карачаево-Черкесская Республика	67,8	900	0,0	32,2	817	од
Республика Северная Осетия – Алания	52,0	825	0,0	48,0	1059	0,1
Чеченская Республика	49,2	1548	0,0	50,8	1651	0,2
Краснодарский край	80,0	77165	1,5	20,0	6678	0,7
Ставропольский край	76,6	24588	0,5	23,4	3543	0,4
Астраханская область	66,3	24317	0,5	33,7	1235	0,1
Волгоградская область	74,0	65927	1,2	26,0	3259	0,4
Ростовская область	77,1	33613	0,6	22,9	9533	1,1

* Источник: Социально-экономическое положение Южного федерального округа в 2008 году. — М.: Росстат, 2009. С. 40.

но дефицит оборотных средств у значительной части предприятий сохранялся из-за их слабой кредитоспособности (*табл. 1*).

В январе-сентябре 2008 года убыточными были 27% предприятий в целом по России, примерно столько же (26,8%) в Южном федеральном округе, а в отдельных субъектах Федерации ситуация с убыточностью реального сектора может характеризоваться как близкой к кризисной, если уровень убыточности превышает 30%.

Убыточные предприятия следует считать находящимися в фазе кризиса, ибо они из-за убытков теряют свои оборотные средства, не имеют своих источников финансирования капитальных вложений, отсечены от возможности получения банковских кредитов, испытывают трудности в платежеспособности и выплате заработной платы, сохранении своего трудового персонала, не говоря уже о создании новых рабочих мест.

В целом же прибыльные предприятия реального сектора показывали в 2008 году невысокую рентабельность активов (3–6%), что более чем в 2–3 раза было ниже ставки рефинансирования ЦБ РФ (9,00–10,5–12,5–13,5%) и в 4–5 раза — процентных ставок коммерческих банков.

Период восстановительного роста в 2000–2007 годах перетёк во втором полугодии 2008 года в новую кризисную фазу, охватившую все

звенья финансовой системы. Несмотря на то, что кризис в России возник под воздействием мирового финансового кризиса, он имел и глубокие внутренние причины. Слабыми звеньями финансовой системы были и остаются: фондовый рынок из-за его неустойчивости и засилья спекулятивного капитала; финансы предприятий — из-за низкой рентабельности, слабой тенденции к накоплению капитала, неинновационности и финансовой неустойчивости; финансы регионов — из-за ограниченности финансового потенциала и недостаточности стимулов и возможностей к саморазвитию; система коммерческих банков — вследствие низкой капитализации, отсутствия стабильных связей с реальным сектором экономики, подверженности влиянию спекулятивных факторов; финансы домашних хозяйств — из-за их низкой финансовой устойчивости и отсутствия потенциала роста и механизма инвестирования сбережений.

В сфере региональных финансов модернизация выражает процесс инновационного развития региональной финансовой системы, ее отдельных звеньев, финансовых секторов региональной экономики (государственного сектора, муниципальных финансов, финансов коммерческих предприятий, банков, фондового рынка, инвестиционного сектора). Она охватывает внутренние процессы в системе региональных финансов и ее внешние связи и механизмы взаимодействия с внешней средой, которую представляют федеральные звенья финансовой системы, денежно-кредитная система с регулирующим центром — Центральным банком Российской Федерации, общероссийский фондовый рынок, государственные корпорации и естественные монополии.

Реальная внешняя (посредством федерального законодательства и федеральных финансовых институтов) и реальная внутренняя модернизация финансов регионов означает процесс изменения условий формирования финансовых потоков и фондов, их направленности, регулирования, потенциала. Критериями реальной модернизации являются повышение инновационности, эффективности и социальной ответственности отдельных звеньев финансовой системы и в целом всей финансовой системы региона.

Инновационность и эффективность финансовой системы проявляются в росте финансового потенциала регионов, способности обеспечить полное саморазвитие региона или повышение степени этой способности к саморазвитию, что отражается в понижении дотационности бюджетов субъектов РФ.

Инновационность финансов других, небюджетных, секторов экономики, прежде всего реального сектора, выражается в фактических параметрах инновационного развития предприятий: росте реального капитала; снижении зависимости предприятий от операций на рынках фиктивного капитала (рынок ценных бумаг); повышении доли инновационной продукции и инновационных технологий за счет

дополнительных финансовых источников, в том числе капитализации прибыли, нового добавочного акционерного капитала, долгосрочных кредитных инновационных ресурсов.

Модернизация региональных финансов является отрицательной, если она «оптимизирует» бюджетные расходы в целях их сокращения или формирования бюджетного профицита при минимизации бюджетной обеспеченности и «стерилизации» инновационных, инвестиционных и социальных расходов в стране и в отдельных регионах.

Цикличность модернизационного процесса носит объективный характер, но при этом необязательно она должна включать в себя глубокие «кризисные ямы», как в 1998 году и 2008–2009 годах. Модернизационная финансовая политика должна носить превентивный характер и снижать степень кризисных рисков не только за счет отвлечения из финансовых кругооборотов ресурсов во внешние «резервуары» финансовых резервов, но и путем создания реальной устойчивости финансов предприятий и регионов политикой роста финансового, в том числе бюджетного и налогового потенциалов и их полного использования на внутренние потребности инновационного роста и социального развития.

Финансовые резервы могут способствовать устойчивости финансовой системы, но при этом экономика остается отсталой, а не инновационной, а финансовая система оперирует с незначительным потенциалом финансовых ресурсов и зависит от неэффективных предприятий, находящихся в «инновационном застое».

Понимание и учет определенных длительных закономерностей и циклов в движении финансовой системы страны и субфедеральных финансов необходимы для проведения реальной политики, предвидения возможных «провалов» в экономической динамике, а также для оценки правильности общей траектории и направленности региональной финансово-экономической политики.

В сегодняшнем номере — статья студента 4-го курса факультета мировой экономики мировой политики ГУ ВШЭ Павла Комарова

Павел КОМАРОВ

ВОЗВЫШЕНИЕ КИТАЯ В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Китайская Народная Республика, на протяжении уже более чем 30 лет демонстрирующая феноменальные темпы экономического роста (в среднем около 9% в год), которые, похоже, не в силах обуздать даже кризисные явления в мировой экономике, по мнению большинства экспертов, способна уже в ближайшее время сравниться с США по абсолютным показателям экономического развития. Усиление потенциала КНР неизбежно будет сопровождаться кардинальным изменением геополитического и геоэкономического положения страны, что при сохранении коммунистической риторики и монополии КПК на политическую власть, естественно, вызывает неоднозначную реакцию в мире. Наибольшие опасения высказываются обычно по поводу наращивания военного потенциала Китая, увеличивающегося спроса на энергию и демпинга китайских товаров на мировых рынках.

Чаще всего дискуссии по поводу нарастания совокупной мощи Китая сводятся к тезисам о том, что в обозримой перспективе весьма вероятен закат эры гегемонии США в мире, а само возвышение Китая называется едва ли не «величайшей драмой XXI столетия»¹. Более того, в российском экспертном сообществе то и дело возникают дебаты о нарастании непосредственной угрозы территориальной целостности Российской Федерации со стороны Китая — угрозы отделения в скором будущем малонаселенных, но богатых энергоресурсами территорий Сибири и Дальнего Востока.

Наконец, этот сюжет привлекает также и внимание европейцев: например, во Франции он стал одним из важных предметов дискуссии,

¹ Ikenberry G. John. The Rise of China and the Future of the West // Foreign Affairs, January/February 2008.

предшествовавшей референдуму по европейской конституции в 2005 году, и, как полагают некоторые аналитики, одной из причин отрицательного голосования французов был массированный экспорт китайских текстильных товаров на европейские рынки².

Безусловно, узкие рамки данного исследования не позволяют максимально полно рассмотреть столь сложный и многогранный вопрос. Тем не менее, попытаемся выделить превалирующие убеждения экспертов по проблематике возвышения КНР и возможных последствий данного процесса для международной безопасности в ближайшее десятилетие, контраргументы китайской стороны, а также вызовы и шансы для России в стремительно меняющихся условиях.

Рост опасений

Рассуждая о возможных тектонических сдвигах в системе международной безопасности, вызванных усилением Китая, уместно начать с американских опасений в силу усиливающейся взаимозависимости экономик двух стран и сохраняющихся при этом политико-идеологических противоречий между Китаем и США. Представляется, что наиболее емко и сбалансированно позиция американского экспертного сообщества была выражена М.Свэйном и Э.Теллисом в совместном докладе, посвященном «большой стратегии КНР» и опубликованном в начале текущего десятилетия. Она заключается в следующем.

Внутренняя экономическая трансформация превращает Китай в возвышающуюся державу, способную бросить вызов существующей международной системе. В этом качестве он не может принять международный порядок, возглавляемый Соединенными Штатами, и интегрироваться в него на правах младшего партнера. То есть, по мере наращивания экономической и военной мощи стоит ожидать перехода Китая от «расчетливой ориентации» в формулировании и реализации своего геополитического курса к «напористости»³.

«Напористость» Китая будет означать, что ни одна значительная региональная или глобальная проблема не может быть решена без учета его интересов, предпочтений и желаний. Пекин будет стремиться к получению односторонних выгод, что станет предметом озабоченности его соседей, но больше всего — США, поскольку их главные политические интересы, как, например, судьба своего военного присутствия в Восточной Азии, сохранение глобального режима нераспространения, защита международных прав собственности и расширение системы открытой торговли, могут быть реализованы,

¹ Бергер Я.М. Возвышение Китая: международные аспекты // Международная жизнь. 2005. № 9.

² Бергер Я.М. Большая стратегия Китая в оценках американских и китайских исследователей // Проблемы Дальнего Востока. 2006. № 1.

только если они не вступят в противоречие с предпочтениями Китая⁴.

Кроме аспектов, непосредственно затрагивающих США, «напористость» Китая, по прогнозу М.Свэйна и Э.Теллиса, может проявиться также на трех основных направлениях⁵. Во-первых, Пекин будет стремиться к китаецентричному разрешению большинства, если не всех, территориальных споров. Это предполагает отказ от нынешней стратегии малых уступок или отсрочки решения наиболее существенных разногласий. Региональные конкуренты должны будут либо согласиться с требованиями Китая, либо очутиться перед лицом вооруженной дипломатии или прямого применения военной силы. Это касается, прежде всего, Тайваня, района Аксай Чин в Индии, островов Спратли и всего Южно-Китайского моря⁶.

Во-вторых, Пекин проявит готовность прибегнуть к применению или к угрозе применения военных средств для достижения различных политических целей, подобно тому, как это традиционно делал Китай во времена своего могущества. Военные средства могут применяться для приобретения новых территорий или как орудие дипломатии для мягкого принуждения соперников, или как символ для убеждения остальных.

В-третьих, Пекин будет стремиться обеспечить себе геополитическое превосходство в мировом масштабе. Это, в свою очередь, предполагает, что Китай будет добиваться создания системы субординации среди держав вдоль своей периферии в качестве первого шага к построению подобной структуры в более широких региональных и глобальных пределах. Кроме того, переход Китая к «напористости» может вызвать ряд политических, экономических и военных конфликтов, а в предельном случае — и серьезную региональную войну с участием действующего гегемона — США. Участие США в подобном конфликте на стороне или в союзе с другими странами региона, которым угрожает Китай, может первоначально рассматриваться как ограниченная вовлеченность, которая, однако, способна, в конечном итоге, перерасти в последовательную борьбу за контроль над международной системой.

Примером более сдержанного подхода в США к оценкам нарастающей мощи КНР можно считать точку зрения, изложенную Э.Голдстейном в книге «Возвышение к вызову: большая стратегия Китая и международная безопасность»⁷. Согласно его мнению, Китай действительно стремится к обретению статуса подлинной великой державы в XXI веке, но, вместе с тем, его «большая стратегия» крайне неопределенна и обусловлена сохраняющимися препятствиями на пути возвышения

⁴ Бергер Я.М. Большая стратегия Китая в оценках американских и китайских исследователей // Проблемы Дальнего Востока. 2006. № 1.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

КНР, такими как однополярность мира, сохранение слабости самого Китая, неоднозначная реакция в мире на успехи КНР, тайваньская проблема и некоторыми другими.

В этой связи целесообразно полагать, что в достижении собственных геополитических целей Пекин будет продолжать придерживаться тактики балансирования и прагматичной внешнеполитической линии, а вероятность вооруженных конфликтов, инициированных Китаем, в кратко- и среднесрочной перспективе стоит рассматривать как низкую.

Контраргументы китайской стороны

Нет ничего удивительного в том, что китайская сторона, в свою очередь, стремится убедить мировую общественность в том, что возвышение Китая носит исключительно мирный характер, что рост китайской экономики никому не несет угрозы и, напротив, предоставляет партнерам великолепные шансы для взаимовыгодного сотрудничества, а внешнеполитическая и внешнеэкономическая деятельность Китая направлена на то, чтобы, по возможности, максимально избегать обострения отношений с США и, тем самым, не осложнять условий для дальнейшего укрепления своей совокупной национальной мощи⁸.

В полной мере данные тезисы находят свое отражение в концепции так называемого «мирного возвышения», впервые озвученной в Китае на самом высоком государственном уровне в 2003 году и детально проработанной в 2004 году в совместной работе китайских экспертов Ся Липина и Цзян Сиюаня «Мирное возвышение Китая»⁹.

Авторы исходят из характеристики Китая как «ответственного большого государства», заинтересованного в мирных внешних условиях для своего развития и способного, в свою очередь, содействовать поддержанию мира и стабильности в Азиатском регионе. Методы у китайского «возвышения» исключительно невоенные: страна опирается на собственные силы, на огромный внутренний рынок, на трудовые и финансовые ресурсы, осуществляет взаимовыгодное сотрудничество с внешним миром¹⁰. Если до второй мировой войны возвышение крупной страны было возможно только через войну, то с 1980-х годов такой путь, по мнению авторов, открывает экономическая глобализация. Более того, имеющиеся пути возвышения — через войну или благодаря альянсу с «руководящими странами» — для Китая неприемлемы, поскольку для страны важны как сохранение мирных условий для дальнейшего развития страны, так и национальный суверенитет¹¹.

⁸ Бергер Я.М. Возвышение Китая: международные аспекты // Международная жизнь. 2005. № 9.

⁹ Ломанов А. Мирное возвышение Китая. — www.globalaffairs.ru/books/3543.html

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

Вряд ли китайские эксперты и руководство КНР лукавят, декларируя приоритетность возвышения Китая исключительно мирными способами, поскольку, несмотря на колоссальные темпы роста совокупной мощи КНР и поражающий воображение потенциал роста, перед лицом Китая сохраняются как внутренние, так и внешние вызовы, подкрепляемые усилением глобальной взаимозависимости.

Важно понимать, что кризисные явления разной интенсивности — неотъемлемая сторона развития современного Китая. Это находит отражение в том, что стратегия развития Поднебесной постоянно корректируется. Пока КНР удастся избежать тотального кризиса. Возникновение такового возможно, во-первых, при наложении друг на друга кризисных ситуаций в разных областях жизни китайского общества и, во-вторых, при наличии своего рода «детонатора» внешнего или внутреннего происхождения, способного дать толчок развитию кризиса сразу по нескольким направлениям¹².

В контексте мирового экономического кризиса стоит, в первую очередь, говорить о потенциальных внешнеэкономических «детонаторах». Несмотря на то, что китайское руководство демонстрирует свою способность эффективно бороться с кризисом, и КНР, по прогнозам аналитиков, раньше других стран сможет преодолеть кризисные явления в экономике, наиболее опасным внешним экономическим детонатором может стать дальнейшее обострение ситуации на мировых финансовых рынках.

Вследствие определенной незрелости рыночной институциональной структуры китайской экономики при сохранении нестабильной ситуации в мировой экономической системе нельзя полностью исключать наиболее неблагоприятных последствий кризиса для экономики Китая, а именно: краха фондовых бирж, обострения проблемы «плохих кредитов» и «токсичных» активов, банкротства банков, сокращения национальных валютных резервов, что, в свою очередь, способно привести к оттоку иностранного капитала из Поднебесной, многократной девальвации юаня, а также к кризису внешней задолженности¹³. Кроме того, уже сейчас очевидно стремительное снижение объемов международной торговли, а, следовательно, Китай неизбежно сталкивается с проблемой сокращения экспортных доходов.

Среди внешнеполитических «детонаторов», бесспорно, главный — это «тайваньский». Схема возможного кризиса в результате обострения проблемы острова ясна и прозрачна и может быть условно представлена в виде цепочки: провозглашение Тайванем независимости — война — международные санкции против Китая — кризис экспортного производства, отток иностранного капитала — инфляция, товарно-

¹² Михеев В. Китайский синдром. — www.carnegie.ru/ru/pubs/media/73110.htm

¹³ Там же.

сырьевые дефициты — сокращение ВВП — социальный взрыв — кризис внутри КПК¹⁴.

Объективно единственным приемлемым решением тайваньской проблемы для китайского руководства на сегодняшний день и в краткосрочной перспективе является максимально длительное сохранение существующего статус-кво. Примерно об этом же говорят и авторы доклада «Мирное возвышение Китая», отмечая, что необходимо развернуть «борьбу за сердца тайваньцев» и вместо повторения примитивных угроз сделать упор на пропаганду выгод, которые сулит острову объединение страны¹⁵.

Следует особо отметить, что, подчеркивая необходимость усиления международной кооперации по самому широкому кругу вопросов, в качестве главного ориентира для «мирного возвышения» авторы книги предлагают китайским властям сотрудничество с лидерами системы международных отношений — США, Японией и Европой. Примечательно, что в поле зрения Ся Липина и Цзяна Сиюаня оказались «большая восьмерка» и НАТО, за счет сотрудничества с которыми КНР могла бы значительно укрепить свое влияние. Авторы считают, что своевременное членство в «восьмерке» «поможет Китаю и другим крупным странам усилить экономическую и политическую координацию, расширить стратегическое сотрудничество».

«Большая стратегия» Китая

Учитывая все вышеперечисленное, можно с уверенностью прогнозировать, что в ближайшее десятилетие возвышение Китая вряд ли представляет серьезную угрозу для сложившейся международной системы, в том числе системы международной безопасности. В этой связи стратегия развития КНР в краткосрочной перспективе может быть охарактеризована следующими чертами.

В своем дальнейшем развитии Китай в ближайшие годы будет продолжать преследовать три основных стратегических цели¹⁶. Во-первых, обеспечение внешнеполитической обстановки, благоприятствующей модернизации и экономическому развитию. Отсюда вытекает необходимость избегать конфронтации и, тем более, скатывания к холодной войне с Западом, особенно с США, не допускать создания вокруг Китая противостоящих ему союзов, а также выхода из-под контроля очагов напряженности по периметру его границ: между Индией и Пакистаном, на Корейском полуострове, в Афганистане. С этой целью Китай должен еще более укреплять отношения с Россией, в том

¹⁴ Михеев В. Китайский синдром. — www.carnegie.ru/ru/pubs/media/73110.htm

¹⁵ Ломанов А. Мирное возвышение Китая. — www.globalaffairs.ru/books/3543.html

¹⁶ Здесь и далее по: Бергер Я.М. Большая стратегия Китая в оценках американских и китайских исследователей // Проблемы Дальнего Востока. 2006. № 1.

числе через институты ШОС, с Европой, развивающимися странами, поддерживать стабильность китайско-американских отношений.

Во-вторых, защита и расширение сферы национальных интересов в экономике, в области национальной безопасности, в политике и культуре. В-третьих, расширение международного влияния Китая, повышение его международного статуса и авторитета, утверждение собственного имиджа как миролюбивого, открытого и ответственного государства.

В экономике приоритетное значение получит укрепление экономической безопасности. Углубление глобализации и региональной интеграции ведут к тому, что национальная экономика будет испытывать все большее влияние и вторжение внешних сил. Руководство и экспертное сообщество КНР осознает, что в этих условиях экономическая безопасность неизбежно становится важным фактором стабильности и развития и составляет существенную часть государственной безопасности¹⁷. Поэтому, наряду с продвижением международного экономического сотрудничества, будет продолжено развитие мощной и современной индустриальной экономики.

Важную роль в ближайшее десятилетие призваны играть реформирование внешней торговли, совершенствование структуры производимых товаров и услуг, расширение внешних рынков. Не последнее место в деле обеспечения экономической безопасности занимает гарантированное получение из-за рубежа новейших технологий и необходимых объемов энергоресурсов¹⁸.

Стоит также отметить, что, несмотря на продолжающуюся активную внешнеэкономическую деятельность КНР, которая находит свое отражение в масштабной экспансии китайского капитала по всему миру (к примеру, приобретение австралийской Rio Tinto Group в начале 2009 года; крупные инвестиционные проекты в Иране, в частности проект разработки месторождения Ядавран; приобретение нефтяных концессий в Венесуэле и участие в инвестиционных проектах в Африке), вряд ли стоит ожидать тектонических изменений мирового экономического порядка уже в ближайшее десятилетие.

В данном контексте следует говорить, скорее, об усилении Китая, напрямую не связанном с ослаблением других ведущих акторов международной экономической системы. Традиционно КНР крайне прагматично выстраивает систему своих внешнеэкономических связей, демонстрируя стремление обеспечить условия для продолжения устойчивого развития страны в таком важнейшем аспекте, как обеспечение экономической (прежде всего, энергетической) безопасности.

Что же касается перспектив выдвижения Китая на авансцену мировой экономической системы и формирования нового мирового эконо-

¹⁷ Бергер Я.М. Большая стратегия Китая в оценках американских и китайских исследователей // Проблемы Дальнего Востока. 2006. № 1.

¹⁸ Михеев В. Китайский синдром. — www.carnegie.ru/ru/pubs/media/73110.htm

мического порядка, то здесь очевидны серьезные ограничения, обусловленные сохраняющимися вызовами, перед лицом которых находится КНР, и условиями мирового экономического кризиса. Осознавая всю незавидность положения США, ответственных за существующие ныне кризисные явления в мировой экономике, и не будучи готовым в краткосрочной перспективе принять на себя схожие полномочия и схожую степень ответственности, Китай не будет предпринимать ожесточенных усилий по изменению сложившегося положения вещей и ограничится лишь комплексом мер, способствующих гарантированному продолжению развития КНР.

О сохранении в ближайшие годы существующего статус-кво в мировой экономике свидетельствует также и то, что на прошедших в апреле и сентябре 2009 года саммитах G20 не прозвучало заявлений, согласно которым можно было бы ожидать революционных изменений в системе международных экономических отношений: лидеры G20 договорились лишь об ограниченном реформировании системы, в основном — реформировании механизмов регулирования и контроля, которое позволит, по мысли участников «двадцатки», в перспективе справиться с кризисом, но не затрагивает базовых характеристик существующего мирового экономического порядка.

В области национальной безопасности и в политико-культурной области Китай будет придерживаться линии на формирование образа Китая как крупной мировой державы, руководствующейся в достижении своих геостратегических целей принципами политического реализма, подкрепленного комплексом морально-этических норм. Опора на реализм означает, что КНР будет открыто защищать свои национальные интересы, в то время, как ориентация на этический подход будет означать поддержку Китаем процессов демократизации системы международных отношений, установления в мире нового, справедливого политического и экономического порядка, нового отношения к проблемам безопасности, предполагающего курс на усиление международного сотрудничества¹⁹.

При этом изменение существующего мирового порядка рассматривается как процесс, параллельный модернизации КНР. Китай будет оказывать мощную поддержку процессам становления многополярности в мире. Китайские аналитики и руководство КНР справедливо считают, что мир в настоящий момент переживает переходный этап, на котором одна сверхдержава сосуществует с рядом сильных держав²⁰. Становление нового мирового порядка, в свою очередь, предполагает, что дистанция между ними будет сокращаться, а число сильных держав возрастет. Одновременно усилится тенденция к регионализации, и совокупная мощь регионов и их влияние возрастут.

¹⁹ Бергер Я.М. Большая стратегия Китая в оценках американских и китайских исследователей // Проблемы Дальнего Востока. 2006. № 1.

²⁰ Там же.

Возможности для России

Особое внимание следует уделить месту России в «большой стратегии» Китая на ближайшие годы. Несмотря на очевидное отставание России от Китая по уровню экономического развития, а также на тот факт, что экономическое сотрудничество носит во многом характер взаимосвязей в энергетической отрасли, необходимо отметить крайне осторожное и уважительное отношение китайских аналитиков и руководства КНР к России, постепенно возвращающей утраченные ранее позиции в международной системе. Как отмечает видный китайский политолог Тан Шипин, «важнейшей стратегической целью Китая является предотвращение взаимной вражды заново возвышающихся России и Китая»²¹. Более того, он убежден, что «сколь бы ни усиливались сами по себе Китай и Россия, если между ними не будет согласия, их стратегические позиции в огромной мере ослабнут»²².

С другой стороны, какие выводы может и должна извлечь для себя Россия из ситуации с поднимающимся Китаем при формировании стратегии национальной безопасности и осуществлении внешнеполитического курса? Наверное, основное здесь заключается в том, что происходящие в Азии и, прежде всего, в Китае изменения представляют собой, быть может, один из самых главных вызовов для национальной безопасности России на предстоящие десятилетия²³. Пока именно вызов. Хотя этот вызов может обернуться серьезной угрозой для нашей национальной безопасности в случае бездействия или неадекватных действий российского руководства, поскольку изменения, свидетелями которых мы являемся, предполагают фундаментальную корректировку соотношения сил, причем не только в Азиатско-Тихоокеанском регионе, но и в глобальном масштабе.

Вместе с тем, возвышение Китая, безусловно, открывает перед нами поистине беспрецедентные возможности. При условии, что между нашими странами возникнет реальное, а не лишь декларируемое стратегическое партнерство, России вполне по силам гармонично вписаться в сформировавшийся в АТР алгоритм стремительного экономического роста, преодолеть нарастающее технологическое отставание и, в конечном счете — решить застарелые проблемы экономического подъема Сибири и Дальнего Востока, остановить депопуляцию восточной части страны и обеспечить нашу безопасность на азиатском направлении перед лицом новых вызовов и угроз.

²¹ Бергер Я.М. Большая стратегия Китая в оценках американских и китайских исследователей // Проблемы Дальнего Востока. 2006. № 1.

²² Там же.

²³ Спасский Н. «Возвышение Азии» и политика России. — www.rg.ru/2006/06/06/asia.html

ИМИДЖ РОССИИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

*В обсуждении приняли участие доктор философских наук, профессор, проректор по научной и издательской работе, директор Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета **В.А.Луков**, доктор философских наук **В.К.Кантор**. Ведет «круглый стол» доктор философских наук, профессор **П.С.Гуревич**.*

Гуревич П. В VII веке до н.э. в Афинах разразился кризис. В чем-то он был похож на нынешний. Упадок охватил многие сферы жизни — финансы, право, политику. Мало кто видел возможный выход из этой катастрофы. Возникла смута, начались распри. И тогда в 594 году до н.э. призвали к власти Солона.

Этот человек к тому времени был уже известным поэтом. Он быстро приобрел популярность среди граждан. Но с чего начал этот правитель? С попыток придать родному городу своеобразное величие. Сегодня мы сказали бы — с создания имиджа Афин. Избранный архонтом, высшим должностным лицом, он был наделен чрезвычайными полномочиями. Это позволило ему провести свои знаменитые законы. В частности, запрещалось брать в долг без письменного договора. Были прощены многие должники, которые находились в кабале из-за неуплаты долгов; строго определены обязанности национального собрания. Поощрялись также ремесла и торговля, упразднялись некоторые привилегии родовой аристократии.

В ту эпоху многие были убеждены в том, что судьба каждого человека, как и всего человечества, находится в руках Бога. Фактически люди в Афинах не надеялись на улучшение своей участи. Кто мог остановить хаос и произвол? Солон во многом противостоял общественному сознанию своего времени. Ведь он пытался доказать, что умеренность и честь составляют основу общественной жизни. Солон убеждал сограждан в том, что никто и никогда не должен забывать о том, какое он производит впечатление на других, на чужеземцев. Может быть, он пытался приукрасить тот образ жизни, который сложился в Афинах? Ничего подобного. В его поэтических строчках говорилось о том, что поэт не смеет читать проповеди или рваться к власти. Его слово должно отражать ту реальность, которая есть, без прикрас. Но ведь жизнь можно изменить...

Когда благодаря Солону кризис в Афинах был преодолен, его отстранили от власти. Отвергли и предложенную им конституцию. Между тем Солон, по сути дела, предложил новую модель цивилизации и личности. Оставляю на ваше усмотрение все аналогии, которые могут возникнуть из моего предваряющего слова. Но в связи со сказанным хотелось бы обсудить следующие вопросы:

1. Как можно охарактеризовать современный имидж России: положительный — отрицательный, ясный — неясный, обозначенный — необозначенный.
2. К чему сводятся усилия власти — «быть демократической страной или казаться ею»?
3. Что определяет имидж современной России?
4. Есть ли традиции, на которые можно опереться при создании имиджа России?
5. Что можно сделать для «облагораживания» образа России?

Каков современный имидж России?

Луков В. На мой взгляд, рискованно сказать — «он положительный». Или, наоборот, утвердиться в мысли, что он, увы, отрицательный. В той же мере, полагаю, нет оснований говорить об имидже как о ясном или неясном, обозначенном или необозначенном. О русском народе можно говорить как о великом. Но относится ли такая характеристика к современному государству в нашей стране? Когда иностранцы говорят о Достоевском или Толстом, они имеют в виду четко обозначенную духовность. Они понимают ее несколько иначе, чем то, что хорошо видно в экранизациях и театральных постановках, нередко вызывающих у нас улыбку или раздражение. Тем не менее, здесь они стремятся нас понять и даже приподняться до русских культурных вершин. Подобным образом происходит в пресловутой «области балета»: французский телеканал «Mezzo» своим приоритетом имеет русский балет. В почете русские художники-авангардисты.

В общем, это большое достижение, но достижение позапрошлого века, которое в узкой зоне современной культуры остается незыблемым и не зависящим от политической конъюнктуры? Но в какой степени выражает имидж нашей страны современная попса? В мире многое знают о России, но еще больше мыслят о ней на основе стойких стереотипов. Когда русский философ Павел Александрович Флоренский размышлял о символе, он противопоставлял ему конкретное в качестве понятия. Определенность не устраняет символ. Имидж выражает определенный уровень понимания. Далее предстоит высвободить его скрытое содержание, позволяющее вычитать более глубокий смысл, заключенный в нем. Поэтому прежде чем ответить на ваш вопрос, надо уточнить, что сегодня подлежит обсуждению?

Гуревич П. Тогда, может быть, начнем с конкретного. Создана Комиссия при президенте по формированию международного имиджа страны. Это как: актуально — неактуально? Ведь имидж заключает в себе огромный практический смысл. В нем не только политические дивиденды, но даже и экономический эффект. Ни одно государство не станет вкладывать капитал в экономику той страны, которая не вызывает уважения или доверия. Невозможно извлечь и политические выгоды, если страна не пользуется признанием. Стратегически важно, будут ли нас оценивать как великую державу или как колониальную страну. Но, с другой стороны, создание имиджа — не сооружение архитектурного завитка на фронтоне неустойчивого здания.

Наши властители, судя по всему, полагают, что авторитет страны поддерживается грозными высказываниями, жесткой позицией по конкретному международному вопросу или прямолинейными идеологическими акциями.

Поэтому, увы, привлекательный образ России в мировом общественном сознании сегодня не просматривается. Вооруженный конфликт с Грузией не принес стране дивиденды. Американские идеологические службы внедрили в общественное сознание идею очередной российской агрессии. Польша, Украина тоже используют любой повод, чтобы демонизировать образ России. Отношения с братской Белоруссией напоминают коммунальные разборки. Как быть?

Луков В. Конечно, здесь есть возможность создавать образ страны для мира, используя технологии манипулирования общественным сознанием. Это уже хорошо разработанные схемы воздействия. Но если только к этому сводится весь вопрос, то обсуждать его философию вряд ли нужно: заказ не обсуждается. Нам интересно говорить на тему имиджа лишь в том случае, если мы хотим, чтобы образ страны не отрывался от ее действительных качеств и отражал живую Россию с ее проблемами и стремлениями решить их. Прежде чем конструировать международный имидж, надо осознать, какой он для нас самих, для народов России, что мы хотим предъявить мировому общественному мнению — некий привлекательный образ страны или ее реальность, хотя бы даже и с постоянным напоминаем, что темные стороны в ней — не вся реальность, как у любой другой страны?

В последнее время много говорится о том, как должна выглядеть наша страна, какие достижения в ней возможны. Толкуем об идеальном социальном устройстве. Но не очень понятно, как до него добраться и на чем. Лермонтовский Демон обещал Тамаре «сны золотые навевать». Актуально ли такое стремление в международном масштабе: Достославное предсказание графа Бенкендорфа, который отвечал при императоре Николае I за тайную полицию и за идеологию: «Прошедшее России было удивительно, ее настоящее более чем великолепно; что касается будущего, то оно выше всего, что может нарисовать самое смелое воображение». Мы снова с этим хотим идти к миру?

Гуревич П. А нужен ли нам вообще привлекательный образ России с учетом новых реальностей? Я говорю это, разумеется, с провокативной целью. В мире происходят грандиозные перемены. Кризис заставил многие государства отбросить в сторону маски благородства и демократии. Цинизм политиков обнаружился весьма отчетливо при обсуждении тайн, связанных с пактом Молотова-Риббентропа. Хотели найти злодеев, а оказалось, что от раскрытия секретов не выиграло ни одно государство. Каждая страна преследовала свои интересы, но при этом были все, что называется, хороши. Сейчас не до игры в привлекательные идеалы. Надо ухватить сырьевые ресурсы, территории. За право обладать пресными источниками будут идти войны. Уже через 20 лет, если не раньше, начнутся войны. Нехватка воды будет ощущаться в Китае, Бангладеш и Пакистане — эти страны попытаются контролировать источники водных ресурсов. Обнародованы данные запасов нефти и газа в Северном Ледовитом океане.

Недавно в журнале «Science» была опубликована карта запасов нефти и газа в Арктике. На ее составление группе сотрудников Американской геологической службы понадобилось пять лет. Оказалось, что в арктическом бассейне содержится 13% мировых запасов нефти — это меньше, чем считалось раньше. А газа тут — 30%. Причем почти все месторождения сосредоточены на мелководье и доступны для разработки. Что же касается нефти, то ее коли-

чество, примерно 10 млрд. тонн, невелико. Грядут немислимые энергетические войны. Может быть, в новых условиях устрашающий имидж более прагматичен? Как насчет новой «империи зла»?

Кантор В. Ход мысли понятен, хотя и обескураживает. Но мне кажется, дикость и варварство все равно будут маскироваться. Цивилизованность — товар, который неплохо котируется на международном рынке.

Гуревич П. Хотел бы к этому добавить, что в наши дни события на международной арене определяются не только сильными государствами. Обнаружился совершенно неожиданный ход событий. Порой небольшое государство, к примеру, Грузия, способно влиять на мировое общественное мнение не меньше, чем какое-нибудь мощное государство, допустим, США или Китай. Это новая реальность. Маленькая страна теперь может манипулировать общественным мнением. И вот для этого как раз нужны не циничные действия, а некий идеологический камуфляж.

Луков В. Солон был, безусловно, прав, когда убеждал своих сограждан, что никто и никогда не должен забывать о том, какое он производит впечатление на других, на чужеземцев. Но прежде чем конструировать международный имидж, надо осознать, каков он внутри страны.

Гуревич П. Когда невесту выдают замуж, сначала пытаются убедиться в ее достоинствах и недостатках. Что мы хотим предъявить мировому общественному мнению — некий привлекательный образ страны или ее подлинную идентичность? Зарубежные политики отлично видят угрозы национальной безопасности страны и хотят использовать наши откровенные провалы в общественной жизни. Ведь не секрет, что у нас ни одна государственная структура не выполняет свои прямые функции в полной мере. Объявляя смертельную войну коррупции, президент назначает на должность губернаторов людей, за которыми тянется длинный шлейф криминальных обвинений. Прокуратура сражается со Следственным комитетом вместо того, чтобы следить за законностью. Милиция не защищает граждан, а карает их. Государственная Дума принимает законы, которые выгодны элите, а не народу. Губернаторы не пытаются поднять экономику края, а расстреливают редких баранов с вертолетов. Это похоже на системный кризис государственной власти. Поэтому у многих соседних стран возникает искушение присвоить себе часть нашей территории, завладеть нашими ресурсами, зерновым рынком, завалить Россию ядерными отходами или генетически модифицированными продуктами.

Кантор В. Сегодняшние газеты читать жутковато, слушать речи политиков и журналистов тоже. Все о том же: Россия потеряла себя, России навязывают чуждую систему ценностей, Россия находится на пороге смуты, Россию злые силы хотят превратить в Запад, а между тем, русский народ хочет жить свойственным ему образом. Прямо апокалипсис какой-то.

Луков В. Согласен в том смысле, что для сотворения имиджа требуется позитив. Нельзя выработать устойчивый образ страны на одних кладбищенских прогнозах или мрачных заклинаниях. Но ведь в результате мирового кризиса представление о России в современном мире значительно ухудшилось. Появились другие критерии для оценки той или иной державы. И один из них, несомненно — способность тех или иных государств выйти из создавшейся катастрофы с наименьшими издержками. Но здесь наша страна не имеет особых приоритетов. Есть все основания полагать, что мы выйдем из

кризиса в числе не самых успешных стран. Да, стереотипы меняются. Образ агрессивной державы, несущей угрозу всему миру, столь непоколебимый в период «холодной войны», теперь замещается другим трафаретом — «кровожадный медведь-монстр». Нас осуждают сегодня за непомерные амбиции, за нецивилизованность, за непредсказуемость. Хочется возразить, но по существу нечем.

Мы пребываем в состоянии наркотического делириума. Утверждаем, хотя никто в мире так не считает, что Россия стала независимой и сильной. Толкуем о том, что за истекшие десять лет влияние державы на мировой процесс укрепилось. Цитируем, как мантру, слова В.В.Путина: «Руки России крепчают». Можно, конечно, обижаться на мир, который не видит наших усилий или превратно их толкует. Сергей Николаевич Бабурин на одном из «круглых столов» привел старую притчу насчет того, как выглядит Россия во внешней политике: «Вот лось — Россия стоит. И Европа — кролик, это образ европейский. Кролик подходит и смотрит. Подходит со стороны хвоста, видит могучие атрибуты самца и говорит: «Понятненько...». Подходит со стороны морды, видит ветвистые рога, говорит: «Непонятненько...» И так вот ходит и ходит. И — «понятненько», «непонятненько». И потенциал есть, но и рога такие, что извините, чего от нас ждать — непонятно во внешней политике...».

Вся проблема в том, что не только кролику-Европе, но и нам самим многое «непонятненько». У нас не было таких скандальных выборов в современной России, как те, что состоялись в октябре прошлого года. Идея суверенной демократии приказала долго жить. Задуманная ради укрепления стабильности общества, она обнаружила свой абсурдный смысл. Примитивизация политической системы, которая позволяет оценивать эффективность каждого губернатора, чиновника, политика по тому, удалось ли ему обеспечить нужный процент. Игнорирование политической незаинтересованности масс, социальной усталости, кризиса долготерпения — вот итоги этих событий. И не только в политике так обстоит дело. У нас трясет страну от открытого подрыва образовательной системы, организованного Министерством образования и науки при потворстве высших властей, но никакие возражения не принимаются в расчет. Так с этим ли строить положительный имидж России?

Гуревич П. Позорные по форме, эти выборы в местные органы власти, бесславное поведение оппозиции в оценке результатов политического мероприятия, а главное упорное желание «закрыть проблему», нанесли огромный ущерб престижу страны. Достаточно обратиться к зарубежным источникам информации, чтобы убедиться в том, что эта тема по-прежнему служит поводом для комментариев, издевок, саркастических выводов. Смысл имиджа, понятное дело, рождается не за рубежом. Разумеется, нельзя игнорировать мировое общественное мнение. Но ведь идея суверенной демократии как раз и покоилась на соответствующем мотиве: никто не смеет указать нам, как нам строить народовластие. Но мы уже не рассматриваем как чрезвычайное событие очередное убийство политика, бизнесмена, адвоката. Борьба с коррупцией превратилась в фарс. Ни власть, ни суд, ни милиция не защищают каждого из нас. Цинизм становится нормой поведения. По-прежнему одна пятая часть населения жирует, а четыре пятых — еле сводят концы с концами.

Когда мы задаемся вопросом, каков современный имидж России, нам важно учесть: привлекательный образ страны невозможно соткать с помощью

имиджевых технологий. Комиссия при президенте по формированию международного имиджа страны не способна изменить ситуацию в стране. Она может предложить лишь косметические усилия для сотворения привлекательного образа страны. Между тем, главная проблема в том, достаточно ли проведенных российских реформ для того, чтобы не дать возможности «реставраторам» катапультировать страну в прошлое? Вошла ли Россия невооруженно в число государств с европеизированной политической и экономической системой?

**К чему сводятся усилия власти —
«быть демократической страной или казаться ею»?**

Луков В. Никто, судя по всему, не сомневается в том, что демократии в России стало меньше. Об этом сказал и Путин во время визита в Польшу. Он отметил, что у нас еще слабая политическая система и незрелый народ. Путин даже выразил готовность и дальше строить демократию, подчеркнув, что путь к демократии будет долгим. Вроде бы в этом заявлении все здраво и оптимистично. Огорчает только то, что эти слова не блещут новизной. То же самое говорит Мубарак в Египте, Каддафи в Ливии, Чавес в Венесуэле. Авторитаризм всегда обещает переродиться в демократию. А на самом деле развивается в прямо противоположную сторону.

Гуревич П. Прежде всего, в стране не прослеживается тенденция к трезвому, разностороннему анализу того, что происходит у нас на самом деле. Оценки экономической ситуации в России крайне противоречивы. Эксперты говорят о назревающем коллапсе экономики, а политики утверждают, что мы вступили в полосу несомненного развития. Кому верить?

Луков В. Россия, как и другие страны, которые оказались основными жертвами кризиса, находятся в бедственном положении. Политики отмечают снижение спада экономического роста и даже возможный его рост. Но прекращение рецессии не означает, что в экономике началось возрождение. До выхода из транса еще очень далеко. Каждый месяц в стране прекращают существование тысячи промышленных, строительных, торговых и финансовых учреждений. Армия безработных не уменьшается, а растет, несмотря на благоприятные прогнозы. Рынок находится на приближении к новым угрозам и трудностям. Как заклинание, звучат слова политиков: «расслабляться еще рано». Лукавая фраза. Стоит, мол, только отказаться от эйфории, и все пойдет путем. Страна старательно приукрашивает реальность.

Гуревич П. Но ведь это не только проблема России. Дефолтом грозит немалый рост дефицитов многих ведущих государств мира. Это результат обширных финансовых вливаний в экономику. Конечно, для нас это особенно тревожно. Ведь эта угроза не дает возможности развиваться экономической инфраструктуре. Но суть дела в том, что мы хотим казаться благополучной страной вместо того, чтобы найти реальный путь к процветанию.

Луков В. Опасность ускоренной девальвации или даже краха доллара может превратиться в реальность мгновенно, неожиданно. Это внесет хаос в сложившуюся систему международных расчетов. Надо ли говорить о том, как отразится на судьбе России такая дестабилизация.

Гуревич П. Неважно выглядит и российский политический истеблишмент. В России по-прежнему нет независимого парламента и суда. Корруп-

ционные скандалы разгораются и исчезают. Нормы права не применяются к тем, кто властвует. Прокуратура не станет доводить дела до судебного рассмотрения, пока не последует высшее указание. В той же мере правомочен сегодня окрик: «этого человека не трогать». Власть исключила народ из управления обществом. Разумеется, элиты и даже руководство Российской Федерации осознают, чем это чревато. Однако изменить «вертикаль власти» уже крайне сложно.

Кантор В. Согласен: дела в нашей стране плохи, и имидж тоже неважный. Но нет ли в наших рассуждениях примитивной постановки вопроса? Получается, что создание имиджа вообще зряшная затея. Подлинные достижения, выходит, говорят сами за себя. Станем развивать демократию, и Америка ахнет и будет нас любить. Но так ли это?

Гуревич П. Конечно, не хотелось бы обойти огромные достижения социальной психологии, политическую практику многих режимов. Сталинская конституция поражала своей грандиозностью, но не избавила страну от массовых расстрелов и бесправия. Советская пропаганда добилась огромных успехов в создании привлекательного образа страны, по крайней мере, внутри державы. Людмила Гурченко вспоминает в своей повести про то, что она, еще совсем юная, думала, как плохо живется в ее станице и как замечательно развивается и благоденствует страна. Основанием для таких убеждений были, конечно, советские фильмы. Сталин использовал для усиления могущества страны даже чрезвычайные ситуации. Едва ли не трагическая эпопея с ледоколом «Челюскин» стала для страны героической эпопеей. Имиджевые технологии работали так успешно, что многие видные европейские писатели обманулись, полагая, что в Стране Советов вообще рождается новый мир.

Луков В. Смысл книги когда-то модного у нас американского социолога Шибутани можно выразить одной фразой: «Надо быть скромным, но надо кричать об этом на всех перекрестках». Иначе говоря, умный человек может восприниматься как дурак, а инвалид умственного труда как глубокомысленный гений. С этой точки зрения, понятно, что создание имиджа страны — дело тонкое. Здесь мы сразу наталкиваемся на стереотипы. Вот в русском бытовом сознании французы легкомысленны, предаются все время любовным приключениям, немцы аккуратны и расчетливы, англичане чопорны, сдержанны, неукоснительно соблюдают традиции. У американцев на уме только работа и деньги, японцы трудолюбивы и вежливы, грузины гостеприимны, но любят прихвастнуть и поволочиться за женщинами, чукчи от природы естественны.

Гуревич П. Хотя это и «ложные картинки», то есть стереотипы, нельзя не признать, что в них есть и нечто подлинное, реальное. Разве педантизм не черта немецкого характера? Может быть, в Америке нет культа денег? Каждый стереотип все же имеет прототипическую основу. Духовный трафарет рождается на реальном фундаменте, хотя затем упрощает ситуацию, доводя ее до «ложной картинки». Но важно иметь в виду, что стереотипы меняются. Возьмем, к примеру, тип негра в американском общественном сознании. В определенном времени он соответствовал образу дяди Тома из известной хижины. Простой, добрый, связанный с природой. Затем в американском общественном сознании закрепился стереотип негра, агрессивного, жестокого, с воспаленной сексуальностью. Прошли годы, и во времена Рейгана негр

превратился в иную фигуру. Социологи писали о том, что динамичная Америка могла бы обогнать весь мир, если бы не негры и пуэрториканцы, которые своей патриархальностью не позволяют обогнать век. В последующие десятилетия огромную популярность приобрел лозунг «Черное прекрасно». Лидеры чернокожих в 1988 году высказались за введение в обиход термина «афроамериканец» взамен «чернокожие». Энтузиазм, связанный с этим лозунгом, привел к тому, что идеологи афроцентризма объявили всему миру: Сократ был негром. Откуда, мол, эта крупная голова, сутулые плечи, широко расставленные глаза. Негр стал символом порядочности, мудрости, терпения. Закончилось все это, надо ли подчеркивать, избранием Обамы. Век назад такой прогноз вызвал бы шок и недоумение. Вопрос ставится так: если один и тот же этнос толкуется через разные стереотипы, которые абсолютно не совмещаются в одном образе, то тогда что такое вообще идентичность?

Луков В. Концепция идентичности столь же обязательна, сколь и не отчетлива. Ведущий аналитик идентичностей американский психоаналитик Эрик Эриксон предложил применительно к ней взаимно исключающие термины — «всепроникающая» и «туманная и непостижимая». Она не поддается стандартным методам измерения. Однако нельзя считать ее только «ложным образом». В значительной степени она постигаема, а главное — оказывает огромное воздействие на общественное сознание. Мы хотим, чтобы нас, людей России, воспринимали как цивилизованных, вполне отвечающих европейским стандартам. Однако имидж не складывается на основе политических заявлений. Если президент страны или премьер заявляют, что наша страна живет по демократическим принципам, то это еще не означает, будто в головах сотен миллионов людей, живущих в западном мире, сразу возникнет образ цивилизованной России.

Сотворение имиджа — процесс сложный, зыбкий. И надо понимать, из какого сора он рождается. Вот, например, английская гражданка, занимаясь любовью, орала так громко, что соседи подали на нее в суд. Гражданка получила осуждение. Но она не умолкла, а стала отстаивать свои слова в высших судебных инстанциях. Дело, мол, частное, интимное, хочу — кричу, а хочу — наслаждаюсь молча. Один такой факт гораздо весомее подтверждает наличие демократии в стране, чем сотни политических заявлений.

Гуревич П. Мы понимаем, что надо выводить страну из экономического кризиса. Мы понимаем, что свою норму революций Россия уже исчерпала и поэтому заботимся о стабильности в обществе. Но осознаем ли мы, что нам нужно, наконец, увидеть себя не через призму чарующих параметров идеального общества, а в том варианте, какими мы видимся посторонними глазами.

Луков В. Хотел бы добавить, что Россия далеко не всегда является олицетворением только отрицательного имиджа. В течение большей части позапрошлого столетия Россия была самой популярной европейской державой в США. Во время Крымской войны наши диппредставительства в Америке осаждали добровольцы, желающие помочь России защитить Севастополь. После неудачного покушения на Александра II конгресс США поздравил царя с «избавлением от опасности по воле Господа». Когда в 1871 году с визитом в США прибыл великий князь Алексей Александрович, его принимали, словно мегазвезду. Куда бы ни пошел младший сын императора, всюду появлялись приветствующие толпы.

Гуревич П. Но, с другой стороны, нельзя не помнить и странную растерянность Николая Яковлевича Данилевского, который как раз в те же годы удивлялся тому, что Европа враждебна России. Эта враждебность сохранялась, несмотря на большие жертвы и услуги, которые Россия оказывала Европе. Он писал том, что Россия никогда не нападала на Европу, а Европа неоднократно вторгалась в Россию. Пытаясь понять эту проблему, Данилевский пришел к выводу, что Россия и Европа принадлежат к различным культурно-историческим типам.

Луков В. Если оценивать Россию культурологически, то она тяготеет к Востоку. Наши жизненные и практические установки — приверженность коллективу, подавление личности, упование на «сильную руку», культ вождя. В России идея равенства, свободы, демократии, уважения прав личности и частной собственности настолько не укоренены в культурной традиции и поведении граждан, что их реализация в жизни часто приводит к совершенно противоположному результату: вместо прав — неправовые способы разрешения конфликтов, маскирующиеся под право, вместо свободы — беспредел, вместо уважения прав личности и частной собственности — постоянное попрание этих прав. С этой точки зрения, Европа и США сторонни для россиянина. Но, с другой стороны, западные ценности тоже постепенно укореняются в нашем сознании. Мы видим, что в России есть стремление к формированию нации в западном понимании. И вполне вероятно, что это обновит представление о русском мире.

Гуревич П. Могут ли русские традиции сегодня консолидировать общество? Вряд ли. Может быть, надо уповать на этнос, на «голос крови»? Но ведь русский мир давно разрушен.

Кантор В. Так ли это на самом деле? Не путаем ли мы реальность и идеологические фикции? Вы же не станете утверждать, что прототип и имидж — это одно и то же?

Гуревич П. Упаси Бог считать имидж зеркальным отражением жизни народа. Он, разумеется, многослоен, создается из разных слагаемых. У каждого народа существуют свои культурные традиции. Никто не оспаривает достижений социальной психологии, на основе которых рождается образ. Но имидж не существует без прототипа. Прежде чем говорить о феноменологии имиджа, важно, вероятно, затронуть тему идентичности, как проблему современного мира.

Что определяет имидж современной России?

Луков В. У каждого человека в сознании существует ментальная модель мира — субъективное представление об окружающем мире. По-другому еще мы говорим: «картина мира». Она состоит из множества образов — простых и сложных — из понятий и суждений, важных для повседневной жизни и ориентирующих нас в наших оценках и действиях. В этом складе много всякой всячины — важного и неважного, но он определенным образом упорядочен, и к центру ближе то, что человек признает «своим», а на периферии оказывается то, что относится к «чужому». «Свое» и «чужое» у каждого разделяется не так уж произвольно, огромное значение имеет то, как проходила ранняя социализация в детстве, как строились отношения с окружающими в юности,

что стало ценностями и нормами личности под влиянием множества людей — близких и почти незнакомых — на протяжении всей жизни. В юности важен вопрос — «делать жизнь с кого?». Когда в обществе старые ценности отвергнуты, а новые не укрепились, ответ на этот вопрос становится рискованным, неопределенным, противоречивым. И не только на уровне индивидуального сознания.

Неясная идентичность становится приметой целых народов и стран. Когда речь идет о формировании имиджа России для других, очень важно определиться, есть ли у самой России ясность, что она такое — куда идет, какое общество строит, с кем и против кого готова объединяться. Что нам дорого, чем хотим быть в будущем.

Гуревич П. Да, картина мира состоит из десятков тысяч образов. Они могут быть простыми, как отражение облаков, плывущих по небу, а могут представлять собой абстрактные построения относительно устройства мира. Индивид нуждается в системе ориентации, которая дала бы ему возможность отождествить себя с неким признанным образцом. Впервые такого рода механизмы были рассмотрены в концепции Фрейда. Исходя из этого понятия, Эрик Эриксон писал уже о психосоциальной, культурной, расовой идентичности.

Для нас эти проблемы важны, потому что мы должны определиться с исторической судьбой России. Рассматриваем ли мы Россию как правопреемницу СССР, сохраняя верность единой летописи страны или, напротив, считаем, что отождествляем себя с новой культурной общностью? Принадлежим ли мы Европе или в нас больше азиатского («Да, скифы мы, да, азиаты мы...»)?

Луков В. Расовые, этнические, религиозные и иные формы дискриминации, в конечном счете, коренятся в эволюционной потребности индивидов в определенных формах групповой идентификации. Группы, которые сумели добиться какой-то сплоченности, возможно, выжили лучше, чем те, которые не сумели ее добиться. Все общества обладают тем, что американский футуролог Э.Тоффлер назвал «психосферой». Она охватывает их идеи, начиная от общности и идентичности. Таким образом, идеи «принадлежности» или «общности» оказываются одной из фундаментальных скреп всех человеческих систем.

Гуревич П. Это, разумеется, так. Но имидж современной России напрямую связан с кризисом идентичности, которая стала острой проблемой для гуманитарного знания. Например, в течение десяти тысяч лет господства на планете сельского хозяйства индивиды прочно идентифицировались с семьей, кланом, деревней, другими группировками. Индивид рождался уже как член семьи и расовой группы. Он всю жизнь проживал в деревне, в которой родился. Религия задавалась ему родителями и местным сообществом. Таким образом, базисные индивидуальные и групповые культурные привязанности определялись при рождении. Групповая идентичность обычно оставалась постоянной на протяжении всей жизни человека.

Луков В. Если вы хотите проследить крушение идентичности, то нельзя обойти и промышленную революцию. Она ослабила семейные формы культурной идентификации. Характер ее меняется радикально. Сегодня, как известно, возникают новые идентификационные группы. Этот процесс получает решающее ускорение благодаря демассифицированным средствам массовой информации. С нарастанием современных цивилизационных преобразо-

ваний многие люди приобрели возможность в выборе культурной идентичности. Заметно ускоряются отныне и темпы социальных и культурных изменений, так что идентификации, которые выбираются, становятся все более кратковременными. Новые формы самоотождествления накладываются на прежние, возможно, более глубоко ускоренные, слои расовой и этнической идентичности.

Гуревич П. Модернизация, глобализация привели к тому, что люди были вынуждены попросту переопределять собственную идентичность, сузить ее, превратить в нечто камерное, более интимное. Но это с одной стороны, а с другой — «расширение идентичности». Представители одного народа все чаще и чаще взаимодействуют с людьми иных культур и цивилизаций. Наиболее отчетливо возникновение новой, «сверхнациональной идентичности», проявилось в Европе. Рождаются новые гиганты социальной жизни — общий рынок, таможенные союзы, регионально-хозяйственные идентичности. Мы говорим и о планетарной культуре. И вместе с тем рушатся прежние культурные идентичности.

Кантор В. Такая ситуация характерна не только для России. Разве крах идеи мультикультурализма в Америке не относится к теме нашей дискуссии?

Луков В. Да, но сегодня надо признать, что в старом смысле слова такого имиджа, который накрепко связывал индивидуальную идентичность и образ страны, нет не только у нас, но и в мире. Это естественный результат глобализации и информационной прозрачности государственных границ. Самуэль Хантингтон в своей последней книге «Кто мы?» сетует на крушение американской идентичности. Он пишет о том, что некоторые государственные флаги, например, триколор, «Юнион Джек» или пакистанский зеленый флаг со звездой и полумесяцем говорят нечто содержательное о национальной идентичности стран, символами которой они являются. Но звездно-полосатый флаг США, по его мнению, выражает уже какие угодно символические значения.

Гуревич П. Но кризис идентичности — не только американская или, скажем, российская проблема. Почти повсюду на земном шаре задаются вопросами: Кто мы такие? Чему принадлежим? Японцы никак не могут решить, относятся ли они к Азии. Географически, сомнений, разумеется, не возникает. Но с западной цивилизацией японцев связывают экономическое процветание, демократия и современный технический уровень. Иранский народ тоже находится в поисках самотождественности. То же самое можно сказать и о Южной Африке. Китай ведет «борьбу за национальную идентичность» с Тайванем. Сирия и Бразилия переживают потребность в новых опознавательных знаках. Алжир тоже сетует на распад идентичности. В Турции споры о подлинной тождественности не утихают...

Луков В. К этому можно добавить, я полагаю, и Мексику. Разве там не говорят о «мексиканской идентичности»? Население Британских островов утратило былую уверенность в британской идентичности и пытается выяснить, к кому оно больше склоняется — к континентальным европейцам или «североатлантическим» народам. В Германии с трудом реализуется проект «общегерманской идентичности». Западные и восточные немцы не располагают общими ценностями. Бывшие граждане ГДР зачастую с тоской вспоминают свое прошлое. Мы видим, что кризис в разных странах приобретает раз-

личные формы, протекает по-разному и сулит разные последствия. Разумеется, едва ли не в каждой стране он вызван особыми, уникальными обстоятельствами.

Гуревич П. Выходит, кризис носит глобальный характер. Мы не одиноки.

Луков В. Беда, пожалуй, только в том, что в нашей стране поиск идентичности не самая актуальная проблема. Захваченные кризисом, модернизацией, мы не всегда отдаем себе отчет в том, что никакая программа «рывка в будущее» не может игнорировать именно эту проблему. Глубочайший кризис в России воскресил конфликт XIX века между славянофилами и западниками. Европейская мы страна или все-таки евразийская?

Есть ли традиции, на которые можно опереться при создании имиджа России?

Кантор В. Нельзя сказать, что эти споры принадлежат только XIX веку. Постоянно задается риторический вопрос: кто мы такие и кем должны быть, чтобы оставаться самими собой, иными словами, речь идет о нашей самоидентификации, о том, какова наша ментальность, или, употребляя более старинное и точное выражение, каков «умственный и духовный строй народа».

Луков В. «Умственный и духовный строй народа», пожалуй, точнее, чем абстрактная идентичность.

Кантор В. Разумеется, на протяжении тысячелетия, в котором существует Россия как государственно оформленное целое, этот строй менялся, как менялись общественно-политические структуры. Но все же какие-то коренные особенности оставались, в зависимости от ситуации играя то положительную, то отрицательную роль. Если верить отечественным романтикам (славянофилам и пр.), то такими особенностями являются общинность, соборность и крепкая православная вера. В 30-е годы прошлого века, когда европеизм уже слишком сильно «заразил» русское общество, этот романтический взгляд обрел каноническую официальную формулу: православие, самодержавие и народность. Три кита, на которых, казалось, вечно стояла и будет стоять Россия, стоять неколебимо. Так мы тогда попытались отделиться от Запада. В эпоху недавнюю, эпоху более плотного железного занавеса, триада превратилась вроде бы в диаду: партийность и народность. Но суть была та же: роевое, общинно-государственное начало в противовес «гнилому индивидуализму Запада».

Гуревич П. А другой лагерь?

Кантор В. Если же обратиться к тем, кто выражал самокритику культуры (Чаадаев и др.), не отрицая ее специфики и самобытности, мы увидим картину более мрачную, но тоже опирающуюся на конкретные факты, а именно: склонность к отречению народа от своих прав, полное подчинение личности государству, а в моменты народных возмущений — дикий произвол, побеждаемый еще более лютым государственным произволом, сызнова приводящим народ в рабское состояние. Из недавних исторических вариаций на эту тему можно напомнить Октябрьскую революцию и гражданскую войну с их лозунгом (по свидетельству Питирима Сорокина) «все дозволено», на смену которым пришла большевистская тирания, невиданная даже в российской истории, нагледевшейся тиранов.

Разумеется, каждая по отдельности, эти точки зрения вполне односторонни, но они, в общем-то, прекрасно взаимодополняются. К примеру, в ситуации сегодняшней «свободы» больше всего жалоб на распад общинных, коллективистских связей, войну всех против всех, как оно было и в Европе в период первоначального накопления капитала. Человек отделился от государства, и выяснилось, что никакой он не общинник, если не считать общинной мафиозной структуры. Рухнул общественный порядок, а апологеты «неособорности» способны только проливать слезы да мечтать о «крепкой власти», наподобие сталинской, которая живо бы всех вновь вернула в коллектив или, если исходить из нынешних идеологических реалий, в «православно-коммунистическую общину».

Луков В. Чем больше споров, тем меньше ясности — что же предпочтительнее. Почему одно рождает другое?

Кантор В. Да, вроде, заколдованный круг... Из «мучительства рождается вольность, из вольности — рабство»?.. (Радищев). Или еще хлеще у героя «Бесов» Шигалева: «Выходя из безграничной свободы, я заключаю безграничным деспотизмом». Или вообще принадлежащая нашей стране одна шестая часть суши является своего рода «заколдованным местом» (Гоголь), из которого как ни пытайся уйти, все равно останешься там, где был?..

Гуревич П. И ничто не меняется?

Кантор В. Стоит, однако, обратить внимание на историко-культурные причины, породившие такое состояние дел. По мнению большинства русских историков, культурологов, философов истории (как романтиков, так и реалистов), тип государства, тип социокультурных отношений, который в той или иной степени продолжается доселе, сложился на рубеже XV–XVI вв. То есть тогда, когда с помощью татар произошла «московизация» Руси (Г.Федотов), затем татарская власть слабела, была отброшена и образовалось непохожее на западноевропейские (хотя примерно в то же время) централизованное государство. Поколебленное реформами Петра и последующей европеизацией, оно было реанимировано большевиками. Его называли «государством правды» (М.Шахматов), «тоталитарным государством» (Н.Бердяев), «народной монархией» (И.Солоневич).

Луков В. Есть ли возможность перечислить и некоторые противоречия?

Кантор В. Все права были у верховной власти, подданные имели только обязанности, но они мирились с этим, поскольку их вынуждали к тому два обстоятельства социально-психологического характера, роль которых в истории много больше, чем мы традиционно считаем.

Во-первых, преобладающим моментом была психология осажденной крепости: кругом враги (так оно и было), природных преград никаких, крепость можно построить не из камней (еще С.Соловьев подчеркивал, что, в отличие от Европы, Россия — страна деревянная (а дерево, как известно, горит), защита же — из тел жителей этой крепости (Ф.Нестеров). Поэтому личность не ставилась ни во что, надо всем преобладали интересы государства. Именно этот архетипический фактор народной психологии столь удачно использовали большевики, объявив страну в кольцо буржуазной осады.

Во-вторых, изолированность и связанный с ней мессианизм. Менялись цари, менялись социальные структуры, но чувство изолированности и мессианизма оставалось.

Возникло оно, возможно, как результат византийского наследия, которое через Балканы (Сербию и Болгарию, неудачно претендовавшую на роль Третьего Рима) утвердилось в России, единственной политически независимой стране с православной верой. Отрезанные татарами от Европы, идеологи российского православия охотно принимали восхваления униженных и разгромленных греков, болгар и сербов, уверявших москвитов, что они одни являются спасителями подлинного христианского благочестия. В момент освобождения от многовекового ига это падало на весьма восприимчивую почву и льстило национальному самолюбию.

Гуревич П. Вероятно, в числе базовых ценностей русского народа можно назвать и мессианство?

Луков В. Мессианство в российском менталитете обнаруживает себя тотчас же, как только речь идет о возрождении национального самосознания, о сохранении исторического пути России. Мы это обнаруживаем и в сочинениях старшеклассников, когда они посвящены, например, такой мировоззренческой теме, как «Что значит быть русским сегодня?».

Гуревич П. С другой стороны, и игнорирование ментальных основ русского национального самосознания привело к печальным последствиям, что поставило Россию на грань выживания как в мире, так и внутри страны.

Кантор В. Мессианизм претерпел всевозможные модификации и метаморфозы, но пафос остался: мы потому одиноки (но могущественны), что несем свет вечной истины, ибо одиночество — родовое свойство пророков. Не случайно те же большевики так легко отвергли западноевропейский опыт пролетарского движения, наконец-то, вроде бы с полным основанием призывая Запад учиться у страны «победившего социализма». Это мессианистическое безумие, начиная с Достоевского, приобрело адептов в широком кругу русской интеллигенции, пусть даже не принимавшей православия или революционаризма, но все равно верившей, что нечто пророческое сейчас совершается именно в России. Например:

*И ты, огневая стихия,
Безумствуй, сжигая меня,
Россия, Россия, Россия, —
Мессия грядущего дня!*

Это из стихотворения Андрея Белого «Родине», написанного в августе 1917 года. Из этих факторов вырастал российский утопизм, т.е. склонность к футуризму, будетлянству: от Чаадаева и Герцена до Федорова, Хлебникова и Маяковского. Что это значит? Это значит неприятие жизни сегодняшней и даже завтрашней во имя жизни послезавтрашней. Таков был один полюс — высокой мечты и жажды всемирной гармонии.

Гуревич П. Мессианство предполагает и жертвенность.

Кантор В. Разумеется, был и другой полюс этого футуристического мессианизма — в реальности пафос будущего вел к идее социальной жертвенности: можно жертвовать собой, своими детьми во имя даже не внуков, а правнуков — в надежде на посмертное (по Федорову) «воскрешение отцов». Дело в том, что «сегодняшняя» жизнь была настолько безысходной, что нормальное «завтра» из этой безысходности никак не вытекало, зато, как звезды из темного и глу-

бокого провала, виделось отчетливо, почти до галлюцинаций, «послезавтра», идущее «через горы времени» (Маяковский) и воспринимавшееся как чудесное преобразование.

В VI выпуске «Голосов из России» Герцен напечатал «Письмо к издателю «Колокола» (автор до сих пор не известен). Хочу привести оттуда слова, по-чадаевски сурово и жестко характеризующие нашу ментальность: «Забота о будущем не в нашем духе; на словах готовы мы взвалить на свои плечи хоть все человечество, будем социалисты, демократы, будем говорить об высокой честности с глазами в крови; на деле — боимся всякого труда, всякой мысли, живем настоящей минутой; наш чиновник ворует для того, чтоб покутить, купец мошенничает, чтоб сыну чин доставить, мужик работает, чтоб пьяну напиться. Даже материальной заботы о будущем нет; на того, кто об этом думает, в России показывают пальцами, он предмет насмешек и неприязни. Иными словами, мы видим невероятный, не свойственный, пожалуй, ни одной другой культуре разрыв между мечтой и реальностью, ибо «мечта о будущем» не есть «забота о будущем».

Ради мечты можно страдать и сражаться, быть винтиком и кирпичиком, утешая себя мыслями об «общем деле», что «ради всех».

Гуревич П. Через призму антропологии рассуждает Розанов о русском народе — сострадательном, невоинственном и добром. Ему суждено преобразовать мещанскую бездуховную западную цивилизацию. Осмысление своеобразия национальной истории и психологии определило и мессианские взгляды Бердяева. Он видел смысл русского мессианства не в гордыне самоутверждения, а в жертвенном горении духа, в духовном порыве к новой жизни. Речь шла об обожении тварного мира и всего космического вселенского дома. Как же это совмещалось с персоналистической установкой философии Бердяева?

Кантор В. Забота требует самостоятельной деятельности, муравьиной хлопотливости в построении собственного дома, труда на себя, что предполагает в культуре независимую личность, которая так и не смогла выработаться в общей массе российского народа, всегда трудившегося на «чужого»: на татар, на казну, на царя, на бар, на партократию. Неумение, непривычка строить сегодняшнюю жизнь приводит к желанию жить «настоящей минутой» (пока «не отобрали» заработанное), не думать о перетекании сегодняшнего дела в завтрашнее (новый хозяин — новые приказы: а сам себе не хозяин), т.е. в реальное будущее, а потому возникают мечты об утопическом прыжке через время, через века, где получат оправдание и сегодняшние бессмысленные страдания и нелепица жизни.

Такова российская «неевклидова математика», преодоление мира, где «все противоречия вместе живут» (Достоевский), идея «единого мига» (так подробно прослеженная у своих героев тем же Достоевским), предполагающая добиться всего не постепенным многолетним трудом, многовековым развитием, а разом — прыгнув через столетия. Только такой мечтой о будущей всеобщей счастливой и равной жизни можно утешить рабов, к тому же и не знающих иного состояния, кроме принудительной общинной уравниловки. Поэтому и вроде бы осуществленная мечта оборачивалась новой модификацией рабства (как у Шигалева: «все рабы и в рабстве равны»), оставаясь жить в народном сознании в качестве мифической реальности («как хорошо

было при Сталине!»), воображенной духовной соборности, «подлинного равенства» и коллективизма.

Луков В. Между тем, духом мессианства заражены сегодня многие публицисты и политики. Путин, говоря о возрождении русского самосознания, несомненно, обращается к хорошо знакомым сюжетам.

Кантор В. Так можем ли мы зажить по-другому? Теперешние процессы — говорят они об изменении ментальности или просто разыгрывается очередной вариант сказки про белого бычка, повтор реформ Александра II, расслоение, а потом новый взрыв?.. Да и вообще — может ли меняться ментальность?.. Ответить однозначно на этот вопрос нельзя.

Но попробуем порассуждать. Скажем, в XV в. трудно было даже отдаленно предположить, что в этой стране проявится гений такого гуманного и всеотзывчивого, всеевропейского поэта, «славянского Моцарта» (Томас Манн), как Пушкин!.. А ведь появился! И появился целый слой, сословие, которое стало жить интересами культуры, причем открытой всем европейским влияниям, воспитывая своих детей на поэзии Пушкина. А в каком-то смысле это важнее многих социальных реформ. Ибо реформы, т.е. сознательное влияние на жизнь, — результат появления рефлектирующего слоя: так полагали, к примеру, русские просветители.

Русская поэзия стала второй церковью, по сути, заместив сервильное, государственное православие с его казенной верой. Как христианство влияло на человечество, создавая из варваров цивилизованных людей, так и русская литература, выросшая на христианстве, оказалась фактором гуманистического просветления русской ментальности. Однако великий самообман российской интеллигенции, попытка перехитрить историческую закономерность, перескочить из российского настоящего в гипотетическое европейское будущее, привели к катастрофе: гуманистические черты были стерты и восстановились, восторжествовали архаические, агрессивные и изоляционистские особенности ментальности, нашедшие на новом историческом витке свое выражение в сталинизме.

Гуревич П. Известный парадокс заключается, на мой взгляд, в том, что многие публицисты апелляцию к славянофильству выражают через идею преемственности русского духа. Не поругание «отеческих гробов» всей тысячелетней российской истории, а сознательное принятие былого мессианства. Впрочем, кое-кто и предлагает отказаться от обращения к былой идеологии, преодолеть этот соблазн. Но у известного евразийца это означает, что русскому народу предназначено утвердить глобальную, универсальную истину, значимую для всех народов земли.

Кантор В. Что же происходит в последние годы? Тирания принудительно-го единомыслия ушла, но многие жалуются: стало легче дышать, но труднее жить. Исчезает духовность, творческое начало. Принуждение политическое сменилось экономико-социальным. Люди не думают о высоком, стали прагматиками, стараются жить на западный манер, «продавая свое духовное первородство за чечевичную европейскую похлебку». Можно, конечно, ответить банальностью, что тому, кто хочет жить духовно, помех нет, бочка Диогена и служба ночным сторожем всегда возможна, а вообще-то за свободу надо платить, и что ни дай — ничего не жалко. И если культура не сумеет противостоять натиску денежного мешка (хотя противоборствовала государству), то

очень обидно, но тогда такую духовность не жаль: во всяком случае, западные интеллектуалы, писатели и художники постоянно показывают, что они способны на независимость. Но лучше не говорить банальностей, а посмотреть на конкретные идейно-смысловые сдвиги в нашей культуре за последние тридцать лет.

После колоссального выброса энергии, длившегося с 1917 года до середины 1950-х годов, русский народ не выдвинул ни одной мессианистической доктрины и не воспринял таковой. Основная идея, начиная с Хрущева, — жить не хуже, чем в Европе и Америке («догоним и перегоним Америку по производству мяса, молока и масла!»). Пропал страх перед государством, а также любовь к нему. Уже в 1970-е годы в передовых слоях интеллигенции развивается апология частной жизни в противовес коллективно-государственной. А интеллигенция в России задает направленность социально-общественного движения. Октябрьская революция явилась, как полагают весьма многие, результатом усилий русской интеллигенции и русской литературы. Именно поэтому, так говорят теперь, революция 1917 года была великим порывом и прорывом к светлому будущему, пусть даже не состоявшимся. А в наши дни торжествует мещанин и спекулянт безо всяких идейных запросов. Но, надо сказать, что и нынешний перелом связан с полувековым (если не больше) стремлением русской интеллигенции (диссидентство и вся потаенная, тамиздатовская и самиздатовская литература) вернуться на тот путь европеизации, с которого она сама помогла сойти России в 1917 году. Именно это и происходит. Причем с невероятной активностью. И характерно, что нынешние радикалы — националисты и неокommунисты — мечтают не о новых победах, а пытаются сохранить хоть что-либо из старого. Речь идет не только о территориальных потерях и приобретениях, но и об идейно-духовном наследии, которое, как им кажется, полностью отвергнуто.

Луков В. А как же с идеей альтернативы нового мирового порядка?

Кантор В. На мой взгляд, «чистый» национализм в России никогда не работал, но всегда облакался в идеи всемирности. Только в этом случае можно было ощущать себя носителями высшей истины (будь она идеей Третьего Рима или пролетарского интернационализма — все равно) и испытывать превосходство над непоследовательными, а потому и враждебными иноземцами. И этот основной архетипический механизм культуры, определявший ее ментальность, остался прежним. Его можно назвать склонностью к заимствованию или тягой к всечеловечности, понимавшейся Достоевским как способность к целостному восприятию всей европейской культуры. Только нынче всемирные идеи другие, ибо изменилась ценностная ориентация и геополитическая структура мира, — идеи открытого общества, рыночной экономики, которые, хоть и в диковатом российском исполнении, уже не ведут к изоляционизму, ибо разрушают жупел «вражеского окружения».

Что же дала эта новая мировая идея? Государственность в коллапсе, а гражданское общество еще не состоялось. Зато слышатся песни бардов: «Теперь толкуют о деньгах!» И, правда, толкуют. Пропагандируют впервые в истории не верную службу, а умение работать на себя. Забыв о «светлом будущем», все хотят быть уверенными не в послезавтрашнем, а завтрашнем дне. Но пока по-прежнему живут «настоящей минутой». Слишком укоренен страх перед непредсказуемыми действиями государства, на первый взгляд, бессиль-

ного, но при том вполне замещающего собой гражданское общество. Точнее сказать, оно бессильно в области защиты человеческой личности, а также потеряло власть и желание принуждать граждан к труду, но, как прежде, все-таки в своих помехах развитию независимой от него экономики.

Государственные структуры хотят все так же контролировать экономику, чтобы собирать с нее жатву удушающих налогов и взяток. От этой неопределенности в нашей жизни царит по-прежнему беспредел, не регулируемый даже идеологией. Избавленное от коммунистических и партийных обязательств и прикрытий, российское троекуровское хамство стало откровенным. Население растерянно, как больной после гипнотического сна. К работе больше не принуждают, а по-другому еще надо научиться. Поэтому в глазах агрессивность, безумие и тоска по палке, заставлявшей что-то делать. Личность другого все так же ничто. Бытовой пример: машины, почувствовав себя без надзора ГАИ, несутся не обращая внимания на светофоры и травят пешеходов, как озверелые охотники несчастных зайцев. Без палки кажется, что «все дозволено». От реализма западных людей мы еще весьма далеки.

Луков В. Кантовский вопрос: «на что я могу надеяться?»

Кантор В. Вместе с тем растет поколение (после двух «небитых» поколений — с середины 1950-х годов), которое не связывает свои надежды на устройство жизни с государством, полагаясь, прежде всего, на личные усилия, ум, талант, умение и ловкость. Оно жаждет независимости, но что из него получится, выйдет ли оно из стихии спекуляции к организации производства отечественных товаров — бог весть! Научиться работать самостоятельно, без государственного принуждения — задача исторической важности и невероятной сложности. Разрешима ли она? Ясно, что открывшийся путь — это путь не в райскую жизнь, не в светлое будущее, а в очень непростой, не менее жестокий, чем прежний (хотя по-другому), но все же свободный мир. Выдержит ли эту свободу привыкшая существовать по закону военного времени — закону «палки», закону принуждения — российская ментальность?

Можно ли тут предсказывать? Во всяком случае, очевидно, что многие черты, характеризовавшие до сих пор нашу ментальность, бледнеют, стираются, уходят в прошлое. Исчезает постепенно психология окруженной данайцами Трои, а соответственно, проходят и чувства изолированности и «законной гордости», мессианизма и хилиастического будетлянства. Становятся предметом рефлексии национальные мифы — о соборности; об особом пути (после снятия железного занавеса можно было убедиться, что путь каждого народа — особый, и все народы по-своему выходили и продолжают выходить из варварских структур безличного коллективизма); о государственности, якобы присущей русскому народу по самой его сути; об общинности, которая, как подтвердил опыт нынешнего столетия, есть не что иное, как фискально-государственный способ держать народ в беспрекословном подчинении (один отвечает за всех, а все за одного — из этой формулы не вывернешься): колхозы, заводские коллективы, бесчисленные партячейки с их принудительным подчинением личности так называемому коллективному решению, а на самом деле — решению начальства...

Луков В. Вы, наверное, обратили внимание на дискуссию, которая развернулась в «Литературной газете». Спор шел о том, можно ли считать русский народ инфантильным, незрелым?

Кантор В. Один из отечественных современных писателей-эмигрантов где-то заметил, что нынешняя Россия становится и станет столь же скучной, как Бельгия и Голландия. Пока не заметно. Да и то сказать: такой скучной жизни Россия еще не испытывала, она для нее в диковинку, а потому на ближайшую сотню лет и не скучна. Трезвость и благоразумие — это пока для нас нечто новое и необычное. Да уже и хватит, пожалуй, интересоваться мир своими бедами и трагедиями, гордясь ими, как знаком отличия от других. Во всяком случае, мечты о «красивых и возвышенных» трагедиях — удел людей сытых и жестокосердных, желающих любоваться извне пожаром горящего дома: что-то от психологии Нерона, сжегшего Рим. Россия, конечно же, остается Россией, а российская ментальность — российской ментальностью. И российские проблемы, трудности и особенности никуда по взмаху волшебной палочки не денутся. Но, возможно, завершается, наконец, затянувшийся период детства культуры, уходит инфантильность, «подростковость», наступает зрелость, «взрослость»... Быть взрослым нелегко, больше ответственности, но это и некоторая гарантия от самоубийственных и жестоких поступков, свойственных молодости.

Что можно сделать для «облагораживания» образа России?

Луков В. Тему молодости я хотел бы продолжить и в ее аллегорическом, и в ее прикладном значении, имея в виду нашу задачу не только порассуждать о сложности «облагораживания» образа России за рубежом, но и поискать пути, как это сделать, не закрывая глаза на проблемы российского общества. Одна аналогия для начала. Несколько лет назад в академическом педагогическом журнале я встретил интересное высказывание о том, как сделать студента высококультурным в наше время, столь далекое в этом отношении. Автор статьи, названной без претензии «Высоты высшего образования», писал: «Когда молодой человек придет в вуз, чтобы стать полноправным наследником великой культуры и науки своего отечества, когда его осознанной целью станет совершенствование мира людей, когда он обретет реальные шансы вырасти выдающимся профессионалом и настоящим человеком». Итак, чтобы стать настоящим профессионалом и настоящим человеком, надо им быть.

Кантор В. Незатейливая мысль...

Луков В. Но трудность как раз в том и состоит, чтобы определить, как сделать студента наследником культуры, что это значит конкретно. Примерно то же самое можно сказать о выполнении задач по «облагораживанию» имиджа России. Если исходить из того, что саму такую задачу можно ставить, когда внутренние противоречия страны будут решены, и Западу (а также Востоку, Югу и Северу) может быть представлен бенкендорфовский образ страны, будущее которого выше всего, что может нарисовать самое смелое воображение.

Кантор В. Зря мы его покритиковали...

Луков В. Даже хорошо, что мы сначала немного побурчали по поводу нынешних порядков. Во-первых, именно для порядка и в духе того, как это делала российская интеллигенция еще в XIX в., во-вторых, для осмысления реальности, того, что происходит, в противовес тому, что — для поддержания порядка же — заявляется властью. В-третьих, чтобы оценить масштаб и дли-

тельность предстоящих работ. Менять имидж — вовсе не самостоятельная задача, которую можно превратить в изолированный проект, закрыв глаза на все, что происходит. Создавать о себе хорошее впечатление — это задача сопутствующая. Сопутствовать здесь означает и следовать за изменениями, происходящими в стране, и подталкивать изменения вперед. Это примерно как уборка в квартире в ожидании гостей: не старайся хозяева создать благоприятное впечатление у гостей о своем быте, не тратьте бы они времени в канун визита на доведение чистоты до блеска. Тоже, между прочим, важная сторона имиджа: должно быть не просто неплохо, а блестяще. Но и в этом случае недопустимо идти по линии масштабной фальсификации и исходить из установки: какой образ России может понравиться Западу, такой мы ему и нарисует. Здесь интересен пример Китая, который тоже строит свой образ для мира, но не путем отказа от своего существа.

Гуревич П. В Китае начали с реальных, а не имиджевых проблем.

Луков В. В отношении России это тем важнее, что многое уже сделано для подслащивания образа России как тотально-демократической и правильной по западным меркам страны. Но в какой мере это так? К интересным раздумьям приводят данные ряда крупных социологических исследований, которые совсем недавно представили в своей книге «Молодежь России: социологический портрет: два крупных российских социолога — Михаил Константинович Горшков и Франц Эдмундович Шерени. Первый из них возглавляет Институт социологии РАН, второй известен как организатор эмпирических исследований и глубокой интерпретации данных, которые по ходу в них собираются.

В 1999 году Горшков и Шереги проводили по заказу Фонда Эберта исследование, в котором опрашивали представителей пяти возрастных групп — 16–25, 26–35, 36–45, 46–55, 56–65 лет. Применение здесь когортного анализа, среди прочего, преследовало цель прояснить поколенческие связи и различия в сфере исторического сознания.

В 2009 году, то есть совсем недавно, а по отношению к тому исследованию — через 10 лет, группа исследователей под тем же руководством провела опрос среди российской молодежи — и тоже задавалась одной из своих целей увидеть, что и как меняется в историческом сознании нового поколения сегодня, спустя два десятилетия кардинальных перемен в российском обществе.

В исследовании 1999 года каждая из возрастных групп оценивала периоды истории страны, на которые приходилась активная фаза их социализации (юность). Каковы же итоги? Что-то совпадает с новыми стереотипами пересмотренной российской истории (представленной в учебниках, написанных на деньги Сороса). Например, по характеристике «страх» в лидерах оказался «СССР при И.Сталине» — 68,7%, «СССР при Н.Хрущеве» дал показатель в 3,5%, «СССР при Л.Брежнев» — 5,3%, «СССР при М.Горбачеве» — 6,7%. Но «Российская Федерация при Б.Ельцине» — 50,6%. Меняется разве что представление об источнике страха: как замечают авторы, при Сталине боялись, что посадят, при Ельцине — что убьют. Высший показатель социальной защищенности дало время Брежнева (75,9%), а низшие показатели — по временам до революции 1917 года (6,0%) и опять же при Ельцине (7,3%). Зато по межнациональным конфликтам в историческом сознании молодежи соответствующей эпохи нашей новейшей истории опять впереди всех времена Ельцина (84,8%) и

Горбачева (45,0%). И по тяжелому экономическому положению Россия при Ельцине набрала больше голосов, чем все другие эпохи (89,3%, самые близкие по рейтингу — Россия до 1917 года и СССР при Горбачеве — по 24,4%).

А как с наличием идеалов? Впереди эпохи Сталина и Брежнева (59,6 и 48,6% соответственно) на фоне 5,8% ельцинского периода. И по дисциплине, и порядку сталинский период оценен высшим показателем (83,2%), а ельцинский — низшим (2,0%). В лидерах по таким характеристикам, как «быстрое экономическое развитие», «любовь к Отечеству», «чувство гордости», «мощная промышленность» — опять-таки СССР времен сталинщины, зато по таким показателям, как «преступность, бандитизм», «бюрократия», «кризис», «неуверенность в своем будущем», «социальная несправедливость», «коррупция, взятки», «бездуховность», с большим отрывом стоит Россия при Ельцине.

Справедливости ради надо отметить, что высокие показатели это время набрало и по характеристикам «возможность стать богатым человеком», «уважение к Православной церкви», «гражданские и политические свободы».

Гуревич П. Интересная динамика.

Луков В. Как показало исследование 1999 года, а оно проводилось на западные деньги, что могло бы вести к искажениям в пользу утвердившейся тогда «демократической власти» (замечательно, что исследователи устояли от соблазна и сделали свою работу профессионально и честно), «от ельцинского этапа истории России отчуждены все поколения» и еще: «основная масса россиян, сознательно или подсознательно, идентифицирует себя с брежневским периодом». И спустя десять лет ситуация не такова, чтобы считать ее совпадающей с намерениями и ценностными ориентациями власти.

В опросе 2009 года сохраняется высокий уровень недоверия к демократическим институтам государства и гражданского общества (к Госдуме, политическим партиям, профсоюзам и т. д.). Только 9,1% опрошенных молодых россиян считают, что внутренняя политика России полностью совпадает с интересами молодежи, а 33,9% считают, что не совпадает. В общем, для идиллического образа России, как готовой идти по западному пути, указываемому МВФ и другими могущественными структурами глобализации по-американски, оснований мало. И надо ли уходить от образов, укрепившихся в народе и передающихся новым поколениям в семье, в ближайшем кругу общения? Лучше бы разобраться, почему в исторической памяти новых поколений, уже не знающих действительности СССР, атакованных идейными противниками социализма — и зарубежными апологетами капитализма, и своими ренегатами, развращаемыми СМИ и рекламой легкой наживы, столь сильны следы советского прошлого, надежды на сильную власть, на государственную заботу.

Это наша российская слабость — или специфика, которую терять нам вовсе несподручно, даже если Запад ожидает другого? От этого выбора зависит и то, какие PR-технологии окажутся предпочтительными и что в итоге получится с продвижением положительного имиджа России. Во всяком случае, ясно, что фальшивый образ нам не выгоден, и он будет разоблачен быстро и бесповоротно.

Гуревич П. Здесь речь идет уже о разных слагаемых идентичности.

Луков В. Прежде всего, осознать свою идентичность. Или скажем так: пора задуматься над тем, кто мы? Куда идем? В чем состоит проблема имиджа — в создании привлекательного образа или в стратегическом осмыслении пути

России? Проблемы должны быть выстроены в той иерархии, в какой они находятся на самом деле. Сначала осознание собственной идентичности. Потом на этой основе проработка стратегических аспектов нашей политики. И уже затем — создание привлекательного образа России. Понятно, что значимость национальной идентичности, особенно в сравнении с другими идентичностями, никогда не оставалась неизменной. Она многократно варьировалась на протяжении человеческой истории.

Гуревич П. Вы сразу начинаете с национальной идентичности. Но ведь в США, например, обнаружение этнической и культурной принадлежности реализовывалась через религию. Затем пришлось определяться идеологически. Надо было как-то оправдать независимость от бывших соотечественников в Европе. Белый цвет кожи, британское происхождение, протестантизм, независимость — вот основные элементы американской идентичности в XVIII и XIX вв. В последние годы XIX в. этнический элемент был расширен и включал в себя не только англичан, но и немцев, ирландцев и скандинавов.

В России сегодня сильны позиции Православной церкви. Известный документ «Проект России», получивший распространение в разных государственных структурах, а затем изданный отдельной книгой без упоминания автора — разве это не попытка облагородить образ России с помощью укрепления православия? В книге есть попытка показать, что демократии в нашей стране нет и не может быть. В ней содержится резкая критика протестантизма. Отмечается, что когда общество отрицает Бога, миром начинает править маммона.

Луков В. Должен сказать, что принадлежность этого проекта к Православию угадывается только по характеру прогноза. Автор, к примеру, пишет: «России нужна сильная команда. Такой командой может быть только идейная позиция. Вокруг денег или личных отношений никогда не соберется сильной команды государственного масштаба. Чтобы появилась настоящая многотысячная команда единомышленников, требуются годы идейной борьбы и лишений. Сегодня такой команды нет и в помине. Следовательно, замахиваться на такие серьезные задачи, не имея сил, значит дискредитировать идею». Но в том и беда, что в стране не задействованы интеллектуальные силы России, которые могли бы открыто и развернуто изложить свои взгляды на будущее державы. Известно, что Православная церковь мечтает о создании политической партии совместно с другими гражданскими движениями. Однако общественность не располагает возможной программой такой консолидации. Кроме того, такой шаг побудил бы представителей других конфессий к интенсивной политической деятельности. Насколько такой прогноз реален и каковы его последствия таких решений? Но мы не можем отвлечься от того факта, что в зарубежных странах Россия оценивается как страна главным образом атеистическая, безбожная. Поэтому устранение данного стереотипа могло бы значительно улучшить имидж России.

Еще одна сторона проблемы — интенсивность идентичности. Вспомним, что Америка как государство — «искусственное образование». Америка была основана европейскими переселенцами, которые в массе своей были белыми британцами и протестантами. Именно их философия, их традиции, их культура зародили основы американского общества. Они-то и определили вектор исторического развития России. Белый цвет кожи, британское происхождение, протестантизм, независимость — таковы основные элементы американ-

ской идентичности в XVII и XVIII в. В последние годы XIX в. этнический элемент идентичности был расширен и включал в себя не только англичан, но и немцев, ирландцев и скандинавов. Все это свидетельствует о том, что американская нация чрезвычайно хрупкая. Она более уязвимая, чем европейские нации. По этому поводу Хантингтон, говоря об американской нации, подмечает, что она, подобно домам переселенцев, выстроена из дерева, а не из камня или бетона. В России же есть почва для строительства национального государства.

Гуревич П. Но вот социолог Бызов считает, что от русского пути остались только одни фрагменты. Он пишет в «Литературной газете»: «Есть русская нация? Не как социально-биологическая популяция, а как носитель цивилизационной идентичности, в которую включаются «кровь», то есть выработанный веками в России генофонд, и «почва», включающая в себя культуру, традиции, архетипы. Что, собственно говоря, представляет собой тот самый человеческий материал, так туго стягивающийся в современную нацию?»

Луков В. Говоря о возможностях улучшения имиджа России, мы постоянно эксплуатируем уже давно известные трафареты. Ссылаемся на особенность российской ментальности, отмечаем враждебность русскому характеру потребительских установок. Что же касается будущего России, то оно мыслится как результат «управленческого пинка». Однако отвлеченные менеджеристские схемы не прилагаются к современным ментальным навыкам россиян.

Возьмем, к примеру, идею модернизации, о которой сегодня говорят с таким энтузиазмом. Мы даже не знаем, каковы ценностные установки современного поколения. Имеются ли в нашей стране хоть какие-нибудь предпосылки для технического рывка? Как можно в этих условиях осуществить коренную перестройку экономических отношений? Или, допустим, провести полную техническую реконструкцию народного хозяйства? Не является ли лозунг модернизации страны очередным насильственным проектом, не увязанным с российской ментальностью? Вряд ли такой проект может обеспечить улучшенный имидж России.

Гуревич П. Мне кажется, что наше обсуждение показало актуальность и значимость затронутой проблемы. Тема идентичности захватывает в свою орбиту, как мы видим, весьма внушительное множество мучительных и болезненных процессов. Власти, разумеется, заинтересованы в изучении этой проблемы. Предполагается, что роль России международных делах оказывается все более весомой. Однако историческая миссия нашей страны реализуется недостаточно эффективно, и не только потому, что образ России демонизирован, искажен средствами массовой информации США и других государств. Только за последние годы стало ясно, что без формирования нового имиджа России не удастся реализовать исторические задачи. О своем имидже заботится каждое государство, имея в виду как репутацию среди граждан собственной страны, так и среди и среди зарубежной общественности. Во втором случае мы имеем дело с международным имиджем.

Со времени написания Н.Я.Данилевским книги «Россия и Европа» прошло 140 лет. Однако ее основные идеи и сегодня актуальны. Он размышлял о том, почему Европа не признает нас своими? Почему она видит в России и славянах вообще нечто ей чуждое? Русский философ не считал, что следует рассматривать Запад как полюс прогресса, а Азию как полюс застоя и коснения. Он пра-

вомерно предлагал различать степени развития от типов развития. Он искал возможности для развития цивилизации как самобытного культурно-исторического типа. Положительный имидж страны помог бы закрепить некоторые политические успехи страны, усилить конкурентные возможности, облегчить практические действия в отношениях с другими государствами.

Обсуждая неотложные финансовые и экономические вопросы, мы относим все, что связано с идентичностью, к разряду менее злободневных дел. Между тем, успешное развитие Китая напрямую связано с тем, что власти этой страны начали именно с феномена национальной идентичности. Они не бросились безоглядно в пучины западных реальностей, сулящих несомненное благоденствие. Вместо того, чтобы расчищать поле для расширения демократии, китайские власти заговорили о неоконфуцианстве, возрождая культ послушания, усердия, труда. Вместо того, чтобы услаждать китайцев прелестями американской массовой культуры, проявили обостренный интерес к национальной художественной практике. Вместо того, чтобы вносить свою лепту в поток международных коллизий, стали укреплять собственную мощь и заставили считаться с растущим авторитетом этой державы. У нас нет таких глубоких и развернутых исследований о российской идентичности, как, скажем, книга С.Хантингтона «Кто мы?», на которую мы ссылались во время нашего обсуждения темы.

Мы не осознали, что идеологическая риторика суверенной демократии, геополитической влиятельности России нуждается не в грозных заявлениях, а в успехах реальной хозяйственной и культурной жизни. Мы так и не смогли напугать мировую общественность «суровой отповедью», потому что не нашли наиболее эффективных способов выхода из кризиса. Тогда мы отдали дань другой крайности и стали заложниками эйфории, рассказывая городам и весям, какими мы хотим стать благодаря умной экономике, взвешенной политике, модернизационному прорыву.

В психологии, как известно, есть два понятия: Я — реальное и Я — идеальное. Можно сколько угодно рисовать образы будущего процветания, не подкрепленные здравым смыслом, конкретной прагматикой, общим энтузиазмом народа. Лозунг «Вперед, Россия!» не всколыхнул страну, не обострил поляризацию общественных сил, не увлек граждан. Слово прозвучало, но не отозвалось ровным счетом никак. Дежурная мобилизационная готовность не пробудила общественную мысль, не вызвала радостного оптимизма. А чему радоваться, когда говорится о президентском кадровом резерве, а из недр выскакивают те же губернаторы с подмоченной репутацией или директора вузов, прославившиеся только тем, что укусили милиционера за палец. История — великая насмешница. Она не прощает глупости, социального фантазерства, идеологического бахвальства. Мы толкуем о модернизации, но при этом не отдаем себе отчета в том, что она принципиально невозможна без смены идентичности. Никакие инновационные рывки невозможны без преобразования национального сознания. Дело вовсе не в том, что в случае провала инновационной стратегии темпы развития России окажутся не столь высокими, место России в мировой структуре не столь желанное, а уровень жизни намного ниже обещанного.

Драматизм ситуации гораздо глубже. Мы можем говорить сегодня об эрозии национальной идентичности. Историческая миссия нашей страны реализуется крайне неэффективно. И дело не только в том, что образ России демо-

низирован, искажен средствами массовой информации. Без формирования нового имиджа России мы не сможем реализовать исторические задачи. Более того, мы стоим перед реальными историческими угрозами. На международной арене все отчетливее складывается образ России как страны третьего мира, которая не способна разрешить свои экономические, демографические, социальные, этнические проблемы.

Более четырех столетий назад Русь не была субъектом мировой политики. Ее судьбой во многом распоряжались другие страны. Но вот мы рискуем снова оказаться в этой неразличимой бездне. Западные политики начинают понимать, что Россию вовсе не обязательно побеждать или завоевывать. Ее можно скупить с помощью коррумпированных чиновников, африканизировать ее. Немыслимые, даже по нынешним меркам, богатства России вызывают необоримое желание растащить ее по кускам, превратить ее в сырьевую колонию.

Каковы те факторы, которые формируют (или могут формировать) российскую идентичность. Во-первых, страна огромна и по населению, и по географии. Как удержать эти масштабы? Одного сырьевого ресурса здесь явно недостаточно. В этой нише невозможно прокормить страну, обеспечить занятость населения, совершить технологический прорыв. Во-вторых, Россия — геополитична. Она встроена в структуру мирового порядка. В-третьих, она поликонфессиональна. Это весьма важный признак в свете «столкновения цивилизаций». И, наконец, Россия амбициозна.

Идея мессианства прочно укоренена в нашем национальном сознании. Мы хотим не только развиваться, но также увлечь человечество нашей исторической судьбой, нашими возможностями. И хотя это идеологическое искушение принесло стране огромные издержки, оно все еще занимает умы России. Уникальность России в ее географии и размерах. Огромны запасы внутренней духовности, которую создали православие и русская культура. Но для того, чтобы создать новый имидж России, нужен нравственный подвиг народа.

К 65-летию Великой Победы

Александр УРБАН

«ВЫЖИЛИ ТОЛЬКО МЫ: ОДИН ИЗ ДЕСЯТИ УГНАННЫХ»

Пройдут года, но эти дни и ночи
Не раз приснятся и тебе, и мне.
И хоть малы мы были очень,
Но победили тоже в той войне!

Неизвестный автор

Одной из самых трагических страниц войны были гитлеровские концлагеря. В 14 тысячах мест «принудительного содержания» (читай — в лагерях смерти!) томились 18 млн. человек из разных стран. 11 млн. из них были уничтожены непосильным рабским трудом, расстреляны, отравлены газом, повешены, сожжены, умерли от побоев и «медицинских» экспериментов эсэсовских врачей-изуверов. У детей изымали костный мозг, доводили до предельного истощения и затем выкачивали кровь...

Это массовое варварство отнюдь не было порождением каких-то отдельно взятых нелюдей в гитлеровской униформе. Это была государственная системная, продуманная политика «третьего рейха» на уничтожение целых народов. Так, согласно разработанному под руководством главы СС Гиммлера генеральному плану «Ост» (1940 год) предусматривалось уничтожение, выселение, онемечивание населения СССР. Конкретно планировалось истребить 30–50 млн. русских. Цель — уничтожить русский народ, а оставшихся в живых превратить в послушных рабов.

Из более 55 млн. жертв Второй мировой войны более половины погибших пришлось на Советский Союз. И только разгром гитлеровской военной машины Красной Армией и союзниками по антигитлеровской коалиции остановил нацистский конвейер смерти.

...Колонны узниц из нацистского концлагеря Равенсбрюк эсэсовцы формировали по ночам. И затем денно и нощно под конвоем с натасканными овчарками гнали их в глубь Германии и к побережью Балтики, чтобы погрузить на баржи и затопить в море. Гитлеровцы нервничали, так как уже слышна была артиллерийская канонада Красной Армии. Заметали следы прежних злодеяний и творили новые — всех, кто двигался медленно или падал, тут же на дороге пристреливали.

Нескончаемые потоки узников. Какое страшное зрелище представляло собой это шествие высохших от голода человеческих скелетов, еле прикрытых полосатыми лохмотьями...

Равенсбрюк был единственным женским концлагерем на территории Германии. Там погибло 92 тысяч женщин и детей.

И он стал последним, который освободили бойцы 2-го Белорусского фронта, которым командовал. К.Рокоссовский. А сколько их было на пути к Берлину, безымянных или с засекреченными наименованиями?

Озаричи, Тростенец, Майданек, Заксенхаузен, Трешлинка, Освенцим...

Названия стали широко и печально известны потом: лагеря смерти «рассекретили» советские воины. И спасли, кого успели.

В марте 1944 года на рубеже севернее полесского поселка Озаричи наши разведчики обнаружили три лагеря смерти, созданных гитлеровским командованием. Разведчики донесли своему командиру: на болотах видели лагерь, огороженные колючей проволокой; за ней на холоде, без всяких укрытий женщины, ребята, старики..

Приказ не заставил себя ждать — коротким стремительным ударом силами нескольких частей узники были освобождены. Загнанные за колючую проволоку, зараженные сыпным тифом, и те, кого еще не свалили инфекция, стояли перед передним краем обороны немцев. Враг специально заразил эту массу людей, рассчитывая, что, общаясь с воинами Красной Армии, они занесут эпидемию сыпного тифа в наши войска.

Бывший узник концлагеря Озаричи Михаил Ефимович Синькевич:

— В болотах Полесья не было крематориев, но были холод, голод, болезни, массовые расстрелы, эпидемия сыпного тифа — люди умирали ежедневно сотнями. Половину составляли дети. Чашу смерти здесь испило население одиннадцати областей Белоруссии, России и Украины. Гитлеровский вермахт использовал узников как бактериологический щит на пути наступления Красной Армии.

От неминуемой гибели были спасены 33 тысячи женщин, стариков и детей. Их нужно было лечить, возвращать к жизни. Потребовались экстренные мероприятия. Штаб фронта выделил необходимое количество автотранспорта, медицинских работников, медикаментов, продовольствия.

Материалы по Озаричам попадут в Международный Нюрнбергский трибунал, который квалифицирует их как «концентрационные лагеря».

Петрозаводск... На той известной всему миру фотографии детей за колючей проволокой концлагеря она стоит в самом правом углу внизу. Фото с «расстрельным» щитом: «Вход в лагерь и разговор через проволоку воспрещён под угрозой расстрела», столбами с туго натянутой на них колючей проволокой. Маленькая глазастенькая Клава (Клавдия Александровна Соболева после замужества — Нюппиева).

...Семью красноармейца Соболева оккупанты выгнали на улицу холодной ноябрьской ночью в первый год войны. Мать и пятеро её несовершеннолетних дочерей поместили в брошенном сарае, без запаса дров, без всякой пищи.

— От пережитого, — рассказывает Клавдия Александровна, — у мамы пропало молоко, маленькую трёхмесячную Эльвиру нечем было кормить. Старшую сестру Марию в 14 лет отправили на лесозаготовки, а нас маленьких и больную маму переправили в концлагерь № 6. Вскоре мама умерла....

Из восьми членов семьи Соболевых в живых осталось только трое. Все, в том числе и Клавдия, инвалиды. Судьба самой младшей, трехмесячной узницы концлагеря Эльвиры, неизвестна до сих пор. Они ищут её всю жизнь.

Ровно тысячу дней и ночей узники фашистских концлагерей, главным образом, дети, томились и гибли в неволе. Таких лагерей смерти было в оккупированном Петрозаводске семь. В них содержалось более 25 тысяч человек, главным образом русских. До ноября 1943 г. эти места заточения назывались концентрационными лагерями, а затем их «гуманизировали», переименовав в лагеря «для перемещенных лиц». Но бесчеловечный режим от этого лучше не стал. Только в лагерях смерти Петрозаводска от голода, холода, болезней и жестокого обращения погибло свыше 5 тысяч человек. Большинство составляли дети школьного возраста и старики.

Вспоминает Аркадий Ярицын:

— Здесь всё было вытоптано, утрамбовано и словно отцементировано сотнями ног. Здесь не то что цветочку — самой неприхотливой травинке не за что было зацепиться, не то что пустить корни. И вдруг шестилетний узник концентрационного лагеря увидел за колючей проволокой это маленькое манящее чудо, цветок, которому он не знал названия. И он потянулся за ним, позабыв обо всём на свете. Где ему было в те минуты помнить о строжайшем запрете лагерных властей: под угрозой расстрела не покидать пределов лагеря. Сухонькое его исхудалое тельце скользнуло под проволоку, и тут на мальчика обрушился град ударов. Резиновая плеть только тогда перестала опускаться, когда его тщедушное тельце покинули последние признаки жизни.

Историки отмечают, что до середины 1943 года уровень смертности в петрозаводских концлагерях был необычайно высок. Он был даже выше, чем в немецких, где смертность достигала 10%, а в лагерях, охранявшихся финнами, — 13,75%.

Соответствующим образом некоторые руководители Финляндии настраивали и армию, которая воевала на стороне гитлеровской Германии. Президент Финляндии П.Свинхувуд (1931–1937) своё отношение к СССР сформулировал лаконично: «Любой враг России должен быть всегда другом Финляндии». Сколько же бед принесла такая «дружба» с нацистами народам наших стран!

Петрозаводск освободили воины Красной Армии и моряки Онежской флотилии. Карельским фронтом тогда командовал талантливый военачальник — «маршал северных направлений» — Кирилл Афанасьевич Мерецков.

Герой Советского Союза генерал-полковник Алексей Семенович Бурдейный:

— На пути к Минску редко можно было встретить деревню, где бы сохранилась хата: всюду трубы сгоревших жилищ да столбы с повешенными или трупы расстрелянных стариков, женщин и детей. Враг никого не щадил. Неподалеку от Минска, в селе **Тростенец**, мы увидели ужасную картину: гигантские костры из бревен и несколько сот обуглившихся трупов...

Заместитель командующего 1-м Белорусским фронтом генерал-лейтенант Николай Александрович Антипенко:

— 24 июля 1944 года, т.е. на второй день после взятия нашими войсками города Люблина (Польша), я приехал туда, чтобы собственными глазами увидеть то, что повергло всех наших людей в шок. Мы и до того знали, что по распоряжению Гитлера в Люблине был сооружен лагерь для военнопленных, поэтому морально я в какой-то степени был подготовлен. Но такого я и в дурном сне себе представить не мог. Проехав через железные ворота, я увидел с правой стороны каменное здание с восемью камерами-печами. В них стояли жаровни, на которых догорали человеческие кости. Рядом — другое здание, где тесными рядами в несколько этажей были установлены деревянные полки, плотно забитые всевозможными очками. Владельцы этих очков уже давно сожжены, а очки хранились. По словам сопровождавшего нас служащего этого лагеря, их насчитывалось свыше 350 тысяч. В третьем бараке, протяженностью до 50 метров с проходом посередине, хранилась детская обувь — около 300 тысяч пар, а дети были сожжены. Посреди двора, недалеко от печи-жаровни, поднимались три кучи пепла высотой полтора — два метра, а в диаметре до двух метров. Это — пепел от человеческих тел, сожжённых за несколько лет. Всего было сожжено свыше 1,5 млн. человек.

Обо всём увиденном я доложил командующему фронтом Маршалу Советского Союза Рокоссовскому... Тогда мы ещё не могли знать, что значительная часть сожжённых — это население самой Польши и нашей страны.

Очень тягостная картина открылась перед нами, когда навстречу частям Красной Армии стали выходить полураздетые и до предела истощённые польские дети, оставшиеся без родителей. По указанию Военного совета фронта в лице К.К.Рокоссовского и Н.А.Булганина мы собрали в различных местах до двух тысяч таких детей и разместили их в полуразрушенных, наспех отремонтированных нами помещениях, отправили им целый поезд с продовольствием... Это было время, когда ресурсы фронта остались далеко позади, а коммуникации еще не были восстановлены...

Освенцим... На пути к нему надо было преодолеть две реки, так как мосты были заминированы. Ни артиллерию, ни авиацию задействовать было нельзя — за колючей проволокой в бараках находились узники. Концлагерь охраняли отборные эсэсовские части с тройной линией обороны. Тем не менее, лагерь был освобожден быстро.

Герой Советского Союза генерал-лейтенант Василий Яковлевич Петренко:

— Утром 27 января 1945 года наши войска освободили концлагеря Освенцим (Аушвиц) и Бжезинку (Биркенау) — два крупнейших концлагеря. В момент освобождения в лагерях было до 10 тысяч заключённых... К началу 1945 года в лагере были уничтожены все евреи. Я увидел детей... Жуткая картина: вздутые от голода животы, блуждающие глаза; руки как плети, тоненькие ножки; голова огромная, а всё остальное как бы не человеческое — как бы пришито. Ребятишки молчали и показывали только номера, вытатуированные на руке.

Галина Александровна Сажина, 9-летней была освобождена в Освенциме (проживает в Волгограде):

— Январь 1945 года. Однажды утром проснулись от грохота машин и выстрелов. Мимо окон все двигалось в одном направлении — на Запад. Вскоре к нам пришёл какой-то мужчина, поляк, и отвёл нашу группу в брошенные немцами казармы. Там мы прятались в соломе. Долго лежали в полном неведении, пока в утреннем тумане начинающегося рассвета не увидели в открывшихся дверях силуэты мужчин и не услышали русскую речь:

— Русские? Здравствуйте, ребята!

— Русские! Русские! — отозвались самые храбрые и пошли им навстречу.

Помню, я стою раздетая на медосмотре перед немолодым усатым мужчиной в белом халате. Слышу:

— На кого ты похожа? Что они с тобой сделали?

Я — в слёзы, а он успокаивает:

— Не реви! Мы с тобой ещё сто лет проживём. Хватит сто?

— Хватит, — пытаюсь улыбнуться, искренне считая, что лучше этого человека никого на свете не может быть.

Сегодня как-то не принято об этом говорить, но, думается, сказать надо. С нацистским режимом и руководством концлагерей активно сотрудничали многие руководители германских фирм, названия которых на слуху и сегодня. Так, фирма «Байер», к примеру, «в связи с проведением экспериментов с новым снотворным» попросила в Освенциме 150 женщин. Немного поспорили о цене — 200 марок за одну голову «исследователям» показалось много. Сошлись на 170. И вскоре отчитались: «Опыты проведены. Все подопытные умерли. Мы вскоре свяжемся с вами относительно присылки новой партии».

Федеральный канцлер ФРГ Герхард Шредер (из выступления в бундестаге в День памяти жертв национал-социализма; этот день приурочен к освобождению узников Освенцима и отмечается в ФРГ уже несколько лет):

— 27 января 1945 года лагерь смерти Освенцим был освобожден советскими солдатами. Что там открылось перед их взором, еще и сегодня заставляет мир и нас содрогаться от омерзения и ужаса.

Несмотря ни на что, люди сопротивлялись, как могли. Ненависть к нацизму объединяла граждан разных стран, независимо от их политических убеждений и вероисповедания. Объединяла она здесь и взрослых и детей — всех клеймили одинаково, смерть угрожала и тем, и другим в равной степени. Выжить в лагере самому и помочь выжить ближнему — означало победить врага.

Бывший узник Бухенвальда Николай Фёдорович Кюнг:

— Считаю необходимым рассказать ещё об одной «страничке» бухенвальдского подполья — о школе для маленьких советских узников. История её создания и существования не менее опасная и сложная, чем подпольная борьба. Чтению и письму детей учил старый учитель Никодим Васильевич Федосеенко из Днепропетровска (сейчас за его могилой ухаживают учащиеся одной из школ города). Я, как специалист по истории, преподавал детям историю и географию СССР. В феврале 1945 года я слушал первый диктант учителя малышам, только что научившимся письму:

— Пишите: «Мама моет раму. Папа роет фашистам яму...» Написали? Теперь далее...

Это было в 120 метрах от колючей проволоки под током и в 200 шагах от крематория!

Наши войска в это время штурмовали Будапешт, Бреслау (Вроцлав), выходили к Одеру, а американские — топтались у Рейна...

В последние дни крушения фашистского рейха воинами Красной Армии были вызволены из гитлеровских лагерей смерти и тюрем тысячи немецких антифашистов, сотни тысяч иностранных рабочих и военнопленных.

На **Фалькензее** советские солдаты не дали эсэсовцам расправиться с 2500 узниками, среди которых был видный деятель компартии Германии, один из руководителей антифашистского подполья Макс Рейман.

1 мая 1945 года танкисты 2-го Белорусского фронта неподалёку от Шверина перехватили колонну из 30 тысяч узников концлагеря **Заксенхаузена**, которых гитлеровцы намеревались посадить на корабли и утопить в водах Балтики. Вместе с советскими бойцами в разгроме эсэсовского конвоя приняли участие и заключённые.

И сколько еще людей пропустила бы через свои жернова нацистская машина уничтожения, если бы Красная Армия не продвигалась тогда столь стремительно к гитлеровскому логову? Если бы не были погашены печи крематориев Майданека, Треблинки, Освенцима, Дахау, Заксенхаузена, Равенсбрюка, Маутхаузена и т.д.? Если бы там продолжали орудовать врачи-изуверы?

Вспоминает Маршал Советского Союза К.К.Рокоссовский:

— По дорогам Германии ползли не только унылые колонны пленных. На дорогах бурлила, била через край и подлинная человеческая радость. Толпы людей с криками ликования встречали нас, приветствовали на всех языках мира. Сердце замирало при виде этого разноплеменного людского моря. Люди в отрешках, изможденные донельзя, многие еле на ногах держатся, поддерживают друг друга, чтобы не упасть. А в глазах — счастье.

Это вчерашние узники фашистских концлагерей. Люди, которых ожидала смерть. Их освободили, им вернули жизнь мы, советские солдаты.

Здесь люди, согнанные в Германию из всех стран Европы. Бесправные рабы, они были обречены трудиться на своих поработителей, пока не свалятся от хронического голода, болезней и истощения. Теперь они снова стали свободными людьми, возвращались к своим домам, к своим семьям. И благодарили за это нас, советских солдат.

Кого здесь только не было: русские, украинцы, белорусы, поляки, чехи, сербы, черногорцы, французы, бельгийцы. Всех не перечесать. Трудно описать их восторг, радость, безграничную благодарность, выражаемые словами, жестами, взглядами, обильными счастливыми словами. Они встречали нас песнями на родном языке, с флагами, плакатами, поясняющими, какой нации принадлежат освобожденные. Возгласы в честь советских воинов, в честь Советской страны одинаково вдохновенно звучали на всех языках. Эти трогательные моменты на всю жизнь врезались в нашу память.

Здесь было много французских, английских, американских, бельгийских, голландских солдат и офицеров, в разное время попавших в плен к гитлеровцам. Среди освобожденных оказался и начальник генерального штаба бельгийской армии с большой группой генералов и офицеров.

У Военного совета фронта, помимо текущих дел, добавились новые. Пришлось взять на себя заботы о десятках тысяч людей, освобожденных из фашистской неволи. Позже мы получили десятки, сотни писем от правительств и разных организаций с горячей благодарностью за освобождение их соотечественников и заботу о них.

...Выросли новые поколения. Они очень мало знают о чудовищных преступлениях нацистов. И это объяснимо. Ведь СМИ России и других стран весьма редко касаются этой темы. Не дремлют разве что последователи нацистов. Вакуум заполняется неонацистскими идеями. И не всегда безуспешно. И разве не имеют морального права возвысить свой голос люди, прошедшие через нацистский ад? Рассказать несведущей молодежи правду о злодеяниях гитлеровцев и их приспешников?

Сегодня самому молодому из жертв нацизма под семьдесят. И страдальцев по-прежнему мучают тяжелые воспоминания, одолевают всевозможные болезни. Они уходят из жизни, унося с собой крупницы очень важной и невосполнимой информации о жестоком прошлом детей войны.

Из заявления бывших малолетних узников фашизма — участников Международной конференции в Саратове (сентябрь 2009 года): «Мы хорошо знаем и помним, кто были палачи, а кто спас народы Европы от порабощения, а нас — от физического уничтожения. Это были героические воины Красной Армии, их товарищи по оружию из стран антигитлеровской коалиции, партизаны и подпольщики, борцы антифашистского Сопротивления. Мы им обязаны жизнью, потому что за наше спасение они платили своими жизнями.

...Дети должны иметь счастливое будущее, радоваться жизни! Мы хотели бы передать им такое счастливое будущее взамен за своё изломанное и потерянное детство. Передать и от имени ребят — наших сверстников, кто был превращен в пепел нацистскими палачами и не вернулся на родную землю. Выжили только мы: один из десяти угнанных».

Маленькими детьми они оказались в концлагере № 6 оккупированного Петрозаводска. После войны, став взрослыми, начали работать в одном учреждении. Из рассказов о себе выяснили, что они не только земляки, а целых три года пленённого детства провели под общей крышей лагерного барака.

...Когда Юрий, придя на первое свидание к Валентине, преподнёс ей букет роз, она печально и задумчиво промолвила: «Спасибо, милый, но их стебли с шипами напоминают мне колючую проволоку».

Председатель Международного союза бывших малолетних узников фашизма, член-корреспондент РАН РФ Николай Андреевич Махутов:

— На одного погибшего во время войны ребёнка Германии приходится 15 погибших и замученных советских детей. Это могло быть только следствием преступных действий нацистского руководства по уничтожению целого

детского поколения, а не гибели детей в зоне военных действий. Огромную роль в уничтожении детей сыграли предатели нашего народа, перешедшие на службу к фашистам. Мы это видели своими глазами... Попытки обелить фашизм в его преступлениях против детей, сделать предателей борцами за «освобождение» русского, украинского, белорусского, прибалтийских народов не согласуются с нашей человеческой памятью.

Массовое уничтожение людей различных национальностей немецко-фашистские захватчики осуществляли при активной поддержке десятков тысяч местных пособников, стремившихся попасть в число «полноценных арийцев». Особо «отличились» в рейдах против партизан каратели из Эстонии, Латвии и Литвы, украинские националисты. Они — соучастники самых страшных преступлений против русского, белорусского, еврейского и других народов СССР, в том числе и против собственных народов.

Из Открытого письма президенту Украины В.А.Ющенко группы граждан, проживающих в разных городах Российской Федерации, — бывших несовершеннолетних узников фашистских концлагерей: «У нас не может не вызвать тревогу оживление националистических сил из ОУН-УПА на Украине и Ваше личное весьма странное отношение к этому. Полагаем, что имеем моральное право говорить открыто и прямо, кто такие бандеровцы и что творила эта «воюющая сторона», как Вы её называете, в лице ОУН-УПА в годы Второй мировой войны и даже после нее.

Думаем, Вам известно, что две трети охранников фашистских концлагерей в Европе составляли «бойцы» ОУН-УПА и их коллеги из Прибалтики и Польши. И что они — военные преступники. Не только охраняли. Дав присягу на верность Гитлеру, украинские националисты «воевали» с... безоружными женщинами, детьми и стариками. Карателями становились добровольно и выполняли эту «работу» с особой садистской жестокостью. От их рук погибли 1,5 млн. евреев, 1 млн. украинцев, 500 тысяч поляков. Как известно, в Бабьем Яру было расстреляно до 200 тысяч человек — из 1500 карателей там было 300 немцев, остальные — представители «воюющей стороны» из ОУН-УПА. Это они сожгли белорусскую Хатынь, десятки других деревень вместе с людьми, погубили командующего 1-м Украинским фронтом генерала армии Н.Ф.Ватутина, легендарного разведчика Н.И.Кузнецова. Их жертвами были борцы Сопротивления, партизаны, бойцы Красной Армии.

Против гитлеровских захватчиков они оружия не поднимали — об этом свидетельствуют германские архивы».

Ради памяти павших тем, кто живет сегодня, важно осознать и усвоить уроки Второй мировой войны. Бывшие узники фашизма делают всё возможное, чтобы сохранялась память об освободителях и спасителях — воинах и полководцах Красной Армии. Учреждена памятная медаль «Непокорённые», которой отмечаются стойкость и верность Родине, мужественное поведение в фашистской неволе. Эта награда на груди бывшего узника, государственного деятеля, священнослужителя, студента и школьника выделяет его как достойного хранителя исторической памяти о Великой Отечественной войне.

Владимир РОЩУПКИН

ПРОВАЛ ОПЕРАЦИИ «ОРЛИНЫЙ КОГОТЬ»

В Иране помнят неудачную спецоперацию США.

Предыстория этих событий такова. В феврале 1979 года в Иране в результате Исламской революции власть перешла в руки духовенства во главе с аятоллой Хомейни, провозгласившим создание «Исламской республики». После свержения шахского режима отношения между Тегераном и Вашингтоном резко обострились...

4 ноября 1979 года группа иранских студентов — адептов духовного лидера иранской революции аятоллы Хомейни, поддержанные правительством Ирана, захватила американское посольство в иранской столице. 53 сотрудника посольства удерживались в качестве заложников.

Это было сделано под предлогом того, что посольство стало «гнездом шпионажа» против Ирака и исламской революции. Что, кстати, подтвердили опубликованные позднее документы, захваченные в американском диппредставительстве. Студенты потребовали от Америки выдачи бывшего шаха Мохаммеда Реза Пехлеви (вместе с семьей монарх покинул страну) и возвращения награбленных богатств, размещенных в банках Запада.

По некоторым данным, подтвержденным, в частности, первым президентом Ирана Абольшасаном Банисадром, в числе тех, кто удерживал американское посольство, был и нынешний глава государства Махмуд Ахмадинежад, в ту пору студент престижнейшего вуза — Тегеранского университета науки и технологий. Вскоре после Исламской революции он добровольцем вступил в ряды КСИР — Корпуса стражей Исламской революции. В годы ирано-иракской войны Ахмадинежад принимал личное участие в разведывательных и диверсионных операциях на территории Ирака.

Тогда, в 1980-м, угрозы Ирану со стороны американского госдепа не помогли. США решили освободить заложников с использованием группы американского спецназа «Дельта форс», или в обиходе — просто «Дельта». Помимо спасения американских агентов и дипломатов, задержанных в посольстве США в Тегеране, важно было восстановить подмоченный имидж Вашингтона.

22 марта 1980 года президент Джимми Картер одобрил проведение спецоперации, получившей кодовое наименование «Орлиный коготь» (Eagle Claw). «Для ее выполнения, — свидетельствовал Збигнев Бжезинский, — мы заручились великодушным сотрудничеством одной дружественной страны и уже без ее ведома обеспечили сотрудничество кое-каких стран в этом районе».

Исполнителями определили небезызвестный ныне отряд командос «Дельта» под руководством ветерана вьетнамской войны полковника Чарльзом Беквитом (Charles Beckwith) и создававшееся тогда в строгой секретности вертолетное спецподразделение 160 («Ночные охотники») под командованием полковника ВВС Дэна Кайла (Dan Kyle). Спецподразделение 160 формировалось из опытных пилотов-добровольцев и было оснащено новейшими вертолетами «Литл Бёрд» — сверхскоростными, маневренными и малошумными. Командир «Ночных охотников» бригадный генерал Хэнниз говорил, что «здесь собраны лучшие из лучших, умеющие безукоризненно действовать на пределе возможного». На шевронах хантеры носят девиз «Во мраке ждет смерть».

Согласно плану военно-транспортные самолетами «Геркулес» C-130 в сопровождении вертолетов «Си Стэллион» («Морские жеребцы») должны были доставить отряд командос в район ночной дозаправки горючим в пустыне Деште-Кевир (Пустыня-1). После дозаправки вертолеты должны перебросить группу «Дельта» в район ожидания «Пустыня-2» у заброшенных соляных копей в 50 милях от Тегерана. Переждав день в укрытиях, на следующую ночь бойцы группы «Дельта», переодетые в гражданскую одежду, должны были совершить бросок в Тегеран на машинах, которые предоставят американские агенты, заранее заброшенные в Иран. Достигнув посольства, командос уничтожают охрану и освобождают заложников. Эвакуацию спецназовцев и заложников планировалось осуществить с помощью вертолетов RH-53D, которые должны приземлиться на территории посольства или на ближайший стадион. Огневую поддержку с воздуха оказывали три самолета AC-130, вооруженные скорострельными пушками.

Далее вертолеты эвакуируют спецназовцев и заложников на заброшенный аэродром Манзарийя (Manzariyeh) в 50 милях к югу от Тегерана. Этот аэродром к тому времени должен быть захвачен и удержан другим отрядом рейнджеров. Туда садятся военно-транспортные самолеты C-141, которые вывозят всех участников операции на секретную авиабазу в Египет под прикрытием палубных истребителей ВМС США.

План операции «Орлиный коготь», рассекреченный лишь несколько лет назад, осложнялся длительностью (две ночи), многоэтапностью (из-за удаленности Тегерана от морских границ) и необходимостью действовать в крупном городе. Поэтому участники рейда тренировались всю зиму 1980 года. Учения и тренировки проходили в пустынной местности в штате Юта, где природные условия и ландшафт схожи с пустыней Деште-Кевир. Консультировали участников спецы из западногерманской разведки, израильской «Моссад» и английской SAS (Special Air Service).

В середине апреля полковник Беквит, еще с вьетнамской войны широко известный в узких кругах профессионалов как Атакующий Чарли, и полковник Кайл отпрапортовали о готовности председателю Объединенного комитета начальников штабов генералу Джонсу. Но как потом стало известно, руководители операции не доложили «наверх» о том, что мартовские контрольные учения показали «полное отсутствие профессиональной выучки в вертолетном подразделении». На итоговых ночных учениях вертолеты приземлились на расстоянии мили друг от друга. Как бы то ни было, президент США Джим-

ми Картер принял в Белом доме Беккета и Кайла, торжественно пообещав им: «Америка по достоинству оценит ваш подвиг. Каждый участник будет награжден высшей наградой страны — Почетной медалью конгресса».

Операция началась 24 апреля 1980 года. Предварительно эскадрилья С-130 была переброшена в Египет под предлогом участия в совместных учениях. Далее они перелетели на остров Масира (Оман). После дозаправки эскадрилья «Геркулесов» в темноте пересекла Оманский залив. В это же время с палубы авианосца «Нимиц» в Оманском заливе вылетели 8 «Морских жеребцов». Хотя в принципе для проведения операции достаточно было двух вертолетов RH-53D, рассчитанных на 50 человек. Но с учетом упоминавшегося выше невеселого вывода о низкой выучке вертолетчиков полковник Беквит решил перестраховаться аж в 4 раза. И как в воду глядел (Залива). Один «жеребец» упал в воду у палубы «Нимитца», второй потерял ориентировку и вернулся на авианосец. Третий вертолет сошел с дистанции из-за отказа гидравлической системы.

Так или иначе, 24 апреля шесть американских транспортных самолетов С-130 и восемь вертолетов с 90 спецназовцами на борту пересекли государственную границу Ирана, нарушив тем самым его суверенитет, и направились в Тегеран. (Туда были заблаговременно засланы специальные агенты для сбора разведанных.) С юга вторгшуюся воздушную группировку прикрывало большое количество других самолетов, в том числе и радиоэлектронного противодействия. Они кружили над Персидским заливом и Аравийским морем.

Но после шестичасового перелета примерно в 400 км от иранской столицы над пустыней Деште-Кевир самолеты и вертолеты попали в песчаную бурю. Командир ведущей машины кричал, что надо немедленно убираться. Другой твердил, что не может взяться за штурвал. «Атакующий Чарли», он же полковник Беквит кричал на всех, что они, мол, трусы и козлы.

По плану операции была предусмотрена дозаправка на земле оставшихся пяти «жеребцов», которые должны были перебросить дельтовцев из «Пустыни-1» в «Пустыню-2». Но гладко было на бумаге, то есть на карте: в ЦРУ допустили явную ошибку при выборе площадки «Пустыня-1». Она оказалась рядом с действующим шоссе. Неудивительно, что вскоре участники операции увидели огни автомобильных фар. Коммандос подумали, что это иранские солдаты. Однако это был рейсовый автобус с сорока пассажирами. Американцы остановили его и под угрозой оружия заставили иранцев лечь лицом в песок.

Уже с этого момента было ясно: факторы скрытности и внезапности были утрачены. В Вашингтон пошел запрос, что делать с иранцами? Не мудрствуя лукаво, там решили: всех погрузить в «геркулес» и вывезти из Ирана.

После заправки один из вертолетов, взлетев в облаке пыли, врезался в «Геркулес» — воздушный заправщик. Раздался мощнейший взрыв. Обе машины вспыхнули. Все топливо для операции сгорело. Рвались боеприпасы и даже запаянные в жестянки сухпайки. Началась паника. Расположившейся недалеко группе коммандос показалось, что это атака иранцев. Они открыли беспорядочный огонь. Огонь в никуда... В суматохе вертолетчики побросали свои машины и принялись бежать куда подальше. В кабинах остались секретные документы карты, шифры, таблицы, новейшее оборудование,

тысячные суммы в долларах и риалах. (Найденные на другой день иранцами секретные документы позволили им арестовать действовавших в стране агентов, уцелевшие же вертолеты были переданы иранским ВВС.)

В этой ситуации полковникам Беккету и Кайлу ничего не оставалось делать, как отдать приказ убираться из проклятой пустыни: «Бросаем все, загружаемся на «Геркулесы» и сматываемся». Полковники к тому же нарушили устав, не ликвидировав оставшиеся вертолеты. Когда группа поднялась в воздух, на земле остались стоять пять «жеребцов» и восемь «птичек». Операция «Орлиный коготь» обошлась Америке в 150 млн. долл. и в 8 погибших «джи-ай».

Как заведено не только в американской армии, надо было найти «стрелочников». Таковыми объявили тех, кого уже не было в живых, присовокупив сюда же нелады с техникой. ВВС указывали, что случившееся — итог отмены призыва, который привел к снижению квалификации пилотов и техников: ведь в операции участвовали добровольцы... После анализа причин провала операции «Орлиный коготь» было сформировано объединенное командование специальных операций и проведены реорганизации в военном ведомстве.

...6 мая 1980 года президент Картер приказал объявить в стране траур по восьми погибшим парням. Из их сослуживцев 5 октября 1981 года уже официально было сформировано вертолетное спецподразделение 160 «Ночные охотники». Оно принимало участие во всех разведывательно-диверсионных операциях Пентагона. Гренада, Замбия, Панама, Персидский залив... Именно «Хантеры» осенью 1987 года потопили в Персидском заливе иранский танкер «Адждр». После начала известных событий в Югославии (март 1999 года) их по приказу президента Клинтона перебросили в Македонию.

А что стало с заложниками, обвиненными в шпионаже? Они удерживались в американском посольстве в Тегеране в течение 444 дней, до 20 января 1981 года. Символично, что это был последний день президентского срока Дж. Картера, проигравшего выборы Рональду Рейгану. Их освободили после ряда дипломатических переговоров, а конкретно — после согласия США пойти на определенные уступки (размораживание некоторых иранских счетов в американских банках и др.).

Каждые год в апрельские дни несколько тысяч иранцев собираются в пустыне, где потерпели катастрофу американские военные вертолеты. Акции в пустыне, где разбились американские вертолеты, проходили под лозунгом «Смерть Америке». В распространенном организаторами заявлении говорилось: «Божественное провидение всегда защищало иранский народ. Мы будем настаивать на нашем праве развивать ядерные технологии, поскольку победа всегда с теми, кто терпелив». А иранские парламентарии не раз советовали Вашингтону не повторять своих ошибок. «Следует напомнить США, что случилось 25 апреля 1980 года». Это слова спикера иранского парламента Голям Али Хадад-Аделя.

Свой вклад в освещение неудачной спецоперации янки внесло и иранское государственное телевидение. В многочисленных кофейнях и домах иранцы с воодушевлением просмотрели фильм «Песчаная буря», посвященный провалу операции «Орлиный коготь». Особое оживление у зрителей вызвали эпизод с песчаной бурей. Диктор прокомментировал его следующим образом:

песчинки, погубившие вертолеты и американских коммандос, были «солдатами Бога». Именно эти необычные «солдаты» встали на защиту «священной власти Исламской республики».

В случае успеха операция «Орлиный коготь», по мнению экспертов, могла вызвать большое число жертв среди гражданского населения Ирана и привести к серьезному осложнению международной обстановки. Что касается нынешней ситуации в отношениях между Тегераном и Вашингтоном, то Америка заявляла о стремлении урегулировать конфликт вокруг иранской ядерной программы дипломатическими средствами. Но как не вспомнить, что глава предыдущей американской администрации Джордж Буш не исключал и военные действия против Ирана! На фоне событий в соседнем Ираке и Афганистане они стали бы опасным звеном в цепи военной эскалации, способной привести к военному пожару не только в регионе...

Всеволод ОЛЕАНДРОВ

КАК РУССКИЙ ЯЗЫК СТАЛ РАБОЧИМ ЯЗЫКОМ ООН

Первоначально, согласно правилам процедуры, подготовленным в 1945 году, официальными языками ООН были: английский, французский, испанский, русский и китайский, а рабочими языками — только английский и французский. Это относилось ко всем органам ООН — Генеральной Ассамблее, Совету Безопасности, Экономическому и Социальному Совету и всем вспомогательным органам. Различие между официальными и рабочими языками заключалось в том, что на официальных языках издавались (хотя далеко не сразу) все резолюции и все основные документы ООН, а на рабочих языках проводилась вся повседневная работа на заседаниях, вносились предложения, документы, разъяснялись позиции. На рабочих же языках издавались в оперативном порядке стенографические отчёты заседаний, все документы, резолюции и на них переводились речи, произнесённые на любом официальном языке. Это означало, что, если делегация вносила предложение на ином языке, кроме английского или французского, то она сама должна была сопровождать его переводом на один из рабочих языков.

Затем в 1948 году Генеральная Ассамблея решила включить испанский язык в число своих рабочих языков. Однако в Совете Безопасности, который сам устанавливает свои правила процедуры, в том числе и в вопросе о языках, такого решения не было. Дело в том, что на Генеральной Ассамблее в то время латиноамериканские страны составляли значительную часть участников Ассамблеи, превышавшую по своей численности любые другие группы государств. Это была сплоченная группа в составе 20 стран, полностью поддерживавших Соединенные Штаты в их политической позиции в условиях начинавшейся «холодной войны». В качестве поощрения и усиления влияния своих союзников США поддерживали их стремление закрепить испанский язык в качестве не только официального, но также и рабочего языка Генеральной Ассамблеи. Это было демонстрацией того, кто являлся в то время «хозяином большинства» на Генеральной Ассамблее ООН. США и их союзникам вполне хватало голосов на Ассамблее, чтобы принять это решение. Другие страны особенно не возражали, хотя им тоже хотелось возвести свои языки — русский, китайский, арабский — в разряд международного рабочего языка. Однако сделать это у них тогда не было возможности.

Обстановка в Совете Безопасности была иной. Там были только две страны Латинской Америки. Они опасались, что, в случае постановки этого вопроса в

Совете, другие государства могут осложнить и задержать его решение, внося конкурентные предложения.

С течением времени политическая обстановка в мире и в ООН менялась. После 1960 года, когда Советский Союз внес в ООН Декларацию о деколонизации и добился её принятия, большинство завоевавших независимость колониальных стран стали нашими союзниками. Укрепились позиции арабских стран. Новые ветры подули и в Латинской Америке. В Москве был создан Университет Дружбы народов, в котором учились многие будущие африканские и азиатские политические деятели. Русский язык стал знакомым в странах третьего мира. В 1968 году в Москве подумали, что настал час, когда можно поднять международный статус русского языка. При этом не учли, что ООН, в которой представлен весь мир, является более сложным полем борьбы, чем афро-азиатские форумы и совещания дружественных нам стран. Наша делегация на 23-й сессии Генеральной Ассамблеи получила указание внести предложение о признании русского языка в качестве рабочего языка ООН и добиваться принятия этого решения.

Делегация, во главе с министром А.А.Громыко, официально внесла это предложение и стала работать с делегациями других стран, стремясь заручиться их поддержкой. При этом использовали формулировку одной из ранее принятых Генеральной Ассамблеей резолюций, в которой говорилось, что использование в ООН нескольких языков обогащает её и является средством достижения её благородных целей.

Реакция США и других западных стран была быстрой и резко негативной. Они заявили о полной неприемлемости данного предложения. В качестве причины такой позиции они не решились открыто выдвинуть политические доводы, а заявили, что введение еще одного рабочего языка приведет к слишком большому увеличению финансовых расходов ООН. Поскольку многие малые и средние страны в ООН всегда испытывают затруднения в оплате финансовых расходов этой организации, данный аргумент произвел на них впечатление. В результате, с той и с другой стороны развернулась острая борьба за голоса, продолжавшаяся более двух месяцев.

Главная сложность и опасность заключалась в том, что при подсчете голосов стран, обещавших нам поддержку, обнаружилось, что их не хватает в сравнении с требуемым большинством. В том году членами ООН были 126 государств. Простое большинство состояло как минимум из 64 голосов, необходимых для принятия резолюции. Наша делегация могла положиться на голоса социалистических и близких нам левых неприсоединившихся стран. Их было около 35. Этого было очень мало. Те, кому в делегации было поручено вести вопрос о русском языке, серьёзно обеспокоились, так как поражение по внесенному нами предложению было неприемлемо и недопустимо. Оно отбросило бы на многие годы решение вопроса о статусе русского языка в международных отношениях.

После долгих размышлений в делегации пришли к выводу о необходимости проявить новую инициативу и связать решение нашего вопроса со статусом испанского языка в Совете Безопасности ООН, чтобы, благодаря этой связке, получить поддержку двадцати латиноамериканских стран. Первое наше обращение к председателю группы стран Латинской Америки успеха не

имело. Он печально сказал, что не верит в успех этой идеи, так как США сразу же окажут давление на латиноамериканские делегации, и те будут вынуждены отказаться сотрудничать с делегацией СССР.

Новые раздумья внутри нашей делегации привели к мысли, высказанной экспертами-испанистами, о том, чтобы попытаться повернуть дело так, чтобы на первом плане работы с латиноамериканскими странами был не Советский Союз, а Испания, поскольку речь идет об испанском языке. Эту инициативу нелегко было осуществить, так как в Испании еще правил генерал Франко и между СССР и Испанией не было дипломатических отношений. Тем не менее, мы встретились с представителем Испании при ООН и предложили ему совместные действия по вопросу о двух языках. Он ответил, что доложит об этом в Мадрид, и через день сообщил нам, что получил полную поддержку от своего руководства и поручение активно действовать. В тот же день он призвал всю группу латиноамериканских стран провести совместное заседание и выступил перед группой с эмоциональным призывом закрепить международный статус испанского языка в таком важном органе как Совет Безопасности ООН. Надо иметь в виду, что исторически отношение к Испании в странах Латинской Америки в области культуры, языка и искусства всегда были и остаются отношением к «Испании-Матери». Поэтому отнестись безразлично к обращению посла Испании в вопросе о своем языке они не могли. Все они направили своим правительствам предложение поддержать инициативу Испании, понимая, что это имеет смысл лишь в связке вопросов об испанском и русском языке. Большинство их получили одобрительные указания.

В результате теперь мы могли рассчитывать на дополнительные 20 голосов за совместный проект резолюции Генеральной Ассамблеи ООН. Борьба продолжилась с новой силой. США и западные страны также усилили свое противодействие, оказывая влияние на малые и отсталые страны Азии и Африки.

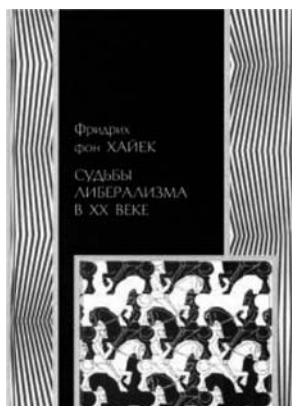
По мере приближения к этапу голосования стало вырисовываться соотношение сил, при котором нам, даже вместе с латиноамериканцами, все же не хватало надежного десятка голосов. Кроме того, отдельные, наиболее зависимые от США латиноамериканцы также могли «сползти» с правильных позиций, как это случилось с представителем никарагуанского диктатора Сомосы, о котором американский президент говорил, что он «сукин сын, но он наш сукин сын». За два дня до голосования никарагуанский посол сообщил, что получил от своего хозяина указание голосовать против «любой резолюции, означающей повышение финансового вноса Никарагуа в ООН». Это был замаскированный приказ голосовать против резолюции об испанском и русском языках в ООН. Опасаясь, что такие же указания могут получить и другие малые страны Латинской Америки, посол Испании выступил еще раз перед группой латиноамериканских стран в ООН, которая приняла коллективное решение всем без исключения солидарно голосовать за эту резолюцию.

Тем не менее, проблема голосов все еще не была решена. На совещании нашей делегации было принято новое решение: обратиться к арабским странам с просьбой о поддержке и пообещать им нашу и латиноамериканскую поддержку в случае, если они захотят сделать арабский язык официальным и

рабочим языком ООН. Решающей оказалась позиция Саудовской Аравии. Группа арабских стран приняла это предложение и решила на следующий год провести решение о статусе арабского языка в ООН.

Для нас это был триумф. Совместная резолюция наших и латиноамериканских стран, поддержанная десятком арабских государств и некоторых других стран Азии и Африки, гласила, что Генеральная Ассамблея постановляет включить русский язык в число рабочих языков Генеральной Ассамблеи и считает желательным включить испанский и русский языки в число рабочих языков Совета Безопасности. Она поручила Генеральному секретарю ООН передать данную резолюцию Председателю Совета Безопасности ООН (Резолюция 2479 (XXIII) от 21 декабря 1968 года).

Проведенная борьба показала, что и в трудных условиях «холодной войны» инициативная позиция, реалистический расчет и дипломатическое искусство давали возможность объединить усилия большинства государств мира в защиту интересов и достоинства их языка и культуры.

МОЖЕТ ЛИ ВЫЖИТЬ КАПИТАЛИЗМ?

Фридрих фон Хайек. Судьбы либерализма в XX веке (перевод с английского). — М.—Челябинск, 2009. 337 с.

Вопрос, заданный Йозефом Шумпетером в 1942 году, приобрел неожиданную актуальность и в наши дни. Мировой цивилизационный кризис заставил политиков и социальных мыслителей вновь вернуться к данной проблеме. Капитализм неслыханно для предшествующей истории развил производительные силы человечества, создал мощную техническую базу для благосостояния людей. Но вместе с тем вызвал истребительные войны, нанес сокрушительный удар природе, неслыханно девальвировал человеческие ценности. Может быть, капитализм уже исчерпал свой потенциал?

После неудачных реформ в нашей стране даже ленивый пытается пнуть либеральное сознание, поглумиться над реформаторами, высмеять идею рынка и рыночных отношений. Создается впечатление, будто сторонников либерального курса уже нет, толкуют о консерватизме, способном соединиться с модернизацией. Может быть, следует перечеркнуть либерализм как образ мысли и политики? Или либерализм — это еще не до конца реализованный проект? Работы Ф.Хайека написаны давно. Речь идет о мировом экономическом кризисе 30-х годов прошлого века и критике социализма. Не превратились ли они в анахронизм?

Судя по всему, нет. Дискуссии времен первой депрессии в США, в частности, между известным либеральным экономистом Фридрихом фон Хайеком и Джоном Кейнсом. Первый считал попытки конструирования социальной реальности с помощью государства «пагубной самонадеянностью человеческого разума». Второй возлагал на государство миссию спасения от депрессии и вывода экономики к более высоким рубежам. Разве не об этом идут споры сегодня — о возможностях саморегулирования рыночной экономики и роли в ней государства?

Мировой экономический кризис 1930-х годов, до основания потрясший хозяйственную систему западных стран, нанес тяжелый удар по неоклассической концепции стихийного рыночного регулирования капиталистической экономики, отвергающей вмешательство государства в процесс воспроизводства капитала. Этот кризис показал, что в новых условиях, для которых характерно резкое обострение конкурентной борьбы монополистических

гигантов, свободное предпринимательство не в состоянии обеспечить нормальный ход экономического развития и неизбежно приведет рыночную экономику к краху.

Сборник исторических эссе выдающегося австрийского экономиста, лауреата Нобелевской премии Ф.Хайека и его воспоминания о своих учителях и коллегах — экономистах австрийской школы и европейских либералах первой половины XX века (К.Менгере, Й.Шумпетере, Ф.Визере, Л.Фон Мизесе, Б. де Жувенеле, Б.Леони и др.) имеет не только теоретическую ценность, но и в значительной мере злободневность. В нем рассказывается о развитии либеральных идей в Германии в начале и середине прошлого века. Однако все эссе связаны между собой темой, которую можно, видимо, сформулировать так — место истории и роли историков в выработке национального самосознания.

Материалы показывают, что Хайек понимал рынок не совсем так, как его современники, в том числе иначе, чем многие защитники капитализма. С точки зрения Хайека и австрийской школы в целом, экономическая теория изучает процесс координации, или согласования, планов. Только изучая социальный порядок, мы можем понять, как и почему работает рынок и почему усилия по созданию общества без рынка обречены на провал. По сути, под названием неolibеералистов выступала не одна, а несколько школ.

К данному течению принято относить чикагскую (М.Фридмен), лондонскую (Ф.Хайек), фрайбургскую (В.Ойкен, Л.Эрхард) школы. Всех их объединяет скорее общность методологии, а не концептуальные положения. Одни из них придерживаются правых (противники государства, проповедники абсолютной свободы), другие — левых (более гибкий и трезвый подход к участию государства в экономической деятельности) взглядов. Сторонники неolibеерализма обычно выступают с критикой кейнсианских методов регулирования экономики. Некоторые из них, например, Н.Бэрри, А.Лернер, отвергают не только кейнсианские, но и монетаристские рецепты, обвиняя эти школы в увлечении макроэкономическими проблемами в ущерб микроэкономике. Экономисты-неolibеералы уделяют первостепенное внимание поведению отдельного человека, экономике фирмы, решениям, принимаемым на микроуровне.

Хайек подробно характеризует австрийскую экономическую школу. Он называет имена, труды, рассматривает эволюцию взглядов отдельных экономистов. Ученый пишет:

«Главным достижением теории австрийской школы, таким образом, стало то, что она помогла прояснить неизбежные различия между науками, изучающими сравнительно простые явления (вроде механики, которая, безусловно, первой достигла прямых успехов, а потому и рассматривалась в качестве парадигмы, обязательной для копирования другими науками), и науками о чрезвычайно сложных явлениях или о структурах, испытывающих влияние большего количества фактов, чем доступно охвату ученых наблюдателей, и состоящих из объектов не физически наблюдаемых, но теоретически мыслимых другими людьми» (с. 72).

Австрийская школа, вопреки распространенному мнению, при рассмотрении технической структуры производства всегда уделяла особое внимание тщательному изучению причинной связи между человеческими потребностями

ми и средствами их удовлетворения. В результате в экономической теории возникло разделение благ первого, второго и третьего порядка, а также идея дополнительности различных благ. Ф.Визер никогда не уделял особого внимания методологии как отдельной дисциплине и едва ли даже изучал соответствующую литературу. Он всегда сожалел, что К.Менгер отдал прояснению методологических вопросов столько энергии. Однако именно методологическая сторона австрийской школы представляет сегодня наибольший интерес. Визер показал, что субъективная оценка наиболее значима не только в упрощенной ситуации Робинзона Крузо, но и в гораздо более сложной ситуации общественного хозяйства.

Рецензируемая книга показывает, что, в конечном итоге, судьбы либерализма зависят от объективности историков и от «возможности истории, которая была бы написана не ради прислуживания особым интересам». Ф.Хайек решает следующую интеллектуальную задачу: как совместить «верховенство истины» как критерий для всех историков с неопределенностью событий, которые приходится изучать экономистам? По его мнению, экономист, который является только экономистом, не может быть хорошим экономистом.

В наши дни много говорят и пишут о необходимости антропологизации экономики, то есть учете чисто человеческих факторов в движении обезличенных экономических величин. Работа Л.Мизеса «Человеческая деятельность», о которой пишет Ф.Хайек, в значительной мере соответствует этой тенденции. *«Наша способность «понимать» действия человека, несомненно, увеличивает объем информации, который может быть использован для объяснения, причем информации такого рода, которую мы не имеем в случае неодушевленных объектов...»* (с. 181).

О Йозефе Шумпетере сказано мало, поскольку тот отошел от принципов австрийской школы. Однако отмечено, что энтузиаст макроэкономического движения был автором одного из самых отчетливых изложений идей «методологического индивидуализма» австрийской школы. Шумпетер презрительно отзывался об идеях XIX века — либерализме, индивидуализме, свободном рынке. Но он понимал, что энергия капиталистического развития истощается, потому что современное государство способно разрушить или парализовать его движущие силы.

Вторая часть книги посвящена судьбам либерализма. Хайек анализирует книгу Е.Вермейля «Три рейха в Германии». По мнению автора, сравнение Германии и России в этой книге представляет собой маленький шедевр. Но в книге говорится о фундаментальном различии между национальными чувствами немцев и большинства других народов. *«Если англичанин, француз или американец по какой-либо причине захочет быть в большей степени англичанином, французом или американцем, он посмотрит на них и постарается быть похожим на них. С немцем все иначе: он придумывает теорию о том, каким должен быть немец, и затем пытается соответствовать (или не соответствовать) своему идеалу, сколь бы это ни отличало его от его соотечественников»* (с. 264).

Книга Ф.Хайека содержит немало обобщающих выводов. Он отмечает, что политическая философия не может основываться исключительно на экономической теории. Иначе говоря, ее нельзя сформулировать исключительно в

экономических терминах. Автор убежденно пишет о том, что потребность в международной встрече представителей разнообразных областей науки кажется настоящей. Он отмечает также, что многие элементы либеральных теорий способны увести их адептов в тенета социализма или национализма. Весьма значимо, что Хайек говорит о необходимости интеллектуального смирения, которое является сущностью истинного либерализма. Он решительно отвергает умственное высокомерие.

Книга является ценным источником по истории европейского либерализма, европейской социальной и политической мысли, а также по истории европейского общества начала и середины прошлого века. В наши дни идет поиск универсальной социальной модели, которая могла бы вобрать в себя элементы различных концепций — либеральных, консервативных, социалистических, леворадикальных. Вместе с тем заметно, что разные страны колеблются между саморегулированием экономики и господством государства. В условиях кризиса наибольшие упования связаны с возможностью государственного вмешательства в экономику. Может быть, именно поэтому не стоит хоронить либеральные идеи и осуждать их за многочисленные ошибки.

Не исключено, что маятник качнется в другую сторону, и вновь понадобится серьезное и ответственное изучение основ экономической теории либерализма. Еще возможны прорывы как в сфере технологии, так и в области человеческих отношений. Книга поэтому может оказаться востребованной для политиков, экономистов, историков, которых интересуют судьбы либерализма.

Эльвира Спирова

«ОТТЕПЕЛЬ» В НАЦИОНАЛЬНОМ ИНТЕРЬЕРЕ

**Джамиль Гасанлы. Хрущевская «оттепель»
и национальный вопрос в Азербайджане
(1954–1959). — М.: Флинта, 2009.**

Политические события, следовавшие в Советском Союзе после смерти И.Сталина и вошедшие в историю под названием «оттепель» (условно точкой отчета ее считается XX съезда КПСС (1956 год), принявший знаменитое постановление «О культе личности и его последствиях»), несмотря на обилие публикаций, продолжают оставаться одним из наименее изученных периодов отечественной истории. Отчасти это объясняется преобладанием публицистического взгляда на данный этап — острейший и противоречивый этап общественного развития СССР. К тому же, внимание большинства авторов, в том числе и из ученого ряда, сосредотачивается на интриге политического противостояния в высших эшелонах партийно-государственной власти, фигуре самого Н.Хрущева, представляющегося иным в качестве некоего предтечи горбачевской перестройки. Между тем, на периферии исследовательского взгляда остался целый ряд национальных проблем, актуализировавшихся хрущевской инициативой. Речь идет не только о том, как пыталось советское руководство разобраться с проблемой репрессированных народов (с наскоку, половинчато, закулисно, без четкого плана и ясного понимания социально-политических последствий) или об общем видении национальных проблем, накопившихся в недрах единого полиэтнического государства.

Особый интерес представляет начавший действовать фактор восприятия «оттепели» как шага в сторону демократии национальным самосознанием, так сказать, чисто национальная реакция на процесс десталинизации, результатом чего явилась цепь драматических событий в республиках Закавказья, во многом предвосхитивших пробуждение «национальных духов» три десятилетия спустя.

Профессор Джамиль Гасанлы много и плодотворно сделавший для нового прочтения различных аспектов советской политики в отношении Ирана, Турции, причин холодной войны, в последней своей работе обратился к теме особенностей проявления национального фактора, который, как ни странно, не принимался в расчет в первом проекте демократизации советской политической системы. Как и впрочем, во втором — перестройке.

Этот аспект реформирования реального социализма, реанимация в его практике демократических отношений, в том числе и между московским центром и национальными республиками, представляет интерес прежде всего с точки зрения понимания глубинных причин последовавшей к концу XX века дезинтеграции СССР, а затем и распада советской империи, как наиболее эффективной и имманентно присущей, по мнению некоторых, евразийскому геополитическому пространству формы государственности. Интерес этот приобретает особое значение на нынешнем этапе, когда Россия достаточно активно включается в союзнический процесс с Белоруссией и Казахстаном, стремясь одновременно выстроить новые отношения с бывшими советскими республиками, образующими жизненно важное для нее геополитическое, геостратегическое и геоэкономическое пространство.

Реакция общественности — и элиты, и широкой народной массы в Закавказье на материалы и решения XX съезда, как явствует из представленных в исследовании документов, была разной. Грузия, в некоторой своей части мнившая себя прародительницей вождя всех времен и народов, заволновалась, замитинговала — и вполне искренне. Особенно сильно накалились страсти в Тбилиси и Гори (город Сталина). Донесения МВД, докладные записки партийно-государственного руководства в инстанцию, обильно цитируемые историком, полны подробностями народного возмущения. В центре Тбилиси 50-летний сельский житель, член КПСС Н.И.Парастаишвили взобрался на постамент памятника Сталину «и выражался нецензурными словами. При этом он, отпив из бутылки вино, а затем, разбив ее, сказал: «Пусть так же погибнут враги Сталина, как эта бутылка». Студент Грузинского политехнического института Э.Девразиани потребовал от неизвестного майора Советской Армии встать в почетный караул у памятника. Тот естественно отказался — в результате получил удар ножом...» (с. 102–103). Завершились эти волнения грандиозным народным шествием на проспекте Руставели с лозунгами «Слава великому Сталину!» Не удовлетворенные обещаниями В.Мжаванадзе (тогдашний руководитель Компартии Грузии), манифестанты направились к резиденции гостившего в Тбилиси после XX съезда заместителя председателя КНР, маршала Чжу Дэ с требованиями выступить на митинге и подтвердить особое международное значение роли личности Сталина. В резолюциях и петициях руководству СССР содержались и такие требования: снять с должностей Микояна, Булганина, Хрущева, ввести Василия Сталина, сына покойного вождя в состав ЦК (?!). Кончился этот стихийный разгул народного волеизъявления вполне в духе времени: «Танки и войска вошли в город, начались кровавые стычки. Погибло около двух десятков человек, ранено 54, около 300 были арестованы...» (с. 103–105).

А на дворе звенела оттепель, в прямом и переносном смысле этого слова... Разумеется, тут было бы вполне уместно вспомнить, что горбачевский аналог «оттепели» грузинская интеллигенция встретила кинематографическим шедевром «Покаяние», прозвучавшем вечным проклятьем деспотии любой окраски, ставшем самым ярким памятником провозглашаемым демократическим реформам. Можно вспомнить, что на своих знаменах грузинские перестройщики-демократы начертали одно слово: «Независимость!». Но тогда придется припомнить, что М.Горбачев, как и его предтеча, ответил на это тан-

ками и саперными лопатами. Не в этой ли роковой последовательности кроется причина того, что православная Грузия, называвшаяся Георгиевский трактат актом спасения, нынче считает его началом оккупации? Есть над чем поразмышлять при виде переменчивости народных настроений за хребтом Кавказа...

Вернемся, однако, к незабываемым весенним дням далекого 1956-го. В Ереване — ни митингов, ни демонстраций, нет и признаков сожаления по поводу разоблачений сталинизма. Впрочем, интеллигенция отнюдь не дремлет. Москва заваливается селевым потоком писем относительно присоединения Нагорного Карабаха, а заодно и Нахичевани, а также Джавахети к Матери-Армении. В том, что народная инициатива инспирирована руководящими кругами, ни у кого нет сомнений, ибо хорошо известно — уже сразу после войны, в 1946 году, первый секретарь ЦК Компартии Армении Г.Арутинов официально обратился к И.Сталину с письмом о желательности присоединения НКАО (Нагорно-Карабахской автономной области Азербайджанской ССР) к Армянской ССР. Обосновывалась предлагаемая сецессия преимущественно армянским составом населения в области и схожестью природно-климатических условий и, особенно, ландшафта гористой местности.

Тогдашний руководитель Азербайджана М.Багиров, как ни странно, воспринял доводы своего ереванского коллеги, но предложил решить вопрос, так сказать, в комплексе — присоединить взамен к своей республике населенные азербайджанцами территории Армении, Грузии, а заодно и Дагестана, тем более, что климатические условия и ландшафт их поразительно соответствовали азербайджанским. Разбирался с этим вопросом Г.Маленков. После его доклада Сталину, тот, якобы, в ярости воскликнул: «Они там все с ума посходили!»*. Инициаторы перекройки республиканских границ, однако, в описываемое историком время, находились при ясном уме и добром здравии, помня, что наиболее удобным моментом для территориальных приобретений являются периоды революций или революционных реформ. Не исключено, что Хрущев, не шибко задумываясь, передавший Украинской ССР полуостров Крым, каждый метр которого омыт русской кровью, точно так же поступил бы и с Нагорным Карабахом, с Джавахети впридачу. Но тут в Ереване возникла новая проблема, грозящая перерасти в межнациональный конфликт.

Тысячи азербайджанских семей, депортированные из Армении в 1948 году, восприняв новые политические веяния, как долгожданный шанс на восстановление справедливости, собрав свои пожитки, возвращаются на историческую родину — в Армению. Из Еревана в Москву хлынул дополнительный поток тревожных правительственных телеграмм и донесений. Если в 1948 году необходимость депортации азербайджанцев обосновывалась начавшейся репатриацией зарубежных армян, то в условиях «оттепели» запрет на возвращение азербайджанцев на земли своих предков мотивировался тем, что армянское правительство озабочено размещением прибывающих из Сибири, высланных решением Политбюро дашнаков-антисоветчиков (?) (с. 26). Об азербайджанских мусаватистах, частью сгинувших в Соловках, но в большинстве своем пребывавших в тех же краях, что и дашнаки, как-то не вспомнили. Они

* Гасанлы Дж. СССР–Турция: полигон «холодной войны». — Баку, алиоглы. С. 374–375.

появятся позже — с началом перестройки, чтобы реваншироваться с коммунистами...

А тогда, в 1956 году, внимание Баку сосредоточено на иной, куда более важной, как представляется руководству республики, проблеме — утверждения азербайджанского языка в качестве государственного. К.Ворошилов (Маршал только что избран Председателем Президиума Верховного Совета СССР), к которому обратился за советом и поддержкой М.Ибрагимов, известный писатель, возглавивший Верховный Совет Азербайджана, не имел ничего против этой идеи. В самом деле, в соседней Армении, как и Грузии, государственным языком является язык титульной нации. Маршал, однако, не учел некоторой специфики Азербайджана — Баку, столичный, четвертый по населению город страны, в котором сосредоточена большая часть экономического и культурного потенциала республики, исторически сложился как русскоязычный промышленный центр. Значителен процент русскоязычного населения и в большинстве других городов республики, в целом в составе городского социума. М.Ибрагимов на встрече со студенчеством на вопрос о том, как он относится к азербайджанцу, не знающего родного языка, подшквал аплодисментов восклицает: «Такой человек — подлец!».

Перевод повсеместно делопроизводства на русский язык не мог не вызвать недовольства, республика оказалась не готовой к языковой реформе. В Москву полетели письма, написанные на хорошем русском языке, в трудовых коллективах то и дело вспыхивают нешуточные споры, зреет недовольство. «Вы, товарищ Ибрагимов, в этом вопросе допустили ошибку!» — прогремело с высоких трибун (с. 260). И полетели головы... Слава Богу, не в прямом смысле, как два десятилетия ранее. Входила в практику новая форма наказания: «Освободить от занимаемой должности по состоянию здоровья», после чего провинившийся предавался забвению. Первым отстранили от должности М.Ибрагимова, затем пришел черед и других членов триумвирата — предсовмина и первого секретаря... Но вот что интересно: в те дни, когда Бюро ЦК КПА устроило головоломку инициатору придания азербайджанскому языку статуса государственного, в высший состав руководства республиканской партийной организации был введен молодой ученый и партийный работник Шихали Курбанов. Пройдет каких-нибудь два года и новый заведующий отделом агитации и пропаганды ЦК Компартии Азербайджана встанет на защиту изданного азербайджанскими учеными первого тома «Истории Коммунистической партии Азербайджана», встреченную официальной Москвой резко критически. Разгоревшиеся вокруг книги споры дошли до Хрущева. «Раскритиковать надо. Куда наши критики смотрят в Москве? Напечатайте статью в «Коммунисте» и разделайте там» (с. 510).

Разносную статью, разумеется, напечатали тут же. Более того, ЦК КПСС направил в Баку целую бригаду высокопоставленных партийных функционеров и академиков — для проработки авторов книги. Но тут произошло нечто непредсказуемое. «Вместо того, чтобы обобщить высказанные критические замечания, Ш.Курбанов решительно... взял под защиту авторский коллектив, подвергнув разному выступлению с критикой», — доложили вскоре в ЦК КПСС посланцы Москвы (с. 523). Им пришлось услышать еще нечто из ряда вон выходящее: «Позвольте, товарищи москвичи, свою историю писать нам

самим!» — заявил на ставшем мгновенно легендой совещании заведующий отделом ЦК Компартии Азербайджана Ш.Курбанов. Стара истина — ересь зреет в монастырях...

Разумеется, Ш.Курбанова «уйдут», и немедленно. Но минует еще несколько лет, и он возглавит идеологический участок в том же самом ЦК, и Азербайджан впервые после советизации официально отметит национальный праздник «Новруз-байрам». Его реформы возрождения национальной культуры прервет вскоре смерть, сколь неожиданная, столь и загадочная. А через четверть века поворот к национальным истокам, инспирированный «оттепелью», окончательно завершится в ее новом издании — перестройке. Армения силой произведет сецессию Нагорного Карабаха и фактически возьмет под контроль Джавахети (некому будет в Москве воскликнуть: «С ума там все посходили!»), Азербайджан в одночасье откажется от кириллицы и обяжет своих граждан говорить и писать исключительно на языке титульной нации, в результате чего страну покинут не только сотни тысяч русскоязычных, но и азербайджанцев с русским образованием, Грузия обретет, наконец, долгожданную независимость, но того же пожелают абхазы и осетины... Все три республики затем свергнут глашатаев национальной демократии, погрязнув в коррупции, нищете, правовом беспределе. При этом Грузия, получив вождьленную самостоятельность, будет добиваться вхождения в НАТО...

Книга Дж.Гасанлы приглашает к раздумью не только над противоречиями между национальным и интернациональным, драматической схожестью реформ и советских революционных реформаторов. Проблема национального по-новому встанет (если уже не встала!) перед народами Южного Кавказа, как и всего постсоветского пространства, в жестких и своеобразных условиях глобализирующегося мирового сообщества. Как они воспримут этот новый вызов национальной идентичности и фактически национальному суверенитету?

Как неизбежную жертву во имя модернизации, плодотворного участия в цивилизационном процессе или как угрозу собственным ценностям — вот в чем вопрос.

Расим Агаев

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ ВСТУПАЮТ НА ИННОВАЦИОННЫЙ ПУТЬ

Инновационные направления современных международных отношений / Под общей редакцией А.В.Крутских, А.В.Бирюкова. — М.: Изд-во Аспект Пресс, 2010. 295 с.

Термин «инновации» стал в последнее время, пожалуй, одним из самых популярных в политико-академических кругах России в рассуждениях о будущих путях развития России. Акцент на инновационную составляющую находит свое отражение в официальных документах, в том числе, и регламентирующих внешнюю политику РФ.

Так, в Концепции внешней политики Российской Федерации (июль 2008 года) создание благоприятных внешних условий для модернизации России, перевода ее экономики на инновационный путь развития выдвигается в качестве одной из основных целей внешнеполитических усилий России. Ясно, что в наиболее полной мере реализовывать это направление развития предстоит молодому поколению.

Данные соображения делают особенно актуальным вышедшее недавно учебное пособие для студентов вузов под редакцией А.В.Крутских и А.В.Бирюкова по такой пока еще редкой в учебном процессе теме, как инновационное направление международных отношений. Действительно, на рубеже третьего тысячелетия научно-технические достижения как никогда прежде начали определять динамику экономического роста, уровень благосостояния населения, конкурентоспособность государств в мировом сообществе, степень обеспечения их национальной безопасности и равноправной интеграции в мировую экономику.

Развитые страны вступили в качественно новую стадию экономического развития, перешли к формированию экономики, основанной на научных знаниях и базирующейся на высокоэффективных национальных инновационных системах. Приоритетом в этих странах стало развитие науки и технологий, инноваций и образования. К этому же движется и ряд быстро развивающихся государств из так называемой «периферии» системы международных отношений, некоторые из которых представляют собой восходящие гиганты и «новые индустриальные» страны.

Особое внимание авторы уделяют рассмотрению понятия инновационной деятельности, что крайне важно для правильного понимания характера и

целей той работы, на которую следует настраиваться для построения «инновационной экономики» (с. 27–48). К сожалению, прошедшее в конце декабря 2009 года под председательством Президента РФ Д.Медведева заседание Комиссии по модернизации и технологическому развитию экономики продемонстрировало, что даже у «капитанов» российского бизнеса такого понимания нет.

В качестве новаторского направления предпринятой работы следует рассматривать детальный анализ научно-технического сотрудничества как инструмента внешней политики России (с. 92–112). Делается вывод о том, что такое сотрудничество уже сейчас является не только мощным фактором укрепления авторитета России на мировой арене, но и — в экономическом плане — серьезным средством реализации задач социально-экономического развития.

Сегодня аксиомой для мирового сообщества стало понимание того, что именно наука, как справедливо отмечается в работе, способствует контролируемому и эффективному управлению ходом развития цивилизации, обеспечивает возможность прогнозирования последствий реализации управленческих и технологических решений, позволяет снизить риски возникновения технологических и экологических катастроф. Однако решение некоторых стоящих перед человечеством задач настолько затратно по потребным научно-техническим, организационным, финансовым и иным ресурсам, что требует самой широкой международной кооперации. Представляется, что в такой кооперации Россия не только может найти свое достойное место, но и сама предложить идеи для реализации крупных кооперационных проектов, что подкрепит ее статус на международной арене.

Говоря о научно-техническом прогрессе и его влиянии на современную систему международных отношений, авторы обоснованно полагают, что в настоящее время существенно возросло значение научного, технологического и образовательного потенциала в интегральной мощи государства, от которого зависит его статус в мире. В свою очередь, сферы науки, высоких технологий, информатизации и телекоммуникаций приобретают характер самостоятельной составляющей международной политики, более того, становятся ее важным приоритетным направлением.

Россия вступила в новую фазу исторического развития, изменились ее внешнеполитические приоритеты. Конфронтация времен холодной войны осталась позади, угроза глобального ядерного конфликта сведена к минимуму, и возможности сотрудничества на мировой арене существенно расширились. В этих условиях есть все возможности для того, чтобы на передний план в качестве главных составляющих национальной мощи Российской Федерации вышли ее научно-технический и инновационно-технологический потенциал, интеллектуальные, информационные и коммуникационные возможности, образовательный уровень населения, степень сопряжения научных и производственных ресурсов (с. 92–112). Для претворения такой перспективы в жизнь необходимы согласие российского политического класса относительно указанных постулатов, политическая воля и эффективная организация механизма реализации немалых возможностей России.

Еще одним важнейшим условием, из которого российская внешняя политика должна исходить ежедневно — это поддержание тесных кооперацион-

ных связей со странами — мировыми технологическими лидерами, такими как США, Япония, Южная Корея, развитые страны Европы. Иначе невозможно претворение в жизнь абсолютно точного «рецепта», данного Д.Медведевым в его статье «Вперед, Россия!», что модернизация российской демократии, формирование новой экономики возможны только в том случае, если Россия воспользуется интеллектуальными ресурсами постиндустриального общества.

Но сделать это без установления тесного сотрудничества и даже партнерства с наиболее развитыми странами не представляется возможным. В этой связи крайне уместно замечание авторов, что глобальный технологический трансфер (подробному анализу которого посвящена глава 3 книги), являющийся реальностью современных международных отношений, остро ставит вопрос о диалектике соотношения зарубежных и национальных технологий с тем, чтобы, с одной стороны, не попасть в опасную технологическую зависимость от передовых стран в ходе догоняющего развития, а с другой — не оказаться на обочине технического прогресса.

Вышедшая работа имеет практическую значимость не только для учебного процесса, но и — в более широком плане — для ведомств, принимающих решения в сфере взаимодействия России с внешним миром. По всем главам книги не только рассматриваются достижения восходящих стран гигантов, входящих в БРИК, принявших на вооружение модель ускоренного развития, но и подробно анализируется опыт, сделавший эти достижения возможными.

Представленное учебное пособие является важной вехой на пути освоения новых тем, отражающих разносторонний процесс инновационного развития в контексте современных международных отношений. Иного и невозможно ожидать от высококвалифицированного состава авторов, представленного в книге. Можно только надеяться, что результаты сделанного в книге анализа, найдут практическое применение для реализации внутренних и внешнеполитических целей развития России.

Сергей Ознобищев

SUMMARY

PRESSING TOPICS

Sergey Kortunov. WILL RUSSIA JOIN THE WORLD LEADERS FIVE?

1. The state is likely to be an adequate player in technological modernizing, just in case it will prove itself as the spiritual entity, rather than the bureaucratic mechanism. In other words, the state should change and become appropriate to the trends of postindustrial transformation of the society to perform its mission. Advancement of the democracy and the political support of the positive creative forces are to assist their main functions — to percept the world culture and to assert the national self-expression in the world community.

2. It is agreeable, that the Strategy-2020 main vector has been set correctly: the Russia's modernization scenario key component is the steadfast transition to the innovative type of development, to the 'economy of knowledge'. At the same time, the transition to the innovative strategy, certainly, cannot be a mere repetition of the Strategy-2020, worked out by the government before the crisis, the latter has proved that no innovative economy can be build on the basis of former fallacious economic policy. To build the innovative economy is to turn the intellect, the man's creative potential into the leading factor of the economic growth and national competitiveness, as well as to substantially increase the efficiency of using the natural resources and production capital.

3. The major problems of the transition to the innovative type of development are the people themselves and the nature of their productive activities. So, the Russian reforms are not expected to bring in miracles, until the upper steps of the social hierarchy ladder will be occupied by positive creative forces capable to generate an innovative vector of the country's development and to make the rest of the society follow their lead. The chief problem of the national modernization is the lack of competent national elite being the subject of such modernization.

Valery Paulman (Estonia). ARE TOP MANAGERS UNDER ATTACK?

1. The crisis has revealed the capitalist paradise evils, its anti-humane nature, making people so much enraged, that some heads of state, under the indignant public's pressure, had to launch a show offensive against the fabulous bonuses the top managers had gotten. The start of the offensive was marked with the speech made by Barack Obama, the experienced political fighter, and addressed to the Wall Street sharks, who, having secured the federal budget money to keep the major US systems banks afloat, decided to pay themselves huge bonuses at the crisis 2008 year-end.

2. Many a sociologist justifies and even appraises the practice of wage labor, referring to the principle of partners' equality in the market. However, despite the formal equality of a capitalist and a wage laborer, there is the actual social inequality, for some people (capitalists) get themselves enriched at the expense of the surplus value produced by the others. And the inequality in production of the goods and services is inevitably accompanied by the outrageous inequality in distribution of public wealth.

3. In the modern world of bourgeois morals, these are not the early Christianity morals that are dominating, but the self-interest avidity repeatedly multiplied by the competitive struggle. A success in business is perceived as happiness, while a failure causes hostility and envy to those who succeeded. In the time of crises, which comes over with an enviable cyclicity, when the mass unemployment sky-rocketed, when companies and banks collapsed, there is the wave of pessimism and despair rising in the society, where everybody discontents with everyone.

Alexander Svechnikov. ON POSSIBLE CONSEQUENCES
OF THE CLIMATE'S GLOBAL CHANGE

1. It is of tremendous importance to establish the hierarchy of the causes of the global warming: this should determine the choice of ways to overcome the negative consequences of cli-

matic changes. In case it is primarily caused by excessive economic activities, it is expedient to direct the world community's major efforts towards reducing the emission of hotbed gases. In case the global warming is most intensively determined by other factors, the priority sphere of applying the efforts should involve measures of adaptation that can help the mankind to withstand the nature's challenges.

2. The world community would pay more attention to the developing countries for which the climate changing brings in very serious threats, for they possess the least possibilities to solve arising problems. The developing countries would need help to solve the arising problems of adaptation, too. In part, it would be required to assist those sectors and countries which are mostly dependent on external aid, for instance, to the agricultural and public health sectors in the least developed countries, or to develop the coastal infrastructure in the small island states and other developing countries which are mostly threatened by the sea level rising.

3. The world community's efforts to appease the consequences of global warming would be more productive, if the natural forces were to be taken into account. Thus, it has been learnt long ago that natural ecological systems play a regulating role in maintaining the certain concentration of carbon dioxide. The major among them are the land forest ecosystems, and the world ocean. That is why the strategy of fighting the global warming should include the increase of forest plantings. But some overlook the fact, that the plantations are not full-fledge regulators of carbon dioxide, such a role can be played only by natural forest (survived or less suffered), ecological systems of boreal forests (taiga), mainly in Russia and Canada, and, to a lesser degree, tropical forests in Amazonia and Africa.

GEOPOLITICS

Vladimir Dergachev (Ukraine). GEOPOLITICAL TRANSFORMATION OF THE NORTH-EAST ASIA

1. In the latest half a century, the world politics underwent the tectonic shifts of forming new Greater Geopolitical Spaces that include the countries or their certain regions. After the Soviet Union's geopolitical suicide, the American project of 'democratizing' Eurasia was introduced and revealed itself in attempts to build up the Greater Middle East, Greater Central Asia, and Greater Southern Asia. The project provided for introducing the American democratic values into the chosen region and for protecting the American economic interests from the position of military-political power. It is becoming obvious, that (aside from the successful setting-up zones of instability along the boundaries of the Eurasian civilizations) the project has come to grief. The Greater geopolitical space of North-East Asia, which is 'under the construction', still remains in the shadow.

2. The balance of geopolitical forces in the North-East Asia has changed, with the second, third and eleventh world economies located there (Japan, China and South Korea). Against the weakening USA and Russia, these countries follow more independent foreign policy in terms of the regional interests. South Korea increases the foreign trade turnover with China and softens its policy towards North Korea. With the rise of Chinese economic power, Japan's positions in the North-East Asia declined. Today, Beijing becomes the basic source of the financial assistance to many Asian countries. The regional economic transformation is marked with growing integration between China, Japan and South Korea, that reduces the expectancy of their confrontation and maintains the status quo.

3. Russia is still guided by the inefficient policy in the Far East, it has lost the geo-economic initiative in the region: the time works in favor of China. The economic growth demands energy and other resources, and that gives more incentives for the Chinese economic expansion, uppermost, to the Central Asia, Siberia and the Russian Far East. The population of China exceeds that of Russia tenfold. At that, China borders the least populated Russian territory. The Russian Far East is under the demographic pressure from the Celestial's north-east provinces that are experiencing the economic boom. The city of Harbin alone is more populated than the whole of Russian Far East.

4. It is becoming obvious, that to create the worthy quality of life for the people in the Russian Far East leaning just on the country's West for support has proved to be a Utopia. Will the oligarch Russia be able to retain the Far East, and would its loss to be a big tragedy for the corrupted 'elite within the law'? With the high degree of certainty it might be stated — no. If

the 25-million-strong Russian Island would break away practically imperceptibly. Russia had repeatedly experienced the periods of discords, but in the critical moments of history it could brace itself to bridge the split in the geography and in the soul. Let it be hoped, the great power will find a worthy way out this time as well. The future of the Russian Far East in the North-East Asia will be determined by the strategic vision prevailing over the tactical problems of struggle for power or its preservation.

FOREIGN AFFEARS

Peter Schultze (Germany). POLICY OF CO-OPERATIVE SAFETY IN EUROPE: SCENARIOS AND CHANCES

1. Russia has managed to return to a concert of great powers as influential force. It was promoted, first, by eight-year boom which has allowed Russia to restore imperious functions of the state, to soften social disasters, and also to bridle willful oligarchs. Secondly, the readiness declared by Moscow to participate in struggle against terrorism. «Honeymoon» from the USA proceeded even at the time of the Iraq war. Moods have exchanged only in connection with business of YUKOS and process against Khodorkovsky. The Kremlin has undergone again to the massed criticism, but it outcasting as in 90th years, it was not possible to achieve. Too close became economic and political connections with EU states. The three-vector approach in the Russian foreign policy and a security policy thanks to which the structures providing safety have been created has affected also.

2. «Intermediate Europe» maneuvers between two poles, in particular the European Union, on the one hand, and Russia — with another. The USA operates on a background. The vicious circle which not to break off without conflicts was as a result formed. Both centers of force which are on flanks, operate under the influence of internal political processes in these countries which, however, initially are equally initiated in region by the European Union and/or Moscow. The combination of factors (internal political instability and rivalry of external forces) constantly threatens to break the existing status quo. It is similarly possible to estimate and a situation round the Central Asia.

3. Waves of expansion of EU and the NATO on the East have reached the post-Soviet territory and have entered collision with interests of Russia and, besides, have caused political warps in the CIS countries, both parties are compelled to develop strategy of prevention of conflicts and dialogue with each other which either were absent till now, or have been veiled by phrases on duty. That the idea of building of the joint future has got the best, today there were favorable conditions — in connection with the Georgian conflict, arrival in Ukraine the leader with moderate views and a shift of administration of Obama concerning Russia.

Hans-Joachim Spanger (Germany). THE COLD WAR REVISITED — PAST AND PRESENT LESSONS

1. Closer scrutiny reveals that even the apparently most obvious experiences turn out to be considerably more complicated than the simplifying rhetoric of political debates happens to pretend. Judging on what really drives the foreign policies of great powers — material or ideational factors, interests or ideologies, structures or agency or the nature of the international system — is no easy task and requires open debate — yet with not much prospects to get the controversies settled.

2. It has been confirmed once again that a common enemy is quite conducive to consensus building and political unity — relevant even today within the West and within Russia. Yet there is no clearly defined and sufficiently threatening common enemy today calling for joint preparedness. Instead we face common challenges calling for efforts of unfamiliar proportions and of questionable impact, but providing ample opportunities for free riding. The list is well known: climate change, transnational terrorism and criminal networks, state weakness and state failure in the Global South, nonproliferation of weapons of mass destruction etc. Controversial by their very nature, these challenges hardly suffice to make good for hardcore differences.

3. In the absence of an external pacifier, a proxy is needed — and here a measure of political homogeneity is certainly of some relevance as unifying force. This applies in particular to the basics of organising political power and providing economic welfare; in other words a con-

verging understanding of democratic governance and market economy would prove helpful. And here we obviously face a problem. Although President Medvedev has reaffirmed time and again that Russia shares the same values with the West, it has obviously opted to put these into practise in quite a distinct fashion. Yet one has to take note of the fact that contrary to the original Cold War, at present we are not confronted with antagonistic and mutually exclusive socioeconomic models but rather with different modes of democratic governance. The market economy is not at stake. And moreover, who actually pursues its values in an offensive — and at times even aggressive — way?

4. Although common institutions, procedures and norms are of utmost importance as building blocs for international cooperation and any international order — there is undoubtedly no shortage even since the days of the Cold War. Never before in world history did such a dense network of global governance institutions and declarations of norms and intents guide the international community. At issue is therefore the functioning of these institutions and the observance and enforcement of the norms rather than complementing the existing system. Enforcement poses the main problem. Within states this is the responsibility of the law enforcement agencies that represent the state's monopoly of the legitimate use of force. Outside and in the dealings among states there is no such authority. The responsibility for peace and security therefore essentially rests with the individual states and as a rule with the most powerful states, which are called upon to share in this collective responsibility.

*Dmitry Borisov, Ernest Sultanov. WASHINGTON AND MOSCOW
AT THE MID-EASTERN CHESSBOARD*

1. Up to this moment, the Russian foreign policy, unfortunately, remains, in general, a reactive one and is not characterized by particular audibility, nor consistency. Under the conditions, when the foreign policy agenda is being constantly imposed, Russia has no time enough to work out some sort of intelligible and 'long-play' foreign policy strategy, to audibly articulate its national interests, and to consistently advance and defend them. What we are witnessing instead is a sequence of localized loud statements, sometimes even brave and resolute actions, the possibility of effective and efficient development of which in the long run are often proves to be, to put it mildly, problematic.

2. The potential to cooperate with financial institutions of the Persian Gulf Arab countries has still brought in no play. There is no end to assurances that such cooperation is mutually interested, but the general public know very little of any actual projects. Perhaps, the participants of such bilateral financial institutions are afraid of their colleagues penetrating the 'initial' markets controlled by them, perhaps, there is something else to impede an effective work. But, in the conditions available, financing works and projects in the third countries with the maximum involvement of the companies-executors from the co-sponsoring countries is just suggesting itself!

3. It can and need be thought over the options of being switched to the economical aid of the CIS and/or SOC member-partners. To the former, Russia could provide the enterprises in the countries of the Near Abroad with additional commodity markets for their produce and services, to have shown, thereby, its actual care in maintenance of the real sector in the Commonwealth, the kind of care which restrains no interests of Russia's own business, but complements the economic sense to the CIS existence.

4. As for the SOC, there would be a real possibility to introduce it not just as a strategic military-political configuration, but also as the effective economic international structure with the good will to solve serious conflicts on the periphery of its own borders. Hence, whatever the final solution of the old conflict might be, there would be a chance, that many of its direct and indirect participants to evaluate in another way Russia's role and opportunities.

*Georgy Mirsky. THE ISRAELI-PALESTINIAN
THE GREATER MIDDLE EAST KNOT*

1. While one party in the conflict sees the concessions that its leaders were prepared to make as excessive, the other party consider them to be insufficient. The Palestinians are not willing to comprehend, that the Israeli Government cannot force its way through the public opinion that had no confidence in the Arabs anymore; moreover, they pay no heed whatsoever

to the fact that, given the particulars of the political system of Israel, too big concessions would inevitably result in the downfall of the specific governmental coalition. What have they to do with the political state of affairs in the hostile state? And the Israelis are persistent in their blind delusion, that 'the Arabs understand just the force', and to rescue the Jewish State means to be as much rigid and 'tough' as possible.

2. At present, the situation has worsened because the 2009 elections in Israel brought to power the most rightist government within the latest twenty years. The Prime Minister, Binyamin Netanyahu, and even more so his Foreign Minister, Avigdor Lieberman, to judge by their statements, are against establishing any Palestinian state at all. The maximum Netanyahu could be persuaded — under Barack Obama's pressure — is to agree with establishing fully demilitarized state on the Palestinian land, at that, just under condition of preserving the Jewish settlements there, where some 300 thousand people live by now.

3. The Palestinian politicians are true to themselves: even in such a critical moment, they are unable to settle down their differences and come to agreement with each other. It seems, that the FATAH's immediate enemy is not Israel, but HAMAS, and vice versa. Under such conditions, the Israeli leadership can afford not being in a hurry, all the more so when Netanyahu has successfully enough switched Obama's attention to the Iranian problem. The prospects of the conflict settling are not looked too real, at present.

Arne Seifert (Germany). DIALOGUE WITH THE ISLAMIC WORLD AS AN ELEMENT OF THE EUROPEAN STRATEGY

1. The Islam becomes an inalienable part of political systems of the huge geopolitical space from Baghdad to Rawalpindi, which geostrategic and which geo-economic importance is hard to be overestimated. However, outside this world, the political changes caused by the intensification of the Islamic movement are met with disapproval, misunderstanding, they are looked upon with biases within it as well. In general, this profound international phenomenon, objective in its core and controversial due to wide range of internal and external circumstances, might well become of too ill nature the extremely painful character, with all the implied negative consequences, both for the Muslim countries themselves, and the EU, Russia, unless some ways to be found to harmonize the relations between the two major tendencies — secularity and Islamic tradition.

2. The policy pursued should be focused on making the Islamic parties and statesmen adhere to the national positions. Therefore, the issue on the Islamic elites' role and prospects in the course of building up the national statehood is of special importance. In this light let us consider the third, and the last, thesis — on what kind of bases the interrelation between the secular state and the religion are to be developed to provide for their peaceful co-existence and cooperation.

3. Some social contract is needed, provided there is a real basis of coexistence in a common nation-state. At that, it has to be remembered, that the competition between the secular and Islamic opponents is of both political and ideological characters, and it would last for inexplicitly long. That means, the arrangement between the parties involved should be based on the conditions that would stimulate their striving to follow the democratic, peaceful principles, while still competing. Hence, there is the need to make new democratic mechanisms — the foothold of a kind for integrating processes — which calls for defining a number of conditions and adhering to them.

NATIONAL SECURITY

Anatoly Tsyganok. THE RUSSIAN OPPOSITION IN THE ARCTIC. IS RUSSIA CAPABLE TO DEFEND THE NORTH?

1. Today, all the sea powers — Russia's historical neighbors on the sea theatres — have the navy forces comparable and even, frequently, exceeding qualitatively and quantitatively the fleets Russia has in these regions. At that, Russia's sea and ocean water areas, internal waters, territorial sea, exclusive economic zone, continental shelf, and air space over them are the areas, from where the threats might be brought in by sea carriers of the high-precision weaponry, capable to cause a substantial damage to the Russian Federation's military-economic potential.

2. At present, Russia considers its northern border the most vulnerable. In fact, there is the Russian military presence just on Kola peninsula, where our navy is being concentrated, while all the rest part — up to Chukotka — have practically no military presence to speak of. There are no military units, but for frontier posts under the Federal Security Service (FSS) Arctic Regional Border Guard Command (the RF FSS ARBGC) and the frontier battleships under Russia's the FSS BGS Coastal Guard.

3. After the Georgia-Ossetia war, there is again the question for Russia to answer: cooperation or confrontation. Either to conclude the interstate agreement on restricting the NATO military activities and our own military activity in the Arctic, or to go on with further opposition and confrontation. As the Minister for Foreign Affairs, S. Lavrov, stated at the concluding press-conferences on the outcome of the Arctic Council session, «We have no plan to increase our military presence in the Arctic, nor to deploy the armed forces there». Russia wants no confrontation and rejects no international cooperation in the Arctic. Russia is ready to a dialogue.

ECONOMICS & FINANCE

Abrahr Yarlykapov, Ahly Isaev. FACTORS OF LONG-TERM MODERNIZING THE REGIONS FINANCES

1. Whether a financial system modernizing is catching-up or innovative depends upon the specifics of development of the system itself, its links and their structure, and upon the activities of institutions controlling it. Theoretically and practically, there is a problem of transformation — development interrelation. In the regions financial system development, both reformation and transition might be essential. In one case, the improvement of financial ties and relations should take place, in the other case, it should take building new 'stories' of the financial system, for example, an indicative financial system of the federal district.

2. In the sphere of regional finances, modernizing is an expression of innovative development of a regional financial system, its separate links, financial sectors of the regional economy (the state sector, municipal finances, commercial enterprises finances, banks, stock market, investment sector). It covers both the internal processes in the regional finances system and its external relations and the mechanisms of outside interaction with the federal links of the financial system, the monetary and credit system with its the control centre — the Central bank of the Russian Federation, the all-Russian stock market, the state corporations and natural monopolies.

3. The cyclicity of modernizing is of the objective character, but that does not mean it should include deep «crisis pits», like those in 1998 or 2008-09. The modernizing financial policy should be of preventive character and reduce the degree of crisis risks not just by withdrawing resources from financial circulations into the external reservoirs of the financial reserves, but also by creating the real stability of the finances of the enterprises and regions by means of the policy of financial growth, including the budgetary and tax potentials and their full use to cover the internal requirements of the innovative growth and social development.

4. The financial reserves can promote a financial system stability, at that, the economy would still remain backward, instead of innovative, and the financial system operates with insignificant potential of financial resources and depends upon the inefficient enterprises which are under 'innovative stagnation'. To understand and take into account certain long-term patterns and cycles in activities of the country's financial system and the sub-federal finance flows are necessary to carry out some real policy, to foresee possible 'failures' in the economy dynamics, as well as to assess the correctness of the regional financial and economic policy general trajectory and perspective.

DEBUT

Pavel Komarov. CHINA'S RISE IN THE CONTEXT OF THE INTERNATIONAL SECURITY

1. As the majority of experts believe, the People's Republic of China, with its phenomenal economic growth rates (average about 9% a year) for more than 30 years, that none

world economic crisis seems able to bridle, is capable to be a match to the USA, according to the absolute indicators of economic development, in the nearest future. The PRC will inevitably supplement strengthening its potential with the cardinal change of the country's geopolitical and a geo-economic position, which fact — while the Communistic rhetoric and the Communist Party monopoly for the political power still preserved — naturally, causes diverse reaction in the world. Usually, the greatest dangers are seen in escalating China's military potential, increasing demand for energy, and in dumping the Chinese goods in the world markets.

2. Some special attention is to be paid to Russia's place in China's 'great strategy' in the coming years. Despite Russia's obvious backlog from China in the level of economic development, despite the fact that the economic cooperation, largely, has the character of interrelations in energy branch, it is necessary to note the extremely cautious and respectful attitude on the part of Chinese analysts and the PRC leadership to Russia which gradually regains its lost-before positions in the international system.

3. At the same time, China's rise, by all means, opens improbable, really unprecedented possibilities before us. Provided, there is a real, not just declared strategic partnership between our countries, Russia might as well be harmoniously included into the prompt economic growth algorithm generated in the APR, to overcome accruing technological backlog and, finally, to solve inveterate problems of economic rise of Siberia and the Far East, to stop depopulation of eastern part of the country and to provide for our security in the Asian direction in the face of new challenges and threats.

«ROUND TABLE»

RUSSIA'S IMAGE IN THE MODERN WORLD

The participants in the discussion were Professor Valery A.Loukov, Dr.Sc. (Philosophy), the Deputy Rector on Researching and Publishing — Director of the Institute of Fundamental and Applied Studies at the Moscow Humanitarian University, and Vladimir K.Kantor, Dr.Sc. (Philosophy). The Round Table was hosted by Professor Pavel S.Gurevich, Dr.Sc. (Philosophy).

The following questions have been discussed —

1. In what way is Russia's modern image to be described — positive or negative; clear or vague; specified or non-specified?
2. What have the Russian government's efforts come to — 'to be the democratic country or to appear to be the one'?
3. What determines the modern Russia's image?
4. Are there any traditions to lean upon in Russia's image-making?
5. What can be done to ennoble Russia's image?

PUBLICATIONS

Towards the 65th Anniversary of the Great Victory

Alexander Uhrban. «WE ARE THE ONLY ONES TO HAVE SURVIVED — ONE OUT OF TEN DRIVEN TO CAPTIVITY»

«The Hitlerite concentration camps have been written down into one of the most tragic pages of the war. In the 14,000 places of 'forced confinement' (to be read — in the death camps) there were 18 million persons from the different countries languished in captivity. Of them, 11 million were exterminated by arduous slave toil, were shot, gas-poisoned, hung, burnt, and died of beating and 'medical' experiments made by the SS monster-doctors. Bone marrow was being withdrawn from the children, they were brought into complete exhaustion and then their blood was extorted...»

«...In the Nazi female concentration camp of Ravensbrück, the SS-men made up the women prisoners columns at night time. And then day and night they drove them under the escort of the trained Alsations deep into Germany and to the Baltic Sea coast to board on barges and to sink in the sea. The Hitlerites were nervous, as the Red Army artillery cannonade

was already audible. They covered up the traces of their previous monstrosities and did new one — all prisoners who walked slowly or fell were at once shot to death right on the road.

Never-ending streams of prisoners. What a terrible sight it was — the procession of the human skeletons dried up by hunger and hardly covered with striped rags...

Ravensbrück was the only female concentration camp in the territory of Germany. The Hitlerites have killed 92,000 women and children there.»

The Way It Were

Vladimir Roschupkin. THE OPERATION EAGLE CLAW FAILURE

«In Iran, the unsuccessful US special operation is still remembered.

Here is the prehistory of those events. In February 1979, following the Islamic Revolution in Iran, the state power has passed to the clergy led by Ayatollah Khomeini who proclaimed the Islamic Republic established. Upon the Shah regime overthrow the Teheran-Washington relations have become aggravated sharply...

On November 4th, 1979, the group of Iranian students, adherents of the Iranian Revolution spiritual leader, Ayatollah Khomeini, supported by the government of Iran, seized the American Embassy in the Iranian capital. The 53 Embassy employees were kept as hostages.»

From history of the Soviet diplomacy

Vsevolod Oleandrov. HOW RUSSIAN BECAME THE UN WORKING LANGUAGE

1. Originally, according to the 1945 rules of procedure, the United Nations official languages were English, French, Spanish, Russian and Chinese, while the working languages — just English and French. The rules were applied to all the UN bodies. The difference between the official and working languages was that all resolutions and all major UN documentations were to be published (but by far not off-hand) in the official languages, while the working languages were in use in day to day work, all speeches made in any official language were to be translated into a working one. That meant, that if a delegation made a suggestion in any other language but English or French, it had to complement it with the working language translation.

2. At the 23rd General Assembly session, the Soviet Delegation has been instructed to suggest Russian be accepted as the UN working language and to seek after the decision being passed. The Delegation, headed by the Minister A. A. Gromyko, officially offered the suggestion and began working to get other delegations' support of the offer. The Soviets were making use the wording of some other General Assembly resolution, passed earlier, which said, the United Nations would enrich itself by using several languages which are the means to achieve its noble objectives.

3. The reaction by the USA and other Western member-countries was quick and negative. They claimed the suggestion is being fully unacceptable. They thought it better not to openly reason their position with some political arguments, and claimed that introduction of one more working language would greatly increase the United Nations financial expenses. The argument seemed to be impressive, provided many small and medium UN member-countries have always found it hard to pay out the financial expenses of this organisation. As a result, both sides were waging a fierce struggle for votes for over two months.

4. At our Delegation meeting, a new decision was made — to address the Arab member-countries with the request for support and to promise them our and the Latin American support in case they would choose to suggest the Arabic language as the UN official and working language. The decisive has proved to be the position of Saudi Arabia. The group of the Arabian member-countries agreed to second our offer and decided to get the decision on the Arabic language status in the United Nations passed at the next year session. The resolution, motioned with 'ayes' of ten Arab and some other Asian and African member-countries, stated, that the General Assembly resolved to accept Russian inter alia other working languages of the General Assembly and considered it desirable to use Spanish and Russian as the Security Council working languages.

NOTES ON A BOOK'S MARGINS

CAN THE CAPITALISM SURVIVE?

On Friedrich von Hayek. The Destinies of Liberalism in the 20th Century. — M.—Chelyabinsk, 2009. 337 pp.

1. The collection of historical essays by the outstanding Austrian economist, Nobel Prize winner, F. Hayek, his reminiscences about his teachers and colleagues — the Austrian school economists and the European liberals of the first half of the 20th century (K. Menger, J. Schumpeter, F. von Wieser, L. von Mises, B. de Jouvenel, B. Leoni, et al.) — is not just valuable in theoretical sense, but it is rather topical as well. The book covers the process of developing the liberal ideas in Germany in the beginning and middle of the last century. All the essays are tied up with the theme that might be defined in these words — the History's place and the historians' role in developing the national self-consciousness.

2. The book under review proves, that, eventually, the destinies of Liberalism depend on impartiality of historians and on 'actuality of the history that had not been written for the sake of serving some special interests'. F. Hayek gives the solution to such an intellectual riddle: how to align the 'supremacy of truth', being the criterion for all the historians, with the uncertainty of things that had to be studied by the economists? To him, an economist who is nothing but an economist, cannot be a good economist.

3. There are many a generalized conclusion in F. Hayek's book. The political history, he notes, by no means can be based upon the economic theory. In other words, it cannot be defined in economic terms only. The author writes with conviction about the topical need of an international meeting of scholars in various fields of knowledge. He claims also, that many components of liberal theories are capable to get their followers in the snare of Socialism or Nationalism. It is significant enough, that Hayek speaks of necessity of intellectual submission that is the essence of true Liberalism. It resolutely rejects any mental arrogance.

Elvira Spirova

«THE THAW» IN THE NATIONAL INTERIOR

On The Khrushchev's 'Thaw' and the Nationalities Issue
in Azerbaijan (1954–1959). — M., 2009.

The research work made by Azerbaijan historian Jamil Gasanly, brings into open the least studied aspect of the democratic processes in the USSR.

1. The political events in the Soviet Union, that followed Stalin's death and became known in history as the Thaw (its starting point is provisionally considered to be the 20th Communist Party Congress /1956/ that passed the famous decision «On the Cult of Personality and Its Consequences»), despite an abundance of publications is still one of the least studied periods in the country's history. In part, it is due to prevalence of the journalistic, rather than the scientific viewing that period of time — the most acute and controversial stage the USSR social development.

2. Of special interest is the revealed factor of perceiving the Thaw as a step towards the democracy by the national self-consciousness, so to say, a purely ethnic reaction to the process de-Stalinization, resulted in a chain of dramatic events in the Transcaucasia republics, that in many respects had anticipated awakening 'national spirits' three decades later.

3. The study made by J. Gasanly gives food to ponder not just over contradictions between national and international, or the dramatic similarity of the reforms and the Soviet revolutionary reformers. The nationality problem is arising anew (if has not arisen yet!) for the peoples in the Southern Caucasus, as well as for the post-Soviet space as a whole, in rigid and peculiar conditions of the world community globalizing. In what way would these peoples perceive this new challenge to their national identity and, in fact, to their national sovereignty? As an inevitable sacrifice for the sake of modernization and fruitful participation in civilization process, or as the threat to their own values? That is the question.

Rasim Agayev

THE INTERNATIONAL RELATIONS TAKE THE INNOVATIVE PATH

The Innovative Trends of Modern International Relations.

(A.V.Krutskikh, A.V.Biryukova, ed.). —

M: Aspect Press Publishing House, 2010. 295 pp.

1. The authors pay special attention to the concept of innovative activity, which is of utmost importance to correctly understand the character and goals of the work that is to be looked forward to be done for building the «innovative economy» (pp. 27–48). Unfortunately, as the session of the Commission for Modernisation and Technological Development of Russia's Economy, held in last December and chaired by the RF President D. Medvedev, has proved, even the «captains» of the Russian business are lacking such an understanding.

2. The work under review is practically valuable not just for tuition, but also, in wider scale, for the official the decision-makers in sphere of Russia's interaction with the outer world. Throughout all chapters of the book, not just the successes of the BRIC rising giant countries with their model of accelerated development are being considered, but also the experience which made those successes real is analyzed in detail.

3. The reviewing tutorial is a major landmark on the path of assimilating the new topics that reflect the versatile process of innovative development in the context of modern international relations. Nothing less can be expected from the highly skilled authors participated in the book. It may be just hoped, that the analysis results revealed in the book would find some practical application to implement the domestic and foreign policy goals of Russia's development.

Sergey Oznobishchev

ОБ АВТОРАХ

Агаев Расим Гусейнович (*Азербайджан*) — заместитель председателя Союза журналистов Азербайджана. По образованию филолог — закончил Азербайджанский государственный университет. С 1964 года в журналистике — Азербайджанское радио, собкор Агентства печати Новости, газеты «Труд» по Азербайджану, заведующий Бюро АПН в Ливии. Кандидатская диссертация посвящена проблемам политических союзов в Ираке. В разные годы работал заведующим идеологическим отделом ЦК Компартии Азербайджана, руководителем пресс-службы Президента АР. Автор ряда работ по проблемам Ближнего Востока, стран Южного Кавказа.

Борисов Дмитрий Викторович — кандидат экономических наук (МГУ). Автор книги по прямым иностранным инвестициям в страны Африки и Ближнего Востока. Президент фонда «Информиент».

Дергачев Владимир Александрович (*Украина*) — русский геополитик, живущий в Одессе. Профессор, доктор географических наук, член Союза журналистов Украины. Окончил с отличием Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова, там же защитил кандидатскую и докторскую диссертации. На основе разрабатываемой профессором Дергачевым теории Больших многомерных пространств впервые в Восточной Европе создана серия междисциплинарных трудов и учебников по геополитике, геоэкономике и геофилософии, ориентированных на формирование аналитического мышления. Автор более 500 научных и публицистических работ, за последние годы опубликовано 16 книг, в том числе: Геополитика (Киев: ВИРА-Р, 2000); Геоэкономика (Киев: ВИРА-Р, 2002); Цивилизационная геополитика: Геофилософия (Киев: ВИРА-Р, 2004); Геополитика. Учебник (М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004); Регионоведение (М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004, в соавторстве с Л.Б. Вардомским); Международные экономические отношения (М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005); Глобалистика (М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005). Публицистические статьи печатались в киевских и московских газетах «Известия», «Литературная газета», «Экономическая газета», «Общая газета» и интернет-изданиях.

Зайферт Арне Клеменс (*Германия*) — дипломат и ученый. Большую часть дипломатической деятельности посвятил работе в странах Ислама — сначала как представитель ГДР, а затем объединенной Германии. Ныне А.Зайферт — посол в отставке, спикер и один из основателей немецкой инициативы европейских дипломатов «За диалог с мусульманским миром».

Исаев Эли Абубакарович — заместитель председателя правительства, министр финансов Чеченской Республики, кандидат экономических наук. Область научных исследований — региональная финансовая политика, межбюджетные отношения, инвестиционные программы. Публикации: Финансовый потенциал крупного экономического региона. — М.: Издательство «Экономика», 2007; Модернизация региональных финансов. — М.: Издательство РАГС, 2009.

Комаров Павел Александрович — студент 4-го курса факультета мировой экономики и мировой политики ГУ ВШЭ.

Кортунов Сергей Вадимович — доктор политических наук, заведующий кафедрой мировой политики факультета мировой экономики и мировой политики ГУ ВШЭ, действительный член Академии военных наук, заместитель председателя Экспертного совета Комитета по международным делам Совета Федерации Федерального собрания РФ. С 1982 по 1994 год работал в центральном аппарате МИД СССР и РФ. Занимался проблемами ограничения гонки вооружений и разоружения. Принимал участие в двусторонних и многосторонних переговорах по разоружению (ЯКВ, РСМД, СНВ-1, конференция по разоружению, комиссия ООН по разоружению, переговоры основных экспортеров оружия, РКРТ, переговоры по экспортному контролю, ОБСЕ и др.). С 1994 по 1998 год — консультант, референт помощника президента РФ по национальной безопасности, заместитель руководителя аппарата Совета обороны РФ — начальник международно-аналитического отдела. Занимался концептуальными вопросами национальной и международной безопасности, военной реформы, военного строительства и военной доктрины, а также проблемами разоружения, конверсии и военно-технического сотрудничества. С 1998 по 2001 год — советник руководителя администрации Президента РФ. С 1998 по 2002 год — вице-президент Внешнеполитической ассоциации. С 2004 по 2006 год — начальник управления анализа и прогноза ОАО «ГАО ВВЦ». С 2006 по 2007 год — начальник информационно-аналитического управления Федерации независимых оценщиков и экспертов ТПП РФ. Автор ряда книг и статей (более 200) по концептуальным проблемам международных отношений, внешней политики, разоружения и национальной безопасности.

Мирский Георгий Ильич — доктор исторических наук, профессор кафедры мировой политики факультета мировой экономики и мировой политики ГУ ВШЭ. Область научных интересов: исламский фундаментализм, палестинская проблема, проблемы международного терроризма, страны Ближнего Востока.

Ознобицев Сергей Константинович — заведующий сектором Института мировой экономики и международных отношений РАН; профессор Московского государственного института международных отношений МИД РФ. С июля 1997 года — директор независимого Института стратегических оценок. С 1973 по 1996 год работал в Институте США и Канады РАН, в последние годы — директором Центра проблем международной безопасности. С сентября 1998 по ноябрь 2001 года — начальник организационно-аналитического управления Российской Академии наук. В 1995–1998 годах состоял членом Аналитической группы при Советнике Президента по национальной безопасности. В 1989–1990 годах участвовал в переговорах по обычным вооруженным силам в Европе. Член Экспертного совета Комитета по международным делам Совета Федерации; член Рабочей группы Комиссии Общественной Палаты по международному сотрудничеству и общественной дипломатии; член Экспертного совета Организации Договора о коллективной безопасно-

сти; Вице-президент российской ассоциации политических наук; член международного Пагуошского комитета; член правления Балтийского форума; член Совета по внешней и оборонной политике; действительный член Российской Академии космонавтики, действительный член Всемирной Академии наук комплексной безопасности. Автор около 200 научных и публицистических работ на русском и английском языке по проблемам международной и национальной безопасности, сокращения и ликвидации вооружений, внешней политике России.

Олеандров Всеволод Леонидович — профессор кафедры мировой политики факультета мировой экономики и мировой политики Государственного университета — Высшей школы экономики. Чрезвычайный и полномочный посол РФ. Кандидат юридических наук. Профессиональные интересы: консульская служба, дипломатическая служба, международные институты, международные организации, современная внешняя политика РФ, страны Латинской Америки и Карибского бассейна. Автор книг и статей по вопросам международных конфликтов и международного права, деятельности ООН и о конфликтных ситуациях на Ближнем и Среднем Востоке, внешней политики российского государства от Киевской Руси до наших дней, истории внешнеполитического ведомства России и современной российской дипломатии.

Паульман Валерий Федорович (Эстония) — доктор экономических наук, профессор. Окончил Ленинградский государственный университет имени А.А.Жданова. С 1957 по 1974 год работал в Центральном статистическом управлении при Совете Министров Эстонской ССР. С 1974 года — начальник Управления народнохозяйственного плана Государственного планового комитета Эстонской ССР, а с 1981 года — первый заместитель председателя Государственного планового комитета Эстонской ССР. С августа 1983 года — заведующий экономическим отделом ЦК Компартии Эстонии. С мая 1987 года — заместитель председателя Совета Министров Эстонской ССР — председатель Государственного планового комитета Эстонской ССР. С января 1989 года — советник по вопросам планирования посольства СССР, представитель Госплана СССР в Республике Куба. В марте-ноябре 1991 года — министр труда и социальных вопросов СССР. Автор ряда книг, в том числе «Мир на перекрестке четырех дорог. Прогноз судьбы человечества».

Рощупкин Владимир Тимофеевич — обозреватель медиапортала «Хранитель», кандидат политических наук, профессор Академии военных наук. Окончил Волгоградский государственный педагогический институт, Дальневосточный государственный университет, Новосибирское высшее военно-политическое училище, аспирантуру МГУ им. М.В.Ломоносова. Специализируется по проблемам безопасности, международных отношений, военной истории.

Свечников Александр Львович — сотрудник Института стратегических оценок и анализа. Окончил географический факультет МГУ им. М.В.Ломоносова (1973), кандидат философских наук (1987). В 1974–1995 годах работал в союзном, а после 1991 года — в федеральном ведомстве. В 1995–2003 годах сотрудник информационно-аналитических и PR структур частных компаний. Область научных интересов: социология, аналитика. Последние крупные публикации: «Глобальный капитализм: размышления на тему» (2002, в соавторстве), «Современный глобальный капитализм» (2003, в соавторстве).

Спирова Эльвира Маратовна — кандидат философских наук, заместитель заведующего кафедрой психологии в Московском государственном университете технологий и управления, заместитель заведующего Клиникой глубинной психологии. Автор ряда научных тру-

дов по политической психологии и философской антропологии. Член Российского психоаналитического межрегионального общества.

Султанов Эрнест Шамильевич — кандидат юридических наук (МГИМО). Специалист по арабскому фольклору и европейской кухне. Подготовил к публикации книгу «Записки оккупанта из Италии».

Урбан Александр Александрович — журналист-международник, пресс-секретарь Фонда памяти полководцев Победы, бывший малолетний узник и сын полка.

Цыганок Анатолий Дмитриевич — руководитель Центра военного прогнозирования, доцент факультета международной политики МГУ. Полковник, кандидат военных наук, член-корреспондент Академии военных наук, член общественного Совета при Министерстве обороны Российской Федерации, член союза журналистов Российской Федерации. Военное образование получил в Омском высшем общевойсковом училище (1967), академии им. М.В. Фрунзе (1980), адъюнктуре академии им. М.В. Фрунзе (1987). С 1963 по 1993 год — служба в рядах Советской, затем Российской армии, полковник запаса. В 1991 году — заместитель председателя Комитета по формированию Российской гвардии в секретариате вице-президента РСФСР. В 1991–1992 годах — консультант, эксперт-специалист Комитета военной реформы при Государственном Совете СССР, секретарь Государственной Комиссии по формированию Российской Армии и Министерства обороны Российской Федерации. С 1992 по 1999 год — в правительстве Москвы, начальник Московского городского штаба народных дружин, член Совета по безопасности г. Москвы. В 2003–2005 годах — руководитель центра военного прогнозирования Института политического и военного анализа. Автор монографии «Уроки для России из израильско-ливанской войны 2006 года», около 80 публикаций по закрытой тематике, в открытой печати — более 300 публикаций.

Шпангер Ганс-Иоахим (Германия) — руководитель Исследовательской группы и член правления Института по исследованию проблем мира (Франкфурт). Предшествующая деятельность: научный сотрудник Международного института стратегических исследований (МИСИ) в Лондоне (1987–1988), член (2005) и председатель (2007) Консультативного совета Министерства иностранных дел Германии по «Предотвращению гражданского кризиса, разрешению конфликтов и укреплению мира». Избранные публикации: «После кавказской войны: Вовлекать, а не отталкивать Россию» (2008, в соавторстве); «Сила без цели. Неудачная политика Дж.У.Буша в отношении России» (2008); «Между точкой ноль и квадратом один. Как Дж.У.Буш потерпел неудачу с Россией» (2008); «ЕС–Россия: Что остается от стратегического партнерства?» (на нем. яз., 2007); «Парадоксальная преемственность: Немецкая политика в отношении России и коалиционная теория цвета» (на нем. яз., 2004).

Шульце Петер (Германия) — профессор политологического факультета университета Гёттингена (Германия), эксперт по экономике России.

Ярлыкапов Аббар Бадретдинович — доктор экономических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой финансов и отраслевой экономики по научной работе Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации. Участник боевых действий в Афганистане. Окончил агрономический факультет Башкирского сельскохозяйственного института (1964), Высшую партийную школу при ЦК КПСС

(1974) и аспирантуру Академии общественных наук при ЦК КПСС (1981). В 1964–1978 годах — на хозяйственной и комсомольской работе, в 1981–2003 годах — на партийной и государственной работе. В 1968–1972 годах — первый секретарь Башкирского обкома ВЛКСМ, в 1974–1978 годах — заведующий отделом сельской молодежи ЦК ВЛКСМ. В 1981–1990 годах — инструктор отдела сельского хозяйства и пищевой промышленности ЦК КПСС. В 1990–1995 годах — полномочный представитель Республики Башкортостан при Президенте РФ. В 1999–2003 годах — заместитель председателя Комитета межрегиональных связей и национальной политики правительства Москвы. Избирался депутатом Верховного Совета БАССР (1968–1975). Награжден орденами Дружбы народов (1988), «Знак Почета» (1971), орденом Преподобного Сергия Радонежского III степени Русской православной церкви, многими медалями СССР, а также наградами других государств. Автор многих работ и монографий по различным аспектам теории и практики функционирования АПК.

OUR AUTHORS

Rasim G.AGAYEV (*Azerbaijan*) — Deputy Chairman of the Azerbaijan Union of Journalists. Graduated from the Azerbaijan State University (the Philological Department). Since 1964, engaged in journalism as correspondent of the Azerbaijan Radio, the Novosti Press Agency's own correspondent, the *Trud* newspaper's correspondent for Azerbaijan, the Chief of the Novosti PA Bureau in Libya. His Cand. Sc. (History) thesis explored on problems of political alliances in Iraq. In divers years, hold positions of the Chief of the Ideological Department at the Communist Party of Azerbaijan Central Committee, the Head of the Press Service of the President of the Azerbaijan Republic. Authored some publications on problems in the Middle East and the Southern Caucasus countries.

Dmitry V.BORISOV — Cand.Sc. (Economics) (The Moscow State University). Authored a book on direct foreign investments into the African and Mid-Eastern countries. Is President of the *Inforient* Foundation.

Vladimir A.DERGACHEV (*Ukraine*) — Dr.Sc. (Geography), Professor, expert in geopolitics, the Russian living in Odessa, Ukraine. Holds membership in the Union of Journalists of Ukraine. Graduated with distinction, completed post-graduate courses (PhD), and doctorate studies (doctor's degree) at the Moscow M.V. Lomonosov State University. First time in the Eastern Europe, the series of interdisciplinary works and textbooks on Geopolitics, Geoeconomics and Geophilosophy aimed to form analytical thinking have been put out based upon the theory of Greater Many-Dimensional Spaces worked out by professor Dergachev. Authored over 500 scientific and popular writings. Recently, had 16 books published, including *The Geopolitics* (Kiev: VIRA-R, 2000); *The Geoeconomics* (Kiev: VIRA-R, 2002); *The Civilization Geopolitics: Geophilosophy* (Kiev: VIRA-R, 2004); *The Geopolitics. Textbook* (M.: UNITI-DANA, 2004).; *The Regionology* (M.: UNITI-DANA, 2004, co-authored by L.B. Vardomsky); the *International Economic Relations* (M.: UNITI-DANA, 2005); *The Globalistics* (M.: UNITI-DANA, 2005). Frequently contributed to Kiev and Moscow newspapers, such as *Izvestiya*, *Literaturnaya Gazeta*, *Ekonomicheskaya Gazeta*, *Obschaya Gazeta*, and to Internet-editions. More detailed professor Dergachev's curricula vitae and his *Big Geopolitical Dictionary* see at his personal web-site: www.dergachev.ru

Ahly A.ISAEV — Cand. Sc. (Economics), Deputy Chairman of the Government, Finance Minister of the Chechen Republic. Areas of scientific researches include the regional finance policy, inter-budgetary relations, investment programs. Publications — *The Financial Potential of a Larger Economic Region*. — M: Ekomika, 2007; the *Modernizing Regional Finances*. — M: RAGS, 2009.

Pavel A.KOMAROV — is the 4-year student of the Department of World Economy and World Politics of the State University — Higher School of Economics (SU HSE).

Sergey V.KORTUNOV — Dr. Sc. (Politology), the Chair of the World Politics at the SU;HSE Faculty of economics and world politics, the full member of the Academy of Military Sciences, Vice-Chairman of the Advisory Council at the Russian Federation Federal Assembly Council of Federation Foreign Affairs Committee. In 1982–1994 employed by the USSR and Russian Federation Ministries for Foreign Affairs. Dealt with the problems of arms race termination and disarmament. Took part in bilateral and multilateral negotiations on disarmament (talks on nuclear control, medium— and short range, and cruise missiles, SALT-1, Conference on Disarmament, the UN Commission on Disarmament, talks of the major arms exporters, the export control negotiations, the OSCE, etc.). In 1994–1998 — the consultant, aid of the national security advisor to the President of the Russian Federation, Deputy Chief of the staff of the RF Defense Council — the Chief of the International Analytical Department. Was engaged in conceptual issues of national and international security, military reforming, military organization and military doctrine, as well as in problems of disarmament, conversion and military-technical cooperation. In 1998–2001 — the adviser to the Head of Administration of the President of the Russian Federation. In 1998–2002 — Vice-President of the Foreign Policy Association. In 2004–2006 — headed the Analysis and Forecast Department at the Open Joint Stock Company of «the All-Russia Exhibition Center State Joint-Stock Society». In 2006–2007 — Chief of the Info-Analytical Directorate of the Federation of Independent Estimators and Experts at the Russian Federation Chamber of Commerce and Industry. Authored a number of books and articles (over 200) on conceptual problems of the international relations, foreign policy, disarmament and national security.

Georgy I.MIRSKY — Dr. Sc. (History), the professor at the World Politics chair of the Department of World Economy and World Politics of the State University — Higher School of Economics (SU HSE). Research interests include the Islamic fundamentalism; the Palestinian problem; international terrorism; the Middle East countries.

Vsevolod L.OLEANDROV — Cand. Sc. (Law), professor at the World Politics Chair of the Department of World Economy and World Politics at the State University — Higher School of Economics (SU HSE). Holds the rank of the RF Extraordinary and Plenipotentiary Ambassador. Occupational interests include consular and diplomatic services, international institutions and organisations, the RF modern foreign policy; the Latin American and Caribbean countries.

Authored books and articles on international conflicts and international law, the UN activities and conflict situations in the Near and Middle East; on the Russian State's foreign policy from the period of the Kiev Rus till nowadays, on the history of Russia's foreign policy office and the modern Russian diplomacy.

Sergey K.OZNOBISHCHEV — Head of a sector at the Russian Academy of Sciences Institute of World Economy and International Relations; Professor at the RF Ministry for Foreign Affairs *MGIMO* University. Since July 1997 — Director of the independent Institute of Strategic Assessments. In 1973–1996 was employed by the Russian Academy of Sciences Institute of the US and Canadian Studies (ISCRAN), where, of late, hold the position of Director of the Center on the International Security Problems. Since September 1998 till November 2001 — Chief of Directorate for Organisation and Analysis at the Russian Academy of Sciences. In 1995–1998, was a member of the Analytical Group at the President's Council on National Security. In 1989–1998, participated in negotiations on conventional armed forces in Europe. At present, is the, member of the Advisory Group at the Com-

mittee on the International Affairs of the Council of Federation of the Russian Parliament; member of the Working Group of the Civic Chamber Commission on International Cooperation and Public Diplomacy; Vice-President of the Russian Association of Political Sciences; member of the International Pugwash Committee; member of the Board of the Baltic Forum; member of the Council on Foreign and Defense Policy; full-fledged member of the Russian Academy of Cosmonautics; full-fledged member of the World Academy of Integrated Security Sciences. Authored about 200 academic and publicist works (both in Russian and English) on international and national security, arms reduction and destruction, Russia's foreign policy.

Valery F. PAULMAN (*Estonia*) — Dr. Sc. (Economics), Professor. Graduated from the A.A. Zhdanov Leningrad State University. In 1957–1974, was employee in the Central Statistical Department at the Estonian SSR Council of Ministers. In 1974, was appointed the Director of the People's Economy Plan Directorate of the Estonian SSR State Planning Committee, in 1981, was promoted to the position of the First Deputy Chairman of the Estonian SSR State Planning Committee. In August 1983, came to head the Economy Department of the Communist Party of Estonia Central Committee; in May 1987, the Deputy Chairman of the Estonian SSR Council of Ministers — Chairman of the Estonian SSR State Planning Committee. In January 1989, got appointment of the USSR Embassy Councilor on planning, the USSR State Planning Committee representative in the Republic of Cuba; in March–November 1991, was the USSR Minister of Labor and Social Matters. Authored some books, including the *World at the Four Ways Crossroad: The Prognosis of the Mankind's Destiny*.

Vladimir T. ROSCHUPKIN — Cand. Sc. (Politology), professor at the Academy of Military Sciences, columnist of the *Khranitel (Custodian)* media-portal. Graduated from the Volgograd State Pedagogical Institute, and the Far Eastern State University, and the Novosibirsk Higher Military-Political School, completed the postgraduate courses at the M.V. Lomonosov Moscow State University. Sphere of scientific researches includes the security problems, international relations, military history.

Peter SCHULTZE (*Germany*) — is the Professor at the Politology Department of the Gottingen University (Germany), the expert on Russia's economy.

Arne C. SEIFERT (*Germany*) — is a professional diplomat and scholar in the Oriental studies. Much of his diplomatic activities took place in the Islamic countries where, at first, he represented the German Democratic Republic, and later on the unified Germany. At present, Dr. Seifert is an Ambassador in retirement, the spokesman and one of the founders of the German initiative of *The European Diplomats for Dialogue with the Islamic World*.

Hans-Joachim SPANGER (*Germany*) — Head of Research Group and member of the Executive Board of the Peace Research Institute, Frankfurt. Previous Positions: Research associate at the International Institute for Strategic Studies (IISS) in London (1987–1988), member (since 2005) and chairman (since 2007) of the Advisory Board on «Civilian Crisis Prevention, Conflict Resolution and Peace Building» of the German Foreign Ministry. Selected publications: «After the Caucasian War: Engaging, not Containing Russia» (2008, coauthor); «Power without Purpose — George W. Bush's Failed Policy towards Russia» (2008); «Between Ground Zero and Square One. How George W. Bush failed on Russia» (2008), «EU–Russland: Was bleibt von der strategischen Partnerschaft?» (2007), «Paradoxe Kontinuitäten: Die deutsche Russlandpolitik und die koalitionären Farbenlehren» (2005), «Modernisierung contra Demokratisierung. Putins Russischer Weg» (2004).

Elvira M.SPIROVA — Ph. D., deputy head of the Psychology Chair at the Moscow State University of Technologies and Managements, deputy Chief of the Deep Psychology Clinic. Authored some scientific works on political psychology and philosophical anthropology. Holds membership in the Russian Psychoanalytical Inter-Regional Society.

Ernest Sh.SULTANOV — Cand. Sc. (Law) (The RF Ministry for Foreign Affairs *MGIMO* University). Expert in the Arabian folklore and the European cuisine. Wrote the book of *An Invader's Letters From Italy* that is ready to be published.

Alexander L.SVECHNIKOV — Ph. D., researcher at the Institute of Strategic Studies and Analysis. In 1973, graduated from the M.V.Lomonosov Moscow State University (Geographical Department). In 1974–1995 was employed by an all-Union (since 1991 — Federal) department. In 1995–2003, worked in the Info-Analytical and PR services at some private companies. Scientific/research interests: sociology, analytics. Latest major publications include the *Global Capitalism: Reflections on the subject* (2002, co-authored), *Modern Global Capitalism* (2003, co-authored).

Anatoly D.TSYGANOK — Cand. Sc. (Military), colonel (retired), the Head of the Military Prognosis Center, the associate professor at the MSU Department of International Politics. Holds membership at the Academy of Military Sciences (corresponding member), in the Public Council at the Russian Federation Ministry of Defense, in the Union of Journalists of the Russian Federation. Military educated in the Omsk Higher Military College (1967), the M. V. Frunze Military Academy (1980) and the Academy's post-graduation courses (1987). In 1963–1993 served in the Soviet then Russian Army. In 1991, Deputy Chairman of the Committee on Formation of the Russian Guards at the Secretary of the RSFSR Vice-President. In 1991–1992, the consultant, staff-expert in the Committee on Military Reform at the USSR State Committee. The Secretary to the State Commission on Formation of the Russian Army and the Russian Federation Ministry of Defense. In 1992–1999, worked at the Government of Moscow, Chief of the Moscow City Volunteer Militia Staff, Moscow's Council on Security member. In 2003–2005, headed the Military Prognosis Center at the Institute of the Political and Military Analysis. Authored monograph on *The 2006 Israeli-Lebanese War: Lessons for Russia*, and some 80 classified publications, and over 300 publications in the open media.

Alexander A.UHRBAN — international correspondent, Press Secretary at the Charity Fund for Preserving the Victory Commanders' Memory; former juvenile prisoner and military regiment's foster son.

Abrahr B.YARLYKAPOV — Dr. Sc. (Economics), Professor, Deputy Head of the Finances and Industry Economics Chair at the RF President's Russian Academy of Government Service (RAGS). The war in Afghanistan veteran. Graduated from the Bashkir Agricultural Institute (the Agronomical Department), in 1964; the Party Higher School at the CPSU Central Committee, in 1974; and completed post-graduate courses at the CPSU Central Committee Academy of Social Sciences, in 1981. In 1964–1978, engaged in economy management and the *Komsomol* activities, in 1981–2003, held the Party and the State local positions. In 1968–1972, was elected the First Secretary of the Bashkir Oblast Committee of the All-Union Lenin Young Communist League (*Komsomol*), in 1974–1978 headed the Rural Youth Department at the *Komsomol* Central Committee. In 1981–1990 held position of an instructor of the Agriculture and Food Industry Department at the CPSU CC. In 1990–1995, was the Republic of Bashkortostan Plenipotentiary Representative at the President of the Russian Federation. In 1999–2003, was Deputy Chairman of the Moscow Government Commit-

tee on Inter-Regional Relations and National Policy. Was elected Deputy to the Supreme Soviet of the Bashkir Autonomous SSR (1968–1975). Awards: Orders of the *Peoples' Friendship* (1988), the *Badge of Honor* (1971), Russian Orthodox Church Order of the Saint Sergey of Radonezh, 3rd Grade, and various other the USSR and foreign states' decorations. Authored many works and monographs on various aspects of theory and practice of the Agro-Industrial Complex (AIC) functioning.

Институт стратегических оценок и анализа
Бюро социально-экономической информации

ВЕСТНИК АНАЛИТИКИ

№ 1(39)

Перевод с английского — Владимира Мисюченко

Перевод с немецкого — Владимира Окулова

Корректурa *В.Никитюк*

Верстка *Л.Листвина*

Издание зарегистрировано в Министерстве РФ
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ № 77-5981 от 22 декабря 2000 года

Адрес редакции:

109004 Москва, ул. А.Солженицына, д. 40/14, стр. 1

Телефоны: (495) 911-97-78, (495) 912-39-88

Факс: (495) 911-92-77

www.isoa.ru

E-mail: issa@umail.ru

info@isoa.ru

Тираж 1200 экз. Цена свободная

Подписано в печать 25.02.10 г. Формат 70×100/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 11,5. Заказ № 280.

Отпечатано в ОАО «Издательский дом «Красная звезда».

ПОДПИСНЫЕ ИНДЕКСЫ ИЗДАНИЯ

в Объединенном каталоге

«Пресса России» – 44351, 44339.

Электронный адрес подписки в Интернете:

www.presscafe.ru

ПОДПИСКА НА «ВЕСТНИК АНАЛИТИКИ» ЗА РУБЕЖОМ:

через ЗАО «МК-Периодика» или фирмы-партнеры.

тел. +7 495 681-91-37, 681-97-63;

факс +7 495 681-37-98.

E-mail: info@periodicals.ru

<http://www.periodicals.ru>

SUBSCRIPTION TO *VESTNIK ANALITIKI* ABROAD

Via MK-Periodika or its partners:

Tel.: +7 495 681-91-37, 681-97-63;

fax: +7 495 681-37-98

E-mail: info@periodicals.ru

<http://www.periodicals.ru>

ПОДПИСАТЬСЯ И ПРИОБРЕСТИ ОТДЕЛЬНЫЕ НОМЕРА ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК АНАЛИТИКИ» МОЖНО В РЕДАКЦИИ.
Телефон: 912 39 88, 911 97 78, электронная почта: issa@umail.ru

Стоимость одного номера журнала в редакции (без доставки) – 100 рублей,
для пенсионеров и студентов – скидка 50 %.

Квитанция для оплаты в Сбербанке

Извещение

Форма № ПД-4

ЗАО «Институт стратегических оценок и анализа»

(наименование получателя платежа)

ИНН 7718163808

(ИНН получателя платежа)

№ **р/с 40702810900000080011**

(номер счета получателя платежа)

в АКБ «Росевробанк» г. Москва

(наименование банка и банковские реквизиты)

к/с № 30101810800000000777 в отделении

2 Московского ГТУ Банка России, БИК 044585777

Подписка на журнал

"Вестник аналитики"

(период подписки, номер журнала)

Дата _____ Сумма платежа _____ Руб. _____ коп.

Плательщик _____

(Ф.И.О. почтовый адрес, телефон)

Кассир

Квитанция

ЗАО «Институт стратегических оценок и анализа»

(наименование получателя платежа)

ИНН 7718163808

(ИНН получателя платежа)

№ **р/с 40702810900000080011**

(номер счета получателя платежа)

в АКБ «Росевробанк» г. Москва

(наименование банка и банковские реквизиты)

к/с № 30101810800000000777 в отделении

2 Московского ГТУ Банка России, БИК 044585777

Подписка на журнал

"Вестник аналитики"

(период подписки, номер журнала)

Дата _____ Сумма платежа _____ руб. _____ коп.

Плательщик _____

(Ф.И.О. почтовый адрес, телефон)

Кассир